

Уилки Коллінз

Разум и чувства

# Уилки Коллінз Разум и чувства



МАР КНИГИ

ISBN 978-5-906725-13-4



9 785906 725134













**Уилки Коллинз**

# **Разум и чувства**

ИЗДАТЕЛЬСТВО

**ТДЛ**

2014

ББК 84(4)Вел  
К 60

Иллюстрация на обложке  
*Владимира и Натальи Гурковых*

**Коллинз У.**

**К60** Разум и чувства / Пер. с англ. — СПб.: Издательство «ТДЛ», 2014. — 352 с.

ISBN 978-5-90675-13-4

Ученая дама миссис Галилей занимается различными исследованиями и тратит гораздо больше, чем может себе позволить. Неожиданно миссис Галилей получает опеку над племянницей Карминой, в ее планах ни в коем случае не выпустить опекунство из своих рук. Неожиданно в Кармину влюбляется сын миссис Галилей, талантливый врач Овид Вер. Козни матери, стремящейся всеми способами расстроить планы влюбленных, происки завидующего молодому коллеге доктора Бенджула, который работает над разработкой нового метода лечения болезни мозга, неожиданным образом сплетаются в единый клубок. Тайные опыты доктора по вивисекции приводят к тому, что молодая девушка заражается страшным вирусом. А доктор Бенджула хладнокровно наблюдает за течением болезни — ведь он врач-исследователь. Но не все врачи такие! Жених девушки Овид Вер бросается в науку в поисках лекарства и способа лечения, которые спасут жизнь его любимой.

Любовь и искренние чувства побеждают корысть и холодную науку, а творческий разум приходит к ним на помощь!

ББК 84(4)Вел

ISBN 978-5-90675-13-4

© Издательство «ТДЛ», 2014  
© Дизайн обложки ЗАО «Мир книги  
Ритейл», 2014

# I

Утомленное старое девятнадцатое столетие вступило в последнее двадцатилетие своей жизни.

Во втором часу дня Овид Вер (из королевской медицинской коллегии) стоял у окна своей приемной комиссии в Лондоне и смотрел на пыльную улицу, освещенную летним солнышком.

Он получил предостережение, знакомое занятым людям нашего времени, — предостережение природы, советующей отдых после утомительных занятий. Несмотря на открывающуюся ему блестящую карьеру, он был принужден (будучи только тридцати одного года от роду) просить товарища принять от него практику, для того чтобы дать жестоко утомленной голове своей отдых в несколько месяцев. На следующий день он собирался отплыть в Средиземное море на яхте своего приятеля.

Деятельному человеку, душой и телом преданному своей профессии, трудно привыкнуть сразу к счастливому ничегонеделанию. Оно оказалось для Овида невыносимым.

Он подошел к письменному столу. Будь у него жена, которая смотрела бы за ним, она, конечно, напомнила бы ему, что при настоящих обстоятельствах между ним и его письменным столом положительно не может быть ничего общего. Лишенный же супружеского руководства, он нарушил свои собственные предписания. Деятельная рука его выдвинула ящик и достала медицинскую статью,

написанную его рукой. «Я успею еще кончить главу до завтрашнего отъезда в море», — подумал он.

Голова его, не дававшая себя знать, пока он смотрел в окно, начала кружиться, прежде чем он успел кончить страничку. В последних фразах недоконченной главы говорилось о фактах, им еще не проверенных. Он был человек точный и терпеливый. Проверить эти факты можно было, сходя в медицинскую коллегию, находившуюся в большом сквере, называемом Линкольн-Инфильдс. Это был предлог пройтись, и пройтись не без цели. Он запер рукопись и вышел.

## II

Два приятеля, встречаясь на улице, не раздумывают о том, что за цепь обстоятельств привела их в одно и то же время к одному и тому же месту. Из десяти тысяч человек, вероятно, ни один не стал бы исследовать этот вопрос. И точно так же из десяти тысяч ни один человек, живущий реальной жизнью, не замечает, что он переживает целый роман.

С того момента как молодой врач запер за собою дверь своего дома, он неведомо для себя отправлялся к будущей своей пациентке, лично ему еще неизвестной.

Ему не суждено было дойти до медицинской коллегии, ему не суждено было отплыть на яхте своего приятеля. Что были за препятствия, помешавшие ему исполнить его намерение? Это был целый ряд самых пустых обстоятельств, случающихся ежедневно с человеком, выходящим на прогулку.

Едва успел он свернуть в соседнюю улицу, как с ним остановилась знакомая карета. Веселое, добродушное лицо с густыми седыми бакенбардами выглянуло из

окна, и приятный голос спросил его, совсем ли он готов в путь. Ответив на это, Овид, со своей стороны, тоже предложил вопрос:

— Как поживает наш пациент, сэр Ричард?

— Он вне опасности.

— Что же говорят теперь другие доктора?

Сэр Ричард засмеялся.

— Они говорят, что он, мол, счастливый случай.

— Вы еще не убедились?

— Ничуть. Разве дураков можно убедить? Ну, довольно об этом. Одобряет ли ваша мать ваши новые планы?

— Не могу вам сказать. Мать моя теперь в страшном волнении: завещание ее брата найдено в Италии, и дочь его может каждую минуту приехать оттуда.

— Незамужняя? — спросил сэр Ричард.

— Не знаю.

— С деньгами?

Овид улыбнулся не совсем весело.

— Неужели вы думаете, что моя бедная мать находилась бы в таком страшном волнении, если бы тут не были замешаны деньги?

— Я только что бы у одной своей старой пациентки, — проговорил сэр Ричард, — в которой я принимаю большое участие. Она по моему совету оставляет свои дела и просит и меня, и чуть не весь свет помочь ей сбыть ее товар со страшной уступкой. Поклонитесь вашей матушке и скажите ей, чтобы она не пропускала такого случая. Вот адрес моей пациентки. Еще одно слово, Овид: не спешите возвращаться и приниматься за работу; времени в жизни у вас будет еще много. Взгляните на мою мудрую собаку, вон тут на сиденье, и поучитесь у нее умению лениться и быть счастливым.



Кроме собаки в карете знаменитого доктора был еще спутник, один приятель, которого он вез куда-то.

— Кто этот красивый молодой человек? — спросил приятель доктора, когда они тронулись.

— Это единственный сын одного моего родственника, умершего много лет тому назад, — отвечал сэр Ричард. — Не забудьте, что вы его видели.

— Это почему?

— Он еще только начинает жить, а уже на пути, и далеко на пути, чтобы стать знаменитостью своего времени. Несмотря на значительное состояние, он работал так, как работают немногие врачи, зарабатывающие насущный хлеб своей профессией. Состояние он наследовал от отца. Мать его вышла замуж вторично. Второй муж ее — ленивый, безобидный, глупый старый увалень по фамилии Галилей; единственное достоинство его заключается в пятидесяти тысячах фунтах, нажитых торговлей. От второго брака у нее есть две маленькие дочери. Имея такого отчима, какого я описал, и, между нами будь сказано, мать, отличающуюся не малой долей зависти, ревности и любви к деньгам, друг мой Овид не подпал, однако, под влияние своей семьи и вполне отдался науке. Вы, может быть, скажете, что ему следовало бы жениться. Я же скажу, что если он найдет хорошую жену, это будет счастливой случайностью. Насколько я знаю, он человек не такого сорта. Он холоднее, гораздо холоднее к женщинам, чем я, хотя по годам я годился бы ему в отцы. А вот что я вам скажу о его медицинских способностях. Вы слышали, он спрашивал меня об одном пациенте?

— Да.

— Ну, так смерть уже стучалась в двери этого человека, когда я позвал Овида на консультацию со мною

и еще двумя другими врачами; это был один из тех редких случаев, когда старинный метод кровопускания, по моему мнению, был единственным спасением. Я не говорил ему, что именно в этом расхожусь с другими врачами, и они по моему требованию тоже не говорили. Он долго исследовал больного и нашел, что его можно спасти только ланцетом, — то же самое, что находил я, наученный сорокалетней практикой. Молодой человек, обладающий такой способностью определять коренную причину болезни и умеющий отстранять рутину при лечении, пойдет далеко. Отдых скоро поправит его здоровье. Теперь в жизни его я не вижу никаких препятствий, — нет даже женщины! Ведь вы, — прибавил сэр Ричард, как-то особенно подмигнув глазом, — тут как тут, когда на горизонте появляется юбка.

Овид, о котором разговаривали приятели, шел между тем через переулок цветочного и ягодного рынка Ковент-гардена. Тут он почувствовал нестерпимо противный запах, сменившийся потом ароматом цветов. Чтобы вполне забыть вонь, Овид купил корзинку земляники.

К чему бы маленькой, оборванной девочке с большим ребенком на руках глядеть жадными глазами на чудные ягоды, если бы она не надеялась, что бывают такие добрые люди, которые могут дать ей ягод? И надежда ее сбылась; но тут явились два грязных мальчика, ее приятели, и увели с собой девочку. Это обстоятельство внушило Оvidу опасение, что мальчики могут отнять землянику от бедной девочки, на руках у которой был ребенок, чуть не с нее величиною. Человек с расстроенными нервами лучше сочувствует чужой беде, и Овид пошел за ребятишками, чтобы посмотреть, какая драма разыграется между ними.

Придя в соседнюю улицу, он увидел, что драматическое представление разыгралось, но не так, как он ожидал. Подозрения его оказались несправедливыми. Мальчики только сказали: «Дай нам попробовать ягод», — и щедрая девочка наградила их за хорошее поведение. В тихом уголке был совершен дружеский дележ земляники.

Найдется ли такой человек — конечно, за исключением скряги или миллионера, — который бы при подобных обстоятельствах вернулся к своим собственным делам и не вознаградил гражданскую добродетель несколькими пенни? Овид не был таким человеком.

Пряча обратно в карман кошелек, в котором он имел обыкновение носить мелкие деньги для нищих, он дотронулся до какой-то бумажки. Вынув ее, он с досадой и удивлением посмотрел на нее и еще раз свернул с прямого пути в Линкольн-Инфильдс.

Бумажка эта была его последним рецептом. Ему надо было отыскать что-то дома в фармакопее, и он, написав рецепт, обещал тотчас же послать его своему больному. Собираясь уехать из Англии, он в хлопотах забыл о рецепте и носил его в кармане уже дня два. Чтобы исправить немедленно эту ошибку, оставалось лично вручить рецепт больному и во второй раз нарушить свои собственные предписания, осматривая больного.

Больной жил почти напротив Британского музея. Овид направился туда.

Он осмотрел больного, сказал, что надо делать, и снова вышел на улицу, направляясь в медицинскую коллегию. Проходя мимо густого сада Британского музея, он осмотрелся и остановился. Что задержало его на этот раз? Ничего более как дерево, широко раскинувшееся в тихом уголке.

Лицо его изменилось.

Минуту тому назад он перебирал в своем уме любопытные препятствия, задержавшие его, и раздумывал, что бы могло случиться еще? Две женщины, проходившие мимо и заметившие улыбку на его губах, сказали друг другу: «Вот счастливый человек!» Но вслед затем они переменили бы свое мнение, так как увидели бы человека, думавшего о чем-то, некогда ему очень дорогом, — о незабвенном и далеком прошлом.

Он перешел на противоположную сторону улицы. Голова его кружилась, он шел точно машинально. Перейдя улицу, он поднял глаза и остановился, чтобы посмотреть на дерево.

За несколько сот миль от Лондона, под другим таким же деревом, этот самый человек — такой равнодушный к женщинам — пережил детскую любовь к прелестной маленькой кузине, давно уже перешедшей в ряды усопших. Настоящее время с его интересами и заботами представилось ему теперь каким-то сном. Мало-помалу его огорченное сердце начало успокаиваться при виде этого чудного дерева, и он тихо побрел далее, переживая старые чувства и старые мысли.

Где в целом Лондоне можно найти такое безлюдное место, удобное для мечтаний средь белого дня?

Огромные площади, идущие к северу и востоку от Британского музея, походят на сельскую или дачную местность, посреди громаднейшего города в мире. Тут вы можете перейти улицу, не подвергая жизнь свою опасности. Тут, если вам нечего делать, вы можете смотреть по сторонам, не боясь что вас затолкают прохожие, для которых время — деньги и которые бегут по своим делам. Тут вы можете увидеть ночью на мостовой кошелек и сквозь решетки скверов полюбоваться на детей, играющих на траве.

Овид остановился отдохнуть в большом и тихом сквере. Будь его кузина жива, он, может быть, любовался бы своими собственными детьми в таком же сквере.

Птички так и заливались на деревьях. Мальчишка из лавки, сдававший повару рыбу, и две девушки, поливавшие цветы в окнах, были единственными живыми существами около Овида.

А как же коллегия? Этот вопрос вовсе не смутил Овида: он как-то смутно мелькнул у него в голове. Овид повернулся машинально и посмотрел назад.

К нему быстро приближались две женщины, одетые в траур. Когда они подошли ближе, одна из них оказалась старухой; другая была молоденькая девушка.

Он посторонился, чтобы пропустить их. Проходя, они посмотрели на него с любопытством иностранок. Глаза девушки встретились с его глазами. Этого мгновенного взгляда было достаточно, чтобы он почувствовал его влияние на всю свою жизнь.

Девушка быстро прошла мимо, так же мало обратив внимания на случайную встречу, как старуха, шедшая рядом. Ничего не думая и ничего не соображая, Овид пошел за ними. Очень естественно, что магнит притягивает сталь; так же естественно, что девушка притянула к себе мужчину. Никогда Овид прежде не делал того, что делал теперь. Он буквально был вне себя, он видел их перед собою, — и ничего другого не видел.

Посреди сквера они повернули налево в улицу. На этой улице был концертный зал — и двери отворены, так как давался концерт. Они вошли в зал. Овид, все еще не помня себя, вошел вслед за ними.

### III

Великолепнейшая комната, роскошно меблированная, снабженная газетами и всевозможными книгами, освещаемая днем высокими окнами, а вечером роскошными канделябрами, тем не менее может быть скучнейшим местом в целом мире. Такие комнаты существуют сотнями в громадных отелях, наводненных в настоящее время путешественниками, кончающими свою жизнь чуть ли не на платформе. Может быть, в таких салонах человек чувствует себя одиноким посреди общества или стесняется, слыша кругом негромкий разговор; но только достоверно, что скучнее таких салонов ничего быть не может.

В тот же самый день и почти в то же самое время, когда Овид вышел из своего дома, две женщины сидели в уголке такого салона, одного из громадных железнодорожных отелей, выстроенных в последнее время в Лондоне.

Не замечая никого, сами они служили предметом разговора других путешественников. Говорили они друг с другом на иностранном языке. Одеты они были в глубокий траур, с полным отсутствием моды, и в платья из такой простой материи, что обращали на себя внимание всех женщин в салоне. На седой голове одной из них была надета черная вуаль. Руки у нее были загорелые и костлявые, а глаза горели нестарческим огнем; худое лицо ее было испещрено морщинами, а горбатый нос (как заметила одна из сидевших неподалеку дам) слишком походил на нос герцога Веллингтона и потому не годился для женского лица.

Собеседник этой дамы был снисходительнее.

— Конечно, она безобразна, — прошептал он, — но посмотрите, как она смотрит на девочку. Добрая старуха, какой, пожалуй, другой не найдешь.

Дама взглянула на него так, как могла только взглянуть ревнивая жена на своего мужа, и прошептала в ответ:

— Вы, верно, влюбились в эту девочку-щепку?

Та, о которой говорили, действительно была худа и мала ростом и потому казалась девочкой. Ей, однако, было уже семнадцать лет, и вряд ли она могла вырасти еще.

Но, несмотря на худобу и на рост, не напоминавший рост Венеры Медицийской, она не лишена была привлекательности. Привлекательность эта, впрочем, была не такого рода, чтобы могла возбуждать всеобщие восторги. Девушка, одетая в глубокий траур и сидевшая в углу большой комнаты, не отличалась здоровым цветом лица, пунцовыми щечками, прелестными зубами, свежим большим ртом и развитым станом — необходимыми принадлежностями истой английской девушки. Румянца у нее совсем не было. Волосы ее были до того светлы, что походили на лен; достоинство их заключалось в том, что они не падали кольцами до бровей и не портили лица, как портят его отвратительные модные прически. Черты лица ее были необыкновенно правильны и тонки — в особенности нос и рот, а темные глаза, слишком даже темные для таких светлых волос, беспрестанно меняли выражение; улыбка ее была настолько приятна, что заставляла забывать излишнюю худобу лица. Можно было еще спорить, красавица она или нет, но никак нельзя было отрицать, что она интересна. Все движения ее были грациозны и живы и ясно говорили о ее иностранном происхождении; детское удивление при виде всякого нового предмета и детская откровенность с любимыми людьми придавали особенную прелесть скромной иностранке, находившейся под покровительством старухи

и служившей предметом явного обожания морщинистой дуэньи.

Перед ними на столе стоял открытый дорожный бювар. В минуты непродолжительного перерыва разговора девушка поглядывала на него. Говорили они о семейных делах — и говорили по-итальянски, для того чтобы присутствующие не поняли, о чем идет речь. Старуха первая возобновила разговор:

— Кармина, милая, право, тебе следует написать это письмо, — сказала она, — мисс Галилей ждет известия о нашем приезде в Лондон.

Кармина взяла перо и со вздохом снова положила его.

— Ведь мы приехали только вчера вечером, — возразила она. — Милая моя Тереза, хоть один денек проживем мы с тобой в Лондоне!

Тереза с непритворным удивлением и испугом выслушала это предложение.

— Пресвятая Дева! Денек в Лондоне... А тетка твоя ждет нас! Ведь она тебе вторая мать, милая, мать по заветанию, и дом ее — твой дом. А ты предлагаешь пробыть целый день в отеле, вместо того чтобы отправиться домой. Невозможно! Пиши же, моя Кармина, пиши! Вот тут на карточке адрес: «Ферфильд-гарден». Ну, пиши же!

— Я ведь никогда не видывала своей тетки, — проговорила девушка. — Не ужасно ли жить с незнакомым человеком? Вспомни, какой я была маленькой, когда ты поступила к нам после смерти мамы. А ведь с тех пор как я лишилась отца, не прошло и шести месяцев. У меня, кроме тебя, никого на свете нет, а ты ведь уйдешь от меня, когда я поселюсь в этом новом доме. Я прошу только еще один денек, прежде чем разлучиться!



Бедная старая дуэнья откинулась назад и, спрятавшись за драпировку, начала плакать. Кармина под салфеткой, закрывавшей стол, взяла ее за руку.

— Мы отправимся посмотреть достопримечательности, — прошептала она, — а за обедом ты выпьешь рюмочку портвейна.

Тереза выглянула из-за драпировки, утешенная как ребенок.

— Достопримечательности! — вскричала она, отирая слезы. — Портвейн! — повторила она и прищелкнула языком, как бы смакуя вино. — Ах, дитя мое, ты не забыла о тех удовольствиях, о которых я говорила тебе и которые я испытала, когда жила в молодости в Лондоне. Когда я подумаю, что отец твой был англичанином, и ты до сих пор никогда не бывала в Лондоне!.. Я прежде бывала даже на концертах и в музеях, — прервала она сама себя, — когда моя барыня-англичанка была особенно мною довольна. Барыня часто давала мне хорошего, крепкого вина. Дай бог, чтобы тетка Галилей была такой же доброй женщиной. Таких волос, какие были у той барыни, конечно, у нее быть не может. Чесать ее было просто наслаждением. Неужели ты думаешь, что я не осталась бы с тобой в Англии, если бы могла? Но что станет делать без меня мой старик в Италии, с его одышкой? Ведь ходить за ним некому! Но в Лондоне я провела тяжелые годы. Мрачные, бесконечные улицы, скучные воскресные дни, сотни тысяч народу, вечно куда-то бегущего, вечно с мрачными лицами, и дела, дела, дела! Я была рада уехать в Италию, где я вышла замуж. И вот я опять в Лондоне после стольких лет. Ну, уж так и быть! Сегодня повеселимся, а когда поедем завтра к мадам Галилей, то скажем, что мы приехали в Лондон только сегодня вечером.

Старуха совершенно развеселилась при мысли об этой лжи и, откинувшись назад на спинку стула, захохотала. Кармина слегка улыбнулась. Ужасное первое свидание с незнакомой теткой тревожило ее.

— Ах, милая Тереза, — сказала она, — уйдем из этой противной комнаты куда-нибудь, где бы нам хоть что-нибудь напоминало об Италии!

Тереза подошла к большому столу посреди комнаты и стала рассматривать каталоги и альманахи. Вдруг она, ко всеобщему удивлению, захлопала в ладоши и вскричала:

— Ах, я помню музей сэра Джона Сона в Линкольн-Инфильдс! Хорошенький, маленький музей в частном доме с множеством хороших вещей. Милочка моя, утешь свою старую Терезу! Отправимся к Сону!

Через десять минут они уже спускались по лестнице отеля. Яркое солнышко и приятный воздух располагали к прогулке. Это было в тот самый день, когда Овид отправился пешком в Линкольн-Инфильдс; Кармина и Тереза отправились туда же.

Они прошли Стенд и вошли в улицу, ведущую к скверу. Тереза забыла дорогу к Сону, но ни за что не хотела сознаться в этом и спросить у прохожих.

Разговор их, сначала вертевшийся вокруг Италии и воспоминаний о покойной матери Кармины, перешел опять на новый дом, в котором теперь предстояло жить Кармине. Они заговорили об английских кузенах и кузинах молодой девушки.

— Кузен мой Овид — знаменитый доктор, — говорила Кармина. — Бедный папа говаривал, что фамилия наша может гордиться им.

— Он живет в доме твоей тетки? — спросила Тереза.

— Ах, нет! У него свой большой дом. К нему ходят больные сотнями и приносят сотнями золотые гиней.

Сотни золотых гиней, получаемых за лечение больных, представлялись Терезе каким-то чудом. Она торжественно подняла глаза к небу.

— Какой у тебя кузен! Что, он молод? Красив? Женат?

Кармина, не отвечая, обернулась.

— Что это за несчастное существо идет за нами? — спросила она.

«Существо» это была голодная, бесприютная лондонская собака. Такие собаки иногда вдруг привязываются к кому-нибудь, инстинктивно выбирая в толпе предмет своей симпатии. Тереза, со свойственной итальянцам суровостью к животным, крикнула: «Ах, противный пес!» и подняла зонтик. Собака кинулась назад, приостановилась и потом снова пошла за ними. Мягкое сердце Кармины сжалось над голодным псом.

— Надо купить ей чего-нибудь поесть, — сказала она, останавливаясь.

Собака, привыкшая к пинкам и брани, не знала ласки. Идя вслед за девушкой и увидав, что та обернулась, животное в страхе отпрыгнуло на мостовую. В эту самую минуту быстро проезжал кэб, и колеса его переехали через несчастное животное.

Это обыкновенное происшествие привело в совершенный ужас впечатлительную девушку. Она не могла выговорить ни слова и вся дрожала. Ближайшей дверью была дверь в музыкальный магазин. Тереза ввела ее туда и попросила подать стул и стакан воды. Хозяин магазина принял в девушке такое участие, что подал ей рюмку вина. Она предпочла воду и вскоре могла уже встать со стула.

— Нельзя ли нам не ходить в музей? — сказала она своей спутнице. — После того что случилось, я вряд ли буду в состоянии смотреть на достопримечательности.

Тереза с готовностью предложила ей заменить музей.

— Музыка, может быть, будет лучше? — сказала она.

Так называемая итальянская опера была в этот вечер открыта, и афиша висела в магазине. Обе они взглянули на нее, но судьба была против них: на афише стояло название немецкой оперы. Кармина с досадой обратилась к хозяину магазина.

— Разве в Лондоне нельзя слышать иной музыки, кроме немецкой? — спросила она.

Гостеприимный хозяин магазина подал афишу на концерт, назначенный днем, концерт скромного учителя музыки, который мог рассчитывать на посещение только своих учениц, благотворителей и друзей. В афише значились пьесы из Лучии, Нормы, Эрнани. Тереза кивнула одобritельно, и Кармина взяла билеты.

Продавец бросился к двери и крикнул кэб. Но Кармина ужаснулась от одной мысли сесть в кэб.

— Мы, пожалуй, наедем на кого-нибудь, — сказала она. — Лучше пойдем пешком.

#### IV

Если бы, войдя в зал, Овид взглянул на афишу, он увидал бы, что наткнулся на странное стечение обстоятельств. Лицо, дававшее концерт, было учителем его сестер. Несколько дней тому назад он сам помогал устраивать этот концерт и взял у своей матери билет для себя. Теперь, ничего не видя, ничего не помня и боясь

только потерять из виду незнакомок, он торопливо заплатил у дверей за другой билет.

Зала была наполовину пуста и так плохо проветрена, что духота была страшная. Он тотчас же усмотрел посреди залы два стула, которые заняли незнакомки. Неподалеку от них в том же ряду был еще свободный стул. Он занял его.

Концерт уже начался. Пока все внимание девушки было устремлено на певцов и артистов, Овид мог беспрепятственно не спускать с нее глаз. Но когда наступил антракт, она взглянула на публику и заметила его.

Судя по внешности, он не произвел на нее ни малейшего впечатления: она спокойно взглянула в другую сторону зала. Но одно то, что она отвернулась от него, показалось ему выражением негодования против него. Он перешел на места сзади нее. Теперь он мог смотреть на нее свободнее, чем прежде.

Следующий номер был соло на фортепиано. ПIANИСТА встретили рукоплесканиями. Овид в первый раз взглянул на эстраду. В раскланивавшемся мужчине с преждевременной облысевшей головой и подобострастной улыбкой он узнал учителя музыки миссис Галилей. За сим последовало естественное соображение: мать его могла быть в зале.

Тщательно осмотрев присутствующих, он, однако, не нашел ее; но она непременно должна была приехать. Мистрис Галилей всю жизнь держалась принципа: не платить денег даром.

Он вздохнул, взглянув на входную дверь. Не долго же он пользовался роскошью своего нового счастья! Беря билет у матери, он открыто заявил, что ненавидит концерты. Не заподозрит ли она чего-нибудь, увидав его теперь тут? Но что бы там ни было, места своего он

не оставит! И он снова устремил взоры на тоненькую фигурку девушки и на ее изящную головку.

Соло на фортепиано было окончено.

В антракте он еще раз обернулся к выходу. Как раз в эту минуту он услышал громкий голос мистрис Галилей. Она читала нравоучение своим детям.

— Ведите себя лучше, чем вы вели себя в карете, или я отправлю вас домой, — говорила она.

Овид поспешно встал со своего места и пересел в задние ряды.

Мистрис Галилей вошла с шумом. Одетая в совершенстве, превосходно напудренная и нарумяненная, она грациозно вела своих дочерей; гувернантка скромно шла сзади. Билетер указал ей места около эстрады. Мистрис Галилей удивила его, прочитав ему небольшую лекцию об акустике.

— Звуки, сэр, всего полнее скопляются в середине залы! — закончила она, проходя в середину залы и занимая пустые места около Кармины и Терезы.

Они посмотрели друг на друга.

Может быть, в зале было слишком жарко; может быть, Кармина еще не оправилась от нервного потрясения при виде убитой собаки, но только голова ее склонилась на плечо Терезы и она лишилась чувств.

## V

— Могу я попросить у вас чашку чаю, мисс Минерва?

— Сделайте одолжение, мистер Ле-Френк!

— Довольна ли осталась мистрис Галилей концертом?

— Она в восторге. Концерт был безукоризнен.

— Нет, мисс Минерва, не совсем безукоризнен. Вы забываете даму, упавшую в обморок. Публика так встревожилась, а артистам это было так неприятно!

— Осторожнее, мистер Ле-Френк! Нынешние новые дома выстроены на живую нитку и наверху вас могут слышать. Ведь барышня, которой сделалось дурно, там, наверху. Роман, да и только! Хорош ли ваш чай?

Мисс Минерве, гувернантке, видимо, хотелось подстрекнуть любопытство мистера Ле-Френка, учителя музыки, и помучить его. Мистер Ле-Френк, человек с лысой головой и подобострастной улыбкой, терпеливо сносил эти поддразнивания, расширяя свои глаза, засевшие в глубоких орбитах, и приподнимая тонкие брови. Он явился после концерта к мистрис Галилей в надежде напиться чаю с обильной приправой похвал и сидел теперь в классной, в обществе особы, наружность которой составляла резкий контраст с его собственной.

Полные щеки мистера Ле-Френка резали глаза своим ярким колоритом; остатки желтых волос, сохранившиеся у него на висках, были шелковисты и тонки, как стеклянные нити. Величественная борода вознаграждала за отсутствие волос на голове и распространяла тончайшее благоухание; самый зоркий глаз не усмотрел бы в ней ни одного спутанного волоска. Не мешало бы прикрывать чем-нибудь вроде бороды и такие желто-бледные, длинные и костлявые женские лица, каким было лицо мисс Минервы. Ее жесткие черные волосы образовывали род навеса над щетинистыми бровями и над жесткими черными глазами. В людской пророчили, что ей никогда не бывать замужем. «Кто возьмет за себя, — говорили там, — такую желтую, ученую, некрасивую и вдобавок бедную барышню?» Однако все же это была интересная личность — инте-

ресная по своей загадочности. Все, кто знал ее, смутно подозревали, что в ее характере есть что-то зловеще-загадочное, чего никто не мог разгадать. Если бы наука открыла средство анализировать нравственную болезнь крови, приподнимать завесу самообуздывающей воли, тогда тайна характера мисс Минервы была бы, может быть, открыта. Но так как подобного средства еще не найдено, то в этом характере замечали только капризную раздражительность, быть может, служившую некоторого рода предохранительным клапаном против скрытой вулканической силы, которая при достаточном стимуле была бы способна обнаружиться взрывом.

— Осторожнее, мистер Ле-Френк! Чай горяч, обожжете губы. Надо, однако, рассказать вам, что случилось.

Мисс Минерва переменяла свой заигрывающий тон.

— Случаются же в жизни такие казусы! Точь-в-точь как на сцене! Представьте себе, что барышня, с которою сделалось дурно на вашем концерте, оказывается — кем бы вы думали? — племянницей мистрис Галилей!

Мистер Ле-Френк, забыв на минуту вежливость, сделал недоверчивую мину.

— Да, это так театрально, что с трудом верится, — продолжала мисс Минерва, — однако эта молодая особа действительно оказалась той интересной путешественницей, которую мы ожидали из Италии. Вы знаете мистрис Галилей, — она всегда готова сочувствовать, помогать. Так и в этом случае: она первая предложила свой флакон с солями, первая распорядилась, чтобы упавшую в обморок молодую девушку положили горизонтально. «Облегчите сердце!» — посоветовала она. В этих двух словах все объяснение обмороков. А через минуту, —



прибавила гувернантка, — через минуту самой мистрис Галилей понадобился флакон с солями.

— Будто и ей сделалось дурно? — спросил мистер Ле-Френк, продолжая недоумевать.

Мисс Минерва подняла указательный палец, как она обыкновенно делала, чтобы подкрепить внушение своим ученицам.

— Мистрис Галилей — как я имела честь вам докладывать, если вы меня слушали, — всегда сохраняет присутствие духа. Но вы, надеюсь, поймете, чего стоило ей это в настоящем случае. Нашей интересной барышне сопутствовала какая-то противная старуха-иностранка, которая совсем потеряла голову. Она только хлопала руками и призывала всех святых, что, разумеется, нисколько не помогало. Ко всем этим беснованиям она примешивала одно имя, замечательное даже в Италии. Вот это и было ключом к загадке. Войдите в положение мистрис Галилей.

— Никак не могу! — смиренно откликнулся мистер Ле-Френк.

Мисс Минерва недоверчиво поглядела на него своими пронизательными черными глазами. Но мистер Ле-Френк выдержал испытующий взгляд своей собеседницы со спокойствием невинности, и мисс Минерва продолжала свой рассказ:

— Молодую особу зовут Карминой, — имя итальянское, как я вам сказала, и с ударением, заметьте, на первом слоге. Услыхав это имя, мистрис Галилей была поражена. Она с удивительным тактом расспросила старуху и объявилась теткой мисс Кармины. «Я — мистрис Галилей!» — сказала она, и только. А в результате...

Мисс Минерва указала на потолок.

— Когда я имела честь увидеть нашу прелестную гостью, она лежала на софе и старая нянька обмахивала ее веером... Позвольте, мистер Ле-Френк, я еще не кончила; в этой домашней драме остается еще один акт. На концерте присутствовал врач, который предложил свою помощь, когда мисс Кармина упала в обморок. Он и в настоящую минуту при нашей интересной больной. Угадайте, кто этот врач.

Мистер Ле-Френк, продавший один билет на свой концерт постоянному врачу семейства Галилей, естественно подумал, что это он, но счел нужным предварительно испробовать почву.

— Любитель музыки? — начал он.

— Он терпеть не может музыки, — обрезала гувернантка.

— Я подразумеваю здешнего домашнего врача.

— А я (мисс Минерва остановилась, желая еще немного помучить музыканта), а я подразумеваю мистера Овида Вера.

В какой форме выразилось изумление мистера Ле-Френка, это мы предоставляем угадывать читателям; но в ту самую минуту, как мисс Минерва, так сказать, доконала его, в комнату вошел маленький, розовый, пожилой господин с круглым лицом, доброй улыбкой и кудрявыми седыми волосами. Его сопровождали две девочки. Господин этот и девочки были мистер Галилей и его две дочери.

— Как поживаете, мистер Ле-Френк? Надеюсь, что концерт дал вам хорошую прибыль. Я передал мои два билета. Надеюсь, вы извините меня. Музыка имеет свойство усыплять меня. Не понимаю, отчего это. Вот ваши ученицы, мисс Минерва, здоровы и невредимы. Мы встретили эту прелестную девушку, когда ее несли

к нам. К несчастью, ей нужен теперь, бедняжке, покой, а не мы. Возле нее мистрис Галилей и Овид, и это все, что ей нужно. Как мил и внимателен этот Овид! Ну, а я, чтобы быть чем-нибудь полезным, взял шляпу и говорю дочкам: идем гулять! Ведь я пользуюсь, мистер Ле-Френк, великим преимуществом никогда не быть занятым. Вот мы и отправились, а так как у нас не было никакой цели — второе мое преимущество, мистер Ле-Френк: никогда не иметь никаких целей, — то мы зашли в кондитерскую... как его? В какую кондитерскую мы зашли?

Мистер Галилей говорил странным голосом — странным по контрасту между высокими нотами голоса и мягким тоном. Мистер Ле-Френк называл этот голос «мягким фальцетом». Когда добродушный джентльмен остановился, припоминая имя кондитера, старшая дочь его, двенадцатилетняя Мария, никогда не упускавшая случая выставиться, тотчас подсказала:

— К Тэмбалу, милая мисс Минерва, в кондитерскую Тэмбала. Мы кушали там мороженое.

Мисс Мария, носившая имя своей матери, была одним из удачнейших продуктов новейшей системы воспитания. В условном смысле, это была прелестная девочка. Ее никогда не наказывали. Она обладала большими круглыми глазами, как на картинах, и самыми мягкими и изящными манерами, какие описываются в книгах. Она всех называла «милыми», отлично знала, сколько должно быть в воздухе кислорода для ее здоровья, и — увы! — совсем не знала, бедняжка, что значит промочить ноги или выпачкать лицо. Этого не случалось с нею со дня ее рождения.

Успокоившись насчет имени кондитера, мистер Галилей обратился к своей младшей дочери, одному из

неудачных продуктов нашего времени. Это была замечательно тихая, покорная, сдержанная девочка, неисправимо тупая и угрюмая, — этого друзья дома еще не решили. Лицом — это был живой портрет отца, кроме улыбки. Никто не спрашивал себя, удивляясь тупости этого ребенка, не слишком ли пичкают ее детскую голову ни на что не нужными познаниями.

— Ну-ка, Зо, подбодрись! Скажи, что мы ели еще, кроме мороженого, — сказал мистер Галилей.

Зоя, которую один отец называл вульгарным именем Зо, взяла его толстую, красную руку и крепко уцепилась за нее, как будто это было единственным средством для глупого ребенка придать себе бодрости.

— Мы ели, — начала она и остановилась. — Как это называется? — спросила она, глядя на отца.

Мария поспешила к ней на помощь со свойственной ей милой предусмотрительностью.

— Чизкэпсы, милая Зоя. Какая ты беспамятная!

Мистер Галилей погладил по голове свою младшую дочь, как будто отличилась она, а не кто другой.

— Так-так, мороженое и чизкэпсы, — подтвердил он. — Сначала мы отведали сливочного мороженого, а потом ананасового. Детям, мисс Минерва, более понравилось сливочное. И знаете ли, я с ними согласен. В сливочном есть что-то такое... Как вы находите, мистер Ле-Френк?

Одною из слабостей мистера Галилея было то, что он не мог сказать двух слов, чтобы не сослаться на кого-нибудь. В самых ничтожных пустяках он непременно искал сочувствия и поддержки всякого, кто был под рукой, хотя бы совершенно постороннего человека. Мистер Ле-Френк, призванный быть судьей в вопросе о мороженом, собирался предложить

свое решение, как был прерван гувернанткой, также пожелавшей вставить свое слово. Она сделала это не совсем любезным тоном.

— При всем моем уважении к вам, мистер Галилей, я должна просить вас поступать обдуманнее, когда дело касается детей. Извините, мистер Ле-Френк, что я прерываю вас, но, право, мне невмочь. Я ответственна за здоровье девочек; с меня взыскивают за неправильность их диеты, а что же мне сделать, если их пичкают мороженым и кэпсами? Что скажет мистрис Галилей, когда узнает это?

— Да вы ей не говорите, — подхватил мистер Галилей.

— Девочки будут чувствовать жажду, не станут кушать за столом, и мистрис Галилей спросит меня, что все это значит, — продолжала мисс Минерва. — Следовало бы иметь поболее внимания к моему зависимому положению. Я — женщина без средств, в дурных отношениях с моими родственниками. Еще если бы я только потеряла место, — ну, я стала бы тогда просить милостыню, умерла бы в рабочем доме, — всему этому я готова покориться. Но быть обвиненной в том, что по моему недосмотру расстроилось пищеварение ваших детей...

— Добрейшая мисс Минерва, не бойтесь за их пищеварение! — вскричал мистер Галилей. — Снимите с них шляпки и дайте им на ужин чего-нибудь повкуснее. У них мой желудок: что ни вложи, все переварит. Не так ли, мистер Ле-Френк? А?

Но мисс Минерва не переваривала пошлых выражений. Она сурово замолчала, снимая с девочек шляпы; даже «папа» прочел бы презрение на ее лице, если бы она не отвернулась от него.

Наступившее молчание дало случай заговорить мистеру Ле-Френку, который выказался при этом человеком разносторонним — музыкантом и дельцом. Выразив в виде адажио к симфонии свою признательность мистеру Галилею, он перешел к аллегретто заискиваний в пользу своего друга, намеревавшегося дать концерт на следующей неделе.

— Мы, бедные артисты, конечно, имеем свои недостатки, мой дорогой сэр, но, по крайней мере, мы понимаем друг друга. Мой друг Саром пел на моем концерте, — впрочем, не подумайте, что из интереса, — а я буду даром играть у него. Могу ли я (алLEGRO) рассчитывать на ваше любезное покровительство и предложить вам два билета?

Последние ноты симфонии потерялись в звоне благородного металла в кармане мистера Ле-Френка.

Заплатив дань искусству, мистер Галилей украдкой взглянул на мисс Минерву. Ему хотелось уйти, но нужен был предлог, и мистер Галилей, со свойственной ему находчивостью, сказал, что ему пора в клуб.

— Какая у нас там славная комната для курения! — прибавил он. — Люблю хорошую сигару! А вы как на этот счет, мистер Ле-Френк? Не мешает и стакан замороженного шампанского в такую жаркую погоду? А? Жарко, мисс Минерва, не правда ли? Ну, девочки, прощайте! Поцелуйте вашего папу.

Мария первая подошла к отцу и, как примерная дочь, не только поцеловала его, но и прибавила с чувством:

— Милый папа, как я люблю вас! — бросив при этом взгляд на мисс Минерву. Взгляд этот мог бы показаться лукавым, если бы исходил не из глаз Марии.

Мистер Галилей обратился к своей младшей дочери:

— Ну, Зо, а ты что скажешь?

Зоя опять ухватила за руку отца и потерлась об нее головой, как котенок. Этот новый способ выражения дочерней любви, по-видимому, заинтересовал мистера Галилея.

— Что, у тебя голова болит, милая? — спросил он.

Мысль эта, должно быть, показалась Зое новою. Она подумала и опять потерлась.

— Зачем вы это делаете? — резко спросила мисс Минерва.

Зоя опять подумала и ответила:

— Не знаю.

Мистер Галилей наградил ее поцелуем и уехал в свой клуб. Мистер Ле-Френк также встал, чтобы уйти. Но перед тем счел долгом вежливости возвратиться к своему первоначальному разговору с гувернанткой.

— Вы удивили меня тем, что сообщили о мистере Овиде Вере. Быть может, мы не понимали его, полагая, что он не любит музыки. Иначе он не пришел бы на мой концерт. Не следует ли мне пойти поблагодарить его? Или лучше написать и вложить в письмо два билета на концерт моего друга? Я взялся раздать несколько билетов. Друг мой так знаменит, что было бы слишком требовать, чтобы он пел у меня совсем даром. Я думаю, лучше написать. Честь имею кланяться.

Мисс Минерва, оставшись со своими ученицами, посмотрела на часы.

— Приготовляйте ваши уроки, — сказала она.

Девочки достали свои книги. У Марии они были в полном порядке, но у Зои, которая обыкновенно сидела над ними томительно долго, страницы были запятнаны частыми слезами и захватаны пальцами. О, роковая наука! Кто исчислит все зло и все глупости, творящиеся твоим именем!

Мисс Минерва углубилась в свое покойное кресло, стараясь разрешить вопрос, каким образом Овид Вер попал на концерт. Подняв к потолку свои жесткие черные глаза, она прислушивалась к долетавшим сверху звукам.

«Любопытно бы знать, что они там делают», — думала она.

## VI

Мистрис Галилей в таком же совершенстве обладала практикой семейных добродетелей, как и теорией акустики и исцеления обмороков. В умении одеваться со вкусом, разнообразить обеды, председательствовать за столом, занимать гостей, управлять прислугой и обличать нечестных торговцев она не уступала самой неинтеллигентной женщине в мире. Приготовления к приему ее племянницы были окончены заблаговременно, без малейшего упущения. Уютная спальня Кармины, вся голубая, отворялась в восхитительную гостиную, всю коричневую. Вентиляция, свет и тени, цветы — все было расположено в совершенстве, под непосредственным наблюдением мистрис Галилей. Прежде чем Кармина пришла в себя, судьба дала ей вторую мать, как нельзя лучше вошедшую в эту роль.

Четыре лица, сидевшие в хорошенькой гостиной Кармины, чувствовали себя нестерпимо принужденно в присутствии друг друга.

Встретив своего сына на концерте, после того как он не раз говорил, что он не терпит музыки, мистрис Галилей увидала его потом ухаживающим за лежавшею в обмороке молодой девушкой, — ухаживающим так заботливо, как за самым дорогим и близким человеком.



Между тем, когда мать объявила ему, что это его кузина, то он был удивлен не менее ее самой. Чем объяснить такие странные противоречия?

Не менее загадочным было и поведение самой Кармины. Каким образом она очутилась на концерте, вместо того чтобы быть в доме своей тетки? Отчего с ней одной случился обморок, когда никому во всей зале не сделалось дурно? Отчего ее нельзя было привести в чувство обыкновенными средствами? Вот и теперь она лежит на софе, то краснея, то бледнея от каждого слова, с которым к ней обращаются. В самом комфортабельном из лондонских домов она, видимо, чувствует себя неловко. Окруженная заботами своих лучших друзей, она конфузится и теряется. Таких странностей нельзя объяснить, даже принимая в расчет ее впечатлительную натуру, усталость от путешествия и ребяческий испуг при виде раздавленной собаки.

Мучимая этими недоразумениями, но слишком осторожная, чтобы пуститься в расспросы, которые могли бы только усилить общее затруднение, мистрис Галилей старалась выведать все, что было нужно, в легком разговоре.

Морщинистая дуэнья уныло сидела на атласном стуле, поддерживаемом жидкими вызолоченными ножками, и, казалось, сообразовалась с настроением своей молодой госпожи, которой она привыкла во всем повиноваться. Мистрис Галилей пробовала заговаривать со старухой и по-английски, и по-итальянски, но никак не могла заставить ее разговориться. Дикарка боялась даже взглянуть на нее.

Из Овида также нельзя было вытянуть лишнего слова. Хотя он и отвечал на вопросы матери, но отвечал односложно и рассеянно, не расспрашивая, со

своей стороны, ни о чем. В нем произошла какая-то странная перемена. Он оказывал свои врачебные услуги Кармине с несвойственными ему кротостью и терпением; обыкновенно же он обращался со своими пациентами, как мужчинами, так и дамами, довольно резко. Будучи отличным диагностом, он обрывал их пространственные описания симптомов болезни, не переходя, впрочем, за пределы вежливости. Теперь же он молча сидел на стуле и с нетерпеливым вниманием наблюдал за больной, вслушиваясь в каждое слово, которое она произносила, как будто у него не было никаких других забот в жизни.

Мистрис Галилей наконец потеряла терпение. Если бы она не заглушила математически свое воображение и не омертвила свое сердце, то странное поведение ее сына скорее заинтересовало бы ее, чем встревожило. Но ее ученое воспитание совсем затемнило ее ум в вопросах чувства. Она решила наконец, что племяннице нужно дать отдохнуть, а сына увести из этой комнаты.

— Твое здоровье, Овид, не позволяет тебе лечить Кармину, — сказала она.

— Вы говорите, как будто она серьезно больна, — ответил он, встрепенувшись как от укола.

Кроткая улыбка Кармины удержала его на месте.

— Мало ли что может быть, — заметила она шутиливо.

— Избави бог! — вскричал он с таким ужасом, что женщины с удивлением посмотрели на него.

— Овид так утомлен своими занятиями, милая моя, что отказался от практики и завтра уезжает на отдых. Я очень радуюсь этому за него, — пояснила мистрис Галилей, обращаясь к племяннице. — Мы оставим вас пока с вашей доброй приятельницей. Позвоните, если вам что-нибудь понадобится.

Она послала Кармине воздушный поцелуй и, позвав жестом сына, направилась к двери. Тереза мельком взглянула на нее. Мистрис Галилей приостановилась у этажерки, чтобы поправить расставленные на ней фарфоровые вещицы, и в эту минуту Тереза на цыпочках подошла к ней сзади, сложила руку в кулак, вытянув только указательный палец и мизинец, и дотронулась до ее спины концами этих двух пальцев. Все это было сделано так осторожно, что мистрис Галилей ничего не заметила.

— Дурной глаз! — прошептала Тереза, возвращаясь на свое место.

Овид, сидевший возле своей кухни, медлил уходить. Ни он, ни Кармина не заметили, что сделала Тереза. Наконец Овид неохотно поднялся с места.

Кармина, тронутая его вниманием, удержала его на минуту за руку.

— Благодарю вас, — сказала она. — Как жаль, что вы сами больны!

Тереза, внимательно наблюдавшая за ними, подошла ближе. Зоркие глаза ее ревниво изучали лицо Овида. Мистрис Галилей напомнила сыну, что она ждет его, но молодой человек все еще медлил, как будто желая что-то сказать кухне. Дуэнья отошла от софы, не переставая глядеть на Овида и шепча про себя: «Святая Тереза, заступница, покажи мне душу этого человека!»

Наконец, Овид распростился, сказав:

— Завтра я навещу вас.

Он ласково кивнул Терезе, но она не удовлетворилась этим.

— Руку можно? — спросила она.

Мистрис Галилей была либералкой в политике, но никогда еще принципы ее не подвергались такому труд-

ному испытанию, как в эту минуту. Тереза энергически потрясла руку Овида, не переставая глядеть ему в лицо. Он с улыбкой спросил, что ее так интересует в нем.

— Надеюсь, вы добрый человек, — ответила она.

Овид и Кармина засмеялись. Терезе это показалось обидным.

— Смейтесь в другое время, а не теперь, — сказала она.

Овид подошел к двери и, отворив ее, пропустил вперед свою мать. Тереза, продолжавшая стоять посреди комнаты, посмотрела вслед мистрис Галилей и вторично прошептала:

— Дурной глаз!

Спускаясь с лестницы, мистрис Галилей и Овид встретили слугу, который доложил, что в кабинете дожидается мистер Муль.

— Ты не занят, Овид? Можешь уделить полчаса? — спросила мистрис Галилей.

— Вы хотите, чтобы я повидался с мистером Мулем? Но ведь я плохой делец.

— Это адвокат. Он привез копию с духовного завещания твоего дяди. Для тебя не лишнее выслушать его: ты в этом заинтересован.

Однако Овид не чувствовал никакого желания слушать завещание.

— Да, я слышал, что завещание нашли, — сказал он. — Есть тут какие-нибудь романтические обстоятельства?

Мистрис Галилей посмотрела на сына со снисходительным презрением.

— Какой ты ребенок в иных вещах! Завещание было найдено, когда наши родственники в Италии решились наконец распродать вещи твоего дяди. Оно завалилось

за какой-то ящик в его кабинете, среди множества ненужных бумаг. Романтического, благодаря Бог, ничего нет, и никаких недоразумений и споров не может быть, так мне писал Муль.

— Верно вам завещано много денег, — сказал Овид рассеянно.

Мистрис Галилей остановилась и посмотрела на сына с видимой тревогой.

— Твое нравственное состояние очень не нравится мне, — сказала она. — Или ты забыл то, что я тебе говорила не далее как вчера? В завещании я назначена опекуной Кармины.

Он действительно совсем забыл об этом.

— Странно, — сказал он, оживляясь, — странно, что я не вспомнил об этом, когда увидел приготовленные для нее комнаты.

Мистрис Галилей заметила, что лицо его вдруг просияло. В нем как будто проснулся интерес ко всему окружающему.

— Простите усталого человека, — сказал он. — Однако вы правы, мне не мешает выслушать завещание.

Тут даже мистрис Галилей догадалась, в чем дело. Она промолчала, но в душе ее шевельнулось что-то похожее на чувство. Это «что-то» попыталось проложить себе дорогу на ее лицо сквозь пудру и румяна, но тщетно.

Они вошли в кабинет. Если бы они обернулись, сходя с лестницы, то увидели бы мисс Минерву, следившую за ними сверху. Она перевесилась через перила и подслушивала их разговор.

## VII

Библиотека Ферфильд-Гардена выходила в оранжерею и была украшена превосходным портретом мистрис Галилей, писанным ее братом.

В ожидании появления прелестного оригинала, мистер Муль смотрел на портрет и мысленно пробежал всю историю семейства мистрис Галилей. При этом с ним случилось то, чего никогда не случается с адвокатами и нотариусами: он покраснел.

Действительно, мистер Муль не был и никогда не мог быть настоящим адвокатом; он ошибся, избрав для себя эту профессию. Во внимание к его конфузливости, мы расскажем историю фамилии Галилей, что объяснит многие мелкие обстоятельства, случившиеся при чтении завещания.

Старый Роберт Грейвиль начал жизнь сыном незначительного фермера. Его все считали человеком эксцентричным; но, несмотря на то, его торговые дела в Лондоне шли превосходно. Когда он оставил дела, у него оказался дом, имение и хорошенький капитал, положенный на верные проценты.

У него было трое детей: сын Роберт и две дочери, Мария и Сузанна.

Смерть жены, к которой он был искренне привязан, была первым несчастьем в его жизни. Он уехал к себе в имение огорченным и убитым человеком. Но любящий супруг не всегда бывает нежным отцом. Дочери старика Роберта не могли утешить его в смерти их матери. Их заботы о траурных нарядах показались ему так противны, что он старался не встречаться с ними. Будущее их казалось ему весьма простым: им предстояло выйти замуж и уехать от него. Что же касается сына, то он давно перестал пользоваться симпатиями своего отца. Прежде

всего он отказался от торговой деятельности, вследствие чего отцу пришлось взять себе в помощники чужих людей. А затем молодой Роберт Грейвель оказался — без малейшего влияния наследственности — природным художником. Один из величайших художников того времени, увидав первые попытки мальчика, высказал свое мнение о нем в таких выражениях: «Какая досада, что он не принужден кистью зарабатывать себе хлеб насущный!»

По смерти старого Роберта дочери его получили (как они сами выражались) по какому-то жалкому десятку тысяч фунтов каждая. Брат их наследовал имение и большую часть капиталов — не потому, чтобы отец заботился о продолжении своего рода, а потому, что мальчик всегда был любимцем матери.

Из троих детей старшая сестра первая вышла замуж. Мария считала себя очень счастливой, поймав мистера Вера — человека старинной фамилии, с честью носящего свое имя. Состояние он имел значительное и более иметь не желал. Приданое жены было записано на ее имя. Когда он умер, то оставил ей ежегодный доход в шестьсот фунтов. Такая прибавка к ее собственному состоянию составляла доход в тысячу фунтов. Остальное же состояние мистера Вера было оставлено его единственному ребенку Овиду.

Со своей собственной тысячью и с двумя тысячами своего сына, выдаваемыми ей до его совершеннолетия, вдовствующая Мария могла бы быть довольна, не случись необыкновенного события с ее младшей сестрой.

Сузанна, вторая по годам и вторая по красоте, оказалась первой по выбору мужа.

Вскоре после брака своей сестры она одержала победу над шотландским дворянином, обладавшим

дворцом в Лондоне, дворцом в Шотландии и доходом в сорок тысяч фунтов. Мария, как она выражалась сама, никак не могла смириться с этим. С того ужасного дня, как Сузанна сделалась леди Норзлэк, Мария стала серьезной женщиной. Все ее земные интересы сосредоточились на культивировании своего ума. Она стремилась к славной карьере, к которой надеялась подойти путем науки. Через какой-нибудь год — как образец решительной женщины, идущей рядом с прогрессом, — она уже хорошо изучила ископаемых животных и растения и делала препараты нервной системы пчелы.

— Сын мой наполнял мое сердце, — говорила она. — Но школа, университет и госпиталь поочередно отнимали у меня из рук его воспитание. Мне надо наполнить чем-нибудь как свой ум, так и свое сердце.

И она брала свои изящные инструменты и возвращалась к нервной системе пчелы.

Вдовствующая мистрис Вер (как ее звали в обществе) была еще очень красивой женщиной. Мистеру Галилею она понравилась, а у мистера Галилея было пятьдесят тысяч фунтов. Положенные на четыре процента, они прибавляли еще две тысячи фунтов к тысяче фунтов ежегодного дохода мистрис Вер. Следовательно, вместе с мистером Галилеем являлся доход в три тысячи. Сообразив это, мистрис Галилей приняла его предложение. Теперь Сузанна не отличалась более от своей сестры тем, что выписывала платья из Парижа, и мистрис Галилей не подвергалась более унижению ездить только в коляске леди Норзлэк.

Какова же была в то время история жизни Роберта? Ее можно выразить в двух словах: Роберт унизил себя.



По переезде в деревню новый эсквайр был приглашен принять участие в устройстве охотничьего парка, со-  
оружаемого по подписке всех соседей, и ему был сделан  
намек, что для знакомства с соседями ему следует дать  
охотничий завтрак. На это он отвечал очень вежливо,  
но смысл ответа был ясен: новоприбывший земледелец  
отказывался от поддержки охоты; он считал это благо-  
родное занятие глупым и жестоким. По той же причине  
он отказался устраивать охоту у себя в имении. Остава-  
лось сделать еще одну ошибку, и он сделал ее: ответив на  
визит ректора, он не явился в церковь. Кто мало-мальски  
знает английскую провинциальную жизнь, тот поймет,  
что жить Роберту в деревне не следовало. Окончив  
прелестные виды, снятые им у себя в имении, он исчез.  
Имение это не было закреплено за ним. Старик Роберт,  
так тщательно заботившийся обо всем, чтобы обеспечить  
свою горячо любимую жену, оказался непростительно  
небрежным относительно своих детей. «Состояние мое  
не имеет теперь значения в моих глазах, — говорил он  
своим стряпчим. — Пусть дети распоряжаются им как  
хотят. Им было бы весьма полезно трудиться для суще-  
ствования, как трудятся люди получше их». Поэтому  
Роберт мог свободно продать имение. Не имея рас-  
точительных привычек, кроме страсти к приобретению  
картин, он стал еще богаче прежнего.

Когда брат собрался наконец написать сестрам, то  
леди Норзлэк и мистрис Галилей узнали, что он нахо-  
дится в добровольной ссылке в Италии. Он выстроил  
себе великолепную мастерскую, собрал массу картин и  
в первый раз в жизни почувствовал себя счастливым  
человеком.

Прошло еще некоторое время — и сестры снова  
услыхали о Роберте.

Оскорбив дворянское чувство своих английских соседей, он унизил себя теперь выбором жены: он женился на натурщице. В письме, которое извещало об этом событии, говорилось, что репутация этой итальянской девушки безукоризненна. Она позировала перед артистами, как позировала бы любая леди, «только без головы». Родные ее жили на доходы от небольшого клочка земли, который они сами и обрабатывали; люди они были честные — и что было за дело Роберту до происхождения? Его собственный дед был тоже фермером.

Леди Норзлэк и мистрис Галилей сочли ненужным посоветоваться между собою относительно своей невестки. Должно ли было им, в силу их общественных интересов, отвернуться теперь от Роберта?

Сузанна (предварительно наставленная своим мягкосердечным мужем) склонялась к милости. Роберт извещал в письме о своем намерении жить и умереть в Италии. Если он останется при таком решении, то брак его не будет ощутительным несчастьем для его родственников в Лондоне. «Напишем ему, — говорила Сузанна, — что мы удивлены, но не сомневаемся, что он сам знает, что нужно для его счастья. Поздравим мистрис Роберт и пожелаем им счастья».

К немалому удивлению леди Норзлэк, мистрис Галилей согласилась с таким снисходительным взглядом. У нее были свои причины: Роберт уплатил ее долги.

Доход в три тысячи — доход хороший, если вас ничто не обязывает «тянуться за обществом». Но в положении мистрис Галилей такой доход был благородной бедностью. Она снова наделала долгов и опять рассчитывала на кошелёк брата. Результатом было премилое письмо к Роберту. Оно оканчивалось так: «Пришли мне фотографическую карточку твоей милой жены».

Когда бедная «натурщица» умерла, прожив очень недолго и оставив маленькую дочь, мистрис Галилей умоляла своего брата вернуться в Англию. «Приезжай, милый Роберт, и прими утешение и приют под кровлей любящей тебя Марии».

Но Роберт остался в Италии и умер там. Ко дню своей смерти он уже три раза оплачивал долги своей сестры. При каждой его помощи она предвкушала все большее и большее наследство, если она переживет его.

Зная (как семейный адвокат), какие крупные суммы мистрис Галилей выпрашивала у своего брата, мистер Муль точно так же знал, что они были выдаваемы в счет наследства, на какое, в качестве сестры, она могла бы претендовать. Он был обязан предупредить ее об этом, когда она обращалась к нему с вопросами о завещании, а он ничего об этом не сказал, действуя под влиянием самого непростительного мотива — под влиянием страха. Краска, вспыхнувшая теперь на лице мистера Муля, была выражением досады на самого себя.

## VIII

Мистрис Галилей вошла в библиотеку, и кровь сильнее прилила к сердцу мистера Муля. Сын мистрис Галилей вошел в комнату вслед за ней — и кровь у мистера Муля отлила от сердца. По особенному уговору мистрис Галилей с адвокатом, Овид находился в полнейшем неведении дел своей матери. Как бы ни пришлось ей теперь разгневаться, но в присутствии своего сына она никогда не решится выразить своего негодования.

Приятные надежды всегда выгодно действуют на женскую красоту. В этот день мистрис Галилей была

необыкновенно авантажна. Ее круглое и несколько полное лицо было окаймлено вьющимися волосами, опускавшимися на лоб мелкими локонами. Ее траурное платье делало честь своему парижскому происхождению: оно выставяло в выгодном свете ее фигуру и белизну ее шеи — фигуру и белизну тоже парижского происхождения. Она походила на оживший портрет времен Карла Второго.

— Как поживаете, мистер Муль? Вы любовались моими папоротниками?

Папоротники стояли на выхода из библиотеки в оранжерею. Они, конечно, не укрылись от внимания адвоката, имевшего свою собственную небольшую оранжерею и бывшего страстным цветоводом. Ему пришлось теперь в голову, что в случае могущих возникнуть неприятных столкновений папоротники могут служить удобной темой для перемены разговора.

— От технических выражений вы нас избавьте, — продолжала мистрис Галилей, указывая на бумаги, лежавшие на столе. — Я желаю знать в точности свои обязанности к Кармине. И вместе с тем мне хотелось бы узнать, упомянута ли в завещании леди Норэлэк.

Мистрис Галилей никогда не говорила «моя сестра», никогда не называла ее Сузанной, даже в семейном кругу. Обида, нанесенная ей браком сестры, выражалась тем, что она никогда не забывала расстояния, существовавшего между ними, и всегда называла сестру ее титулом.

— В завещании, — сказал мистер Муль, — первым пунктом поставлено наследство леди Норэлэк.

Лицо мистрис Галилей точно окаменело.

— Сто фунтов, — продолжал мистер Муль, — на покупку траурного кольца.

Глаза мистрис Галилей в один миг ожили и точно проговорили: «Слава богу!»

— Какой деликатный человек был твой дядя, — заметила она сыну. — Оставить что-либо иное леди Норзлэк было бы просто глупо. Не так ли, мистер Муль? Может быть, теперь следует мое имя?

Мистер Муль искоса посмотрел на папоротники. Он теперь испытывал такое же ощущение, как в кресле у дантиста, когда тот, пряча проклятый инструмент в руке, говорил: «Покажите-ка мне ваш зуб». Положение его действительно было критическое. Овид еще более ухудшил его, сказав в шутку:

— Ну, посмотрим, мама, что-то вам выпадет на счастье!

Мистер Муль прибегнул к храбрости отчаяния. Он на этот раз благоразумно прочел слова самого завещания:

— «Сестре моей мистрис Марии Галилей я оставляю сто фунтов...»

Удивление Овида выразилось на деле: он вскочил.

Мистер Муль продолжал чтение:

— «...без всяких условий на покупку траурного кольца...»

— Не может быть! — вскричал Овид.

Мистер Муль закончил параграф:

— «...и сестра моя знает мотивы, заставляющие меня сделать подобное завещание».

Тут он положил завещание на стол и решил поднять глаза. В эту самую минуту Овид обернулся к матери. Он был поражен только что прочитанными словами и хотел узнать значение их.

К счастью для них, оба мужчины никогда не узнали, насколько эта минутная проволочка спасла их от тревог.

Если бы они взглянули на мистрис Галилей в ту минуту, когда она узнала касающийся ее параграф за-вещения, то увидали бы самого дьявола в образе человеческого. Они прочли бы в ее глазах и на ее устах такое же страшное предостережение, какое восточный царь прочел на стене о близости его смерти. Но лицо ее уже было спокойно, когда сын ее и адвокат взглянули на нее. Голос уже повиновался ей, и сдержанность сделала свое дело. Она только тяжело дышала, и веки ее не вполне свободно поднимались — вот и все.

— Продолжайте, пожалуйста, мистер Муль, — произнесла она.

Мистер Муль взглянул на Овида.

— Теперь следует ваше имя, мистер Вер.

— Неужели дядя вспомнил обо мне, как вспомнил о моей матери? — спросил Овид.

— Да, сэр... и позвольте мне сказать вам, что вспомнил в самой деликатной форме. «Бесполезно (говорит ваш покойный дядя) оставлять племяннику моему какие-нибудь значительные вещественные доказательства того, что я помню о нем. Отец его позаботился о нем, и с его редкими способностями он практикой наживет себе второе состояние». Не правда ли, это деликатно, мистрис Галилей? Затем он обеспечивает свою добрую старую ключницу Терезу и мужа ее, если он ее переживет, в следующих выражениях...

Мистрис Галилей сгорала от нетерпения услышать еще что-нибудь о себе.

— Я думаю, это можно будет пропустить, — заметила она, — и перейти прямо к тому месту, где говорится о Кармине и обо мне. Не думайте, что меня мучит нетерпение: мне просто хотелось бы...

Рычание собаки в оранжерее прервало ее.

— Несносное животное! — резко проговорила она. — Кажется, мне придется сбить его.

Мистер Муль встал, чтобы выгнать собаку из оранжереи. Мистрис Галилей еще с большим раздражением остановила его.

— Не надо, мистер Муль! Этой собаки вам не успокоить. Это я испытала с мисс Минервой, моей гувернанткой... Собака рычит всякий раз, как видит ее. Она, верно, чувствует вас. Ну, вот еще! Вы только хуже раздражите ее. Вернитесь.

Стоя в дверях, миролюбивый Муль обратился к влиянию папоротников. Он посмотрел на лист и вернулся на свое место в совершенном восторге.

— Цветущий папоротник! — мягко проговорил он. — Действительно чудный экземпляр, мистрис Галилей! Это ведь «осмунда регалис»? Что за прелесть эти папоротники! Трудно даже определить, где кончается ствол и начинается лист.

Маленькая такса вбежала в эту минуту в библиотеку. Она, виляя хвостом, приветствовала все общество, не исключая и мистера Муля. Теперь он не рычала: она скромно улеглась у ног мистрис Галилей и тем совершенно опровергла ее жалобы на свой дурной нрав.

Между тем мистер Муль пробежал завешание и, повернув страницу, нашел параграфы, касавшиеся Кармины и ее опекуниши.

— Надо знать, — начал он, — что мисс Кармине оставлено состояние ровно в сто тридцать тысяч фунтов. Опека...

— Пропускайте, — сказала мистрис Галилей.

Мистер Муль пропустил.

— В параграфе об опекунстве, — сказал он, — есть небольшое замечание, что в случае вашей смерти

или нежелании принять на себя опеку назначается леди Норзлэк...

— Пропускайте, — сказала мистрис Галилей.

Мистер Муль пропустил.

— Вы назначены опекуницей мисс Кармины до ее совершеннолетия, — продолжал он. — Если она выйдет в это время замуж...

Он остановился, чтобы повернуть страницу. Не только мистрис Галилей, но и Овид слушали теперь с глубочайшим интересом.

— Если она выйдет в это время замуж с согласия своей опекуницы, то состояние ее должно быть закреплено за ней и за ее детьми следующим образом...

— А в случае, если я не соглашусь на ее выбор? — спросила мистрис Галилей.

— Если молодая особа вступит в брак, вами неодобряемый, — отвечал мистер Муль, — то завещатель поручает вам высказать ваши причины, так сказать... как бы мне это выразить... семейному совету, состоящему из мистера Галилея и лорда и леди Норзлэк.

— Как это глупо со стороны Роберта! — заметила мистрис Галилей. — И что же, мистер Муль, будет делать этот совет трех?

— Совет большинством голосов должен решить вопрос, мистрис Галилей. Если решение будет на вашей стороне, но мисс Кармина будет стоять на своем, не смотря на это...

— То я должна уступить? — спросила мистрис Галилей.

— Нет, пока племянница ваша не станет совершеннолетней. А тогда она решит уже сама.

— И наследует свое состояние?



— Только часть его — если она выйдет замуж против воли своих родных.

— А что же останется с остальным состоянием?

— Все состояние, — продолжал мистер Муль, — должно быть разделено между ее детьми после ее смерти.

— А если она не оставит детей?

— И это тоже предусмотрено в последнем параграфе, мадам. Теперь я только скажу, что в результате заинтересованы вы.

Мистрис Галилей быстро и серьезно обратилась к своему сыну.

— Если я умру и меня не станет, — сказала она, — то я поручаю тебе защиту моей памяти.

— Защиту вашей памяти? — повторил Овид, не понимая, что она хотела этим сказать.

— Если в мое распоряжение достанется состояние Роберта — от чего Боже упаси! — разве ты не предвидишь, что тогда случится? — с горечью спросила его мать. — Леди Норэлк скажет: «Мария интриговала для этого!»

Мистер Муль с упованием взглянул на папоротники. Нет! Его растительные союзники недостаточно сильны, чтобы обуздать такие родственные чувства. В настоящем затруднении можно было прибегнуть только к авторитету завещания.

— Позвольте, — сказал он, — тут есть дальнейшие распоряжения, выставляющие в весьма привлекательном свете хорошие чувства вашего покойного брата. Они касаются забот о его дочери на то время, когда она проживет под вашей кровлей. Мисс Кармина должна пользоваться преподаванием лучших учителей до окончания своего образования.

— Ну, конечно! — с жаром вскричала мистрис Галилей.

— Иметь свой собственный экипаж, когда только пожелает.

— Нет, мистер Муль! Два экипажа... в здешнем климате! Открытый и закрытый.

— Душеприказчики обязаны выдавать вам на ее содержание тысячу в год.

— Слишком много! Слишком много!

Мистер Муль был бы готов согласиться с нею, если бы не знал, что Роберт Грейвиль, назначая такую крупную сумму, имел при этом в виду интересы своей сестры.

— Впрочем, может быть, в эту сумму включены и деньги на ее туалет, и ее карманные деньги? — спросила мистрис Галилей.

Мистер Муль улыбнулся и покачал головой.

— Великодушие мистера Грейвиля безгранично, — сказал он, — там, где дело касается его дочери. На туалеты и на карманные расходы мисс Кармине назначено пятьсот фунтов в год.

Мистрис Галилей обратилась за сочувствием к сыну.

— Не трогательно ли это? — сказала она. — Милая Кармина! Платья ей будет шить моя портниха в Париже. Ну, далее, мистер Муль.

— Позвольте мне прочесть вам само завещание, — отвечал мистер Муль. — «Если доброе сердце ее заставит ее быть щедрою к бедным, то душеприказчики мои обязаны, по своему усмотрению, увеличить ее карманные деньги до вторичных пятисот фунтов в год». С моей стороны может быть нескромно, — продолжал мистер Муль, прерывая чтение, но я не могу не воскликнуть: Какой добрый отец! Какая, должно быть, хорошая дочь!

У мистрис Галилей вертелось на языке другое замечание, когда несчастная собака снова прервала ее. Она с неистовым лаем вдруг кинулась в оранжерею. За лаем последовал стук упавшего горшка.

Овид бросился в оранжерею.

На полу лежал разбитый горшок. Пораженный красотой цветка, лежавшего на полу, Овид остановился, чтобы поднять его. Если бы вместо этого он тотчас же подошел бы ко второй двери, то увидал бы женщину, вбегающую в дом, и по фигуре, конечно, узнал бы мисс Минерву. Но теперь, подойдя к двери, он не нашел в саду уже никого.

Взглянув на дом, он увидал Кармину у открытого окна ее спальни.

Грустное выражение прелестного личика огорчило его. Думала ли она в эту минуту о своей счастливой прошлой жизни, или о неведомом будущем между чужими людьми на чужбине? Она увидала Овида, и глаза у нее повеселели. Его обычная холодность с женщинами в один миг растаяла; он послал ей воздушный поцелуй. Она ответила на приветствие (к которому она так привыкла в Италии), прелестно улыбаясь, и обернулась назад в комнату. В окне показалась Тереза. Дуэнья, действовавшая обыкновенно по первому впечатлению, не рассуждая, поступила и теперь точно так же.

— Нам скучно здесь, — крикнула она. — Приходите к нам, мистер Овид.

Лишь только успела она произнести эти слова, как обе они обернулись и отошли от окна.

Овид ушел обратно в библиотеку.

— Кто-нибудь подслушивал? — спросил мистер Муль.

— Я никого не нашел, но не думаю, чтобы кошка могла опрокинуть такой тяжелый горшок. — Говоря это, Овид осматривался кругом. — А где же мама? — спросил он.

Мистер Муль отвечал, что мистрис Галилей пошла наверх, спеша сообщить Кармине о назначении ей такой большой суммы. Затем он начал свертывать завещание, но вдруг остановился.

— Как я невнимателен, — сказал он, — я забыл, мистер Овид, что вы не слыхали конца. Позвольте вам сообщить его в нескольких словах. Вам, может быть, известно, что мисс Кармина католичка. Весьма естественно, что ее крестили в вере ее бедной матери. Ну, так ее добрый отец не оставил ничего без внимания: всякая попытка к обращению ее строго воспрещается.

Овид улыбнулся. Религиозные убеждения его матери начинались и кончались на неорганической материи земли.

— Последний параграф, — продолжал мистер Муль, — по-видимому, тяжело подействовал на мистрис Галилей. Я напомнил ей, что у ее брата нет в живых более близких родственников, кроме леди Норзлэк и ее. Оставить деньги миледи и милорду при их положении...

— Позвольте! — перебил его Овид. — Что же тут могло тяжело подействовать на мою мать?

Мистер Муль извинился, что не прямо приступил к делу.

— Профессиональная привычка, мистер Овид, — объяснил он. — Мы любил разглагольствовать — чем больше слов, тем выше идет нам плата... Ваш покойный дядюшка оканчивает свое завещание распоряжением

относительно своего состояния в двух следующих случаях: если мисс Кармина умрет до замужества или же, выйдя замуж, она умрет, не оставив после себя детей, то и в том, и в другом случае наследство переходит к мистрис Галилей и ее дочерям.

## IX

Наступила ночь после чтения завещания. Овид сидел дома.

Тишина спокойной улицы, на которой он жил, нарушалась только треском колес случайно проезжавших экипажей и бальной музыкой, долетавшей из какого-то соседнего дома, где шли танцы. Он сидел за письменным столом и думал о тех новых интересах, которые наполнили теперь его жизнь.

Он по-прежнему сознавал необходимость отдыха и перемены при своем расстроенном здоровье, а между тем предполагаемое морское путешествие, как пережитая мечта, исчезло из его головы.

Его приятель условился отправиться с ним утром в портовый город, где стояла яхта, приготовленная для их путешествия. Они не были с ним настолько коротки, чтобы верить друг другу тайны. Ему оставалось только прибегнуть к обычным в таких случаях фразам. Положив перед собою бумагу и обдумывая, что ему писать, он находился в такой нерешимости, что не мог даже начать письма.

Нервы его были страшно расстроены, и даже обычный бой часов в зале заставил его вздрогнуть. Вслед за боем послышалось за дверью мяуканье.

Он встал, не выказав ни малейшего удивления, и отворил двери.

В комнату с грацией и достоинством вошла большая черная кошка с белым треугольным пятном на лбу и с белыми лапками. Овид вернулся к своему столу. Лишь только он опустился на кресло, как кошка вспрыгнула к нему на колени, а потом уселась на плечо, мурлыча ему под самое ухо. Это было ее обычным местом, когда хозяин бывал один и писал.

Появление кошки, которую звали Снукс, дало другой оборот мыслям Овида; он точно очнулся и поспешно стал писать письмо, в то время как кошка сидела и мыла свою мордочку.

Написав письмо, он пошел спать, хотя настолько знал свой организм, что никак не надеялся уснуть в эту ночь. Но, чтобы отдохнуть, надо было все-таки лечь и предварительно раздеться.

С рассветом он встал и вышел.

Взяв с собой письмо, он бросил его в ящик в дверях своего друга. Чем скорее он отрежет путь к отступлению, тем скорее избавится от мучительного чувства нерешимости, томившего его накануне, — думалось ему.

— Слава богу, кончено! — прошептал он, услышав, как письмо упало на дно ящика, и отходя от дома.

Нагулявшись по парку до утомления, он сел у пруда и стал любоваться лебедями.

Куда бы он ни шел, что бы ни делал, образ Кармины не покидал его. Он прежде равнодушно встречался с тысячами девушек более привлекательных. Что же влекло его к этой иностранной кузине и с каждой минутой все более и более овладевало им? Он был счастлив, отдаваясь чувству очарования, охватившему его, и не хотел предаваться анализу. Чудное утро располагало к мечтаниям, и он мысленно перенесся к ней. Наступит ли когда-нибудь время, что и она будет мечтать

о нем? Он взглянул на часы. Было семь часов. Завтрак в Ферфильд-Гардене был назначен в восемь часов, чтобы дать ему время поспеть на утренний поезд. Он рассчитывал в полчаса дойти до дома. Десяти минут ему было достаточно на перемену туалета, и затем он мог отправиться на свидание с Карминой. Он нисколько не тревожился тем, что могли сказать о перемене его намерений. Его занимал совершенно другой вопрос. В первый раз в жизни он раздумывал, в каких платьях являются дамы к завтраку.

В половине восьмого он отворил дверь в свою квартиру. В прихожей на лавке сидела какая-то пожилая особа в черном платье. Она встала и подошла к нему. Онемев от удивления, он узнал верную служанку Кармины Терезу.

— Позвольте мне поговорить с вами, — сказала она по-английски.

Овид ввел ее к себе в приемную. Она не теряла времени на объяснения.

— Кармина плохо спала, — начала она.

— Через полчаса я буду там! — быстро проговорил Овид.

Дуэнья нетерпеливо помахала указательным пальцем.

— Доктора ей не нужно. Ей нужен друг, когда меня не станет. Что за жизнь ее здесь ждет? Новая жизнь среди новых людей... Постойте! Она так молода, так боязлива, так нерешительна, а мне между тем необходимо оставить ее... Необходимо! Муж мой почти умирает; некому будет закрыть ему глаза, если меня не будет около него. Позвольте, дайте мне кончить!.. Вы любите Кармину; я сразу угадала это. Помогите же мне для нее.

Она пододвинула стул к Овиду вплотную и вдруг тяжело опустила свою руку на его руку.

— Я тут ни в чем не виновата, я ничем не расстроила ее. Нет, я поступила гораздо лучше: я ей солгала. Что за важность! Я готова лгать, как Иуда Искариотский, только бы избавить Кармину от малейшей неприятности. Для нее жизнь эта настолько нова — поймите это — совершенно нова. Ах, моя овечка! Мой ангел! Ведь она одна! Господи! Ей всего семнадцать лет от роду, и она одна на свете! Ни отца, ни матери, и скоро — ах, слишком-слишком скоро! — не будет даже Терезы! Что вы так смотрите? Можно ли дивиться слезам глупой старухи? Слезы — вода. Ха-ха-ха! Если они упадут на ваш дорогой ковер, то никак не испортят его. Вы хороший человек, милый человек. Я замолвила за вас словечко Кармине. Дайте ей только опомниться; она еще так молода и невинна. Любовь придет... Я знаю, что говорю... любовь придет.

Она засмеялась, и вдруг в ее глазах ясно выразился страх. Она как будто с ужасом вспомнила о чем-то и вскочила.

— Что это они мне сказали? — вскричала она. — Что сами вы сказали, уходя от нас вчера? Этого быть не может, этого быть не может! Неужели и вы тоже покинете Кармину?

— Я переменял свое намерение, — сказал Овид. — Успокойтесь — я не уезжаю.

Старая чудачка весело прищелкнула пальцами.

— Прощайте, мне с вами больше не о чем говорить.

Она пошла к дверям, но вдруг остановилась, задумалась и вернулась снова, серьезная и мрачная, как прежде.



— Могу я назвать вас по имени? — спросила она.

— Конечно.

— Слушайте же. Я, может быть, перед отъездом не увижу вас более. Вот мое последнее слово, и никогда не забывайте его: даже у Кармины могут быть враги.

— Враги... в доме моей матери! — вскричал Овид. — Что вы хотели сказать?

Тереза снова пошла к двери и, уже отворив ее, произнесла загадочным тоном:

— Подождите, увидите.

## Х

Мистрис Галилей шла в столовую, когда сын ее вошел в прихожую, где они и встретились.

— Уложился? — спросила она.

Он не хотел пускаться теперь в объяснения.

— Нет еще, — ответил он.

Мистрис Галилей прошла в столовую первая.

— Овид еще не уложился, — заявила она. — Я думаю, что он опоздает на поезд.

Все сидели уже за столом. Лицо Кармины ясно говорило о бессонной ночи, но оно просияло, лишь только вошел Овид. Она крепко пожала его руку и весело взглянула на него, когда он спросил ее о здоровье.

— Я надеюсь, — сказала она, — что не попаду больше в число ваших пациенток.

Мистер Галилей, набивший себе в это время полный рот, вставил от себя слово.

— Ешьте и пейте, как я, моя дорогая Кармина, — сказал он, — и вы будете так же здоровы и будете так же спать, как я. Я засыпаю, лишь только тушится свеча — растянувшись на спине, как может вам сказать

мистрис Галилей — и попробуйте-ка разбудить меня, пока не настанет время, когда я встаю обыкновенно!.. Не хочешь ли яиц с маслом, Овид? Превкусно сделаны, не правда ли, Зо?

Зо подняла голову от тарелки и выразила согласие с отцом единственным словом:

— Скусно!

Мисс Минерва, образец гувернанток, тотчас же исполнила свой долг.

— Зоя! Сколько раз мне повторять вам, чтобы вы не говорили таких слов? Слышали ли вы когда-нибудь, чтобы сестра ваша говорила «скусно»?

Высокоблаговоспитанная девочка Мария, твердо сознавая свои добродетели, авторитетно прибавила:

— Ни одна девушка, уважающая себя, не станет употреблять простонародных выражений.

Мистер Галилей был недостоин такой дочери. Он про себя прошептал:

— Экие пустяки!

Зо подняла к нему тарелку, прося еще, что его привело в восторг.

— Вся в меня! — вскричал он. — Оба мы с нею отличные едоки. Зо вырастет статной женщиной. — Он обратился к Оvidу: — Ведь это и твое мнение, как врача, Овид, не так ли?

Прелестная улыбка на один миг появилась в глазах и на устах Кармины. По ее мнению, в английской семейной жизни только один мистер Галилей был отрадным явлением.

Мистрис Галилей однако же не забывала времени и знала, что поезда не ждут.

— Где же твой лакей? — сказала она Оvidу. — Разве не на нем лежит обязанность, чтобы все было вовремя готово?

Бесполезно было теперь увертываться. Овид объяснил дело в нескольких словах.

— Лакей мой нисколько не виноват, — сказал он. — Я написал уже своему приятелю отказ: я не еду.

В первую минуту это заявление было принято молча и неодобрительно, только не самым младшим членом общества. В маленьком странном сердце Зо Овид занимал первое место после отца. Она положила ложку и крикнула: «Ура!» Но даже мисс Минерва была так поражена неожиданным сообщением Овида, что забыла сделать ей замечание. Ее суровые глаза были устремлены на Овида. Что же касается мистера Галилея, то он так и остался с куском хлеба на полпути ко рту и с изумлением глядел на своего пасынка.

Мистрис Галилей всегда первая подавала пример сдержанности и первая спросила:

— Что это значит?

Овид не обратил внимания на тон этого вопроса. Объявляя о перемене своего намерения, он глядел на свою кузину — и теперь продолжал глядеть на нее. Кто мог бы ошибиться при виде краски, вспыхнувшей на ее бледных щеках, и блеска засверкавших глаз, когда она встретила взор Овида? Ее глаза ясно говорили: «Я удивлена, но очень довольна».

Мистрис Галилей далеко не ласковым голосом заставила сына отвечать ей. Она тоже смотрела на Кармину — и результаты своих наблюдений оставила при себе.

— Нельзя ли узнать причины? — спросила она.

Овид, сделавший теперь открытие, близкое его сердцу, был так счастлив, что сумел скрыть свою тайну от матери с ловкостью, достойной ее.

— Я думаю, что морское путешествие не принесет мне настоящей пользы, — отвечал он.

— Странно, что ты так вдруг переменял свое мнение! — заметила мистрис Галилей.

Овид холодно с ней согласился.

Мисс Минерва, ожидавшая вспышки со стороны мистрис Галилей, разочаровалась. Помолчав немного, мистрис Галилей предложила Оvidу еще чашку чаю и затем обратилась к старшей дочери.

— Какие, душа моя, у тебя сегодня уроки? — спросила она с очевидным материнским интересом.

Мисс Минерва наклонилась к своей тарелке, предварительно пристально посмотрев на Овида.

«Неужели он настолько недогадлив, — подумала она, — что не видит, что мать его что-то замышляет?»

Счастливый человек редко выводит дурные заключения. Кроме того, Овид был слишком добрым сыном, чтобы подозревать мать.

Между тем мистер Галилей пришел в себя и съел свой кусок хлеба с маслом.

— Зачем ты торопишь Овида, моя дорогая? — ласково сказал он жене.

Конечно, если бы взгляд мог уничтожить этого достойного человека, то его объемистое тело исчезло бы в ту же минуту, когда он осмелился высказать свое замечание. Но так как этого не случилось, то он только положил Зо еще ложку варенья.

— Когда Овид впервые затеял это путешествие, — продолжал он, — я сказал: а что если он подвержен морской болезни? Какая ужасная болезнь, не правда ли, мисс Минерва? Сначала кажется, что так и уходишь куда-то вниз, а потом все в тебе поднимается вверх...

Не так ли? Ты не хворал на море? Поздравляю! От души поздравляю тебя, милейший Овид! Не пообедаешь ли ты сегодня со мной в клубе? — Делая это предложение, он нерешительно взглянул на жену. — Что, у тебя голова болит, душа моя? Я с удовольствием прокачусь с тобой. Что это с ней, мисс Минерва? А, вижу... Мария будет читать молитву. Аминь, аминь!

Все встали из-за стола.

Мистер Галилей первым вышел из комнаты. Жена запрещала ему курить в доме, и потому он уходил с сигарой в сквер. Уходя, он взглянул на Кармину и на Овида, точно желал пригласить кого-нибудь из них с собой. Оба они стояли у камина и совершенно были поглощены разговором. Мистер Галилей покорился своей судьбе и, уходя, по своему обыкновению обратился за поддержкой.

— Что же делать! — вздохнув, проговорил он. — Сигара может заменить собеседника! Вы это поймете сами, мисс Минерва, — то есть поняли бы, если бы курили, но курить вы никогда не будете. Будь милой девушкой, Зо, и учись хорошенько.

Зо по-своему истолковала этот добрый совет. Она тихо прошептала:

— Позволь нам не учиться?!

Так как на свете главную роль играет случай, то и на этот раз, вследствие случайного разговора между Карминой и Овидом, Зо позволено было не учиться.

Мистрис Галилей со свойственной ей любезностью подошла к сыну и племяннице.

— Кармина любит птиц, — сказал Овид. — Я только что говорил ей, что ей следовало бы посмотреть все породы птиц в зоологическом саду. День сегодня чудный. Отчего бы нам не отправиться туда?

Самая бестолковая женщина в мире поняла бы, что означало такое предложение.

— Я сама охотно поехала бы с вами, — отвечала мистрис Галилей, — но утро я посвящаю хозяйству. Кроме того, сегодня назначена лекция, которую я никак не могу пропустить. Не знаю, Кармина, интересуетесь ли вы этими вещами? Нам покажут сегодня аппарат, объясняющий переход световых лучей в звуковые колебания. Слыхали ли вы когда-нибудь, душа моя, о диатерменции черного дерева? Вероятно, нет?

Кармина смотрела на нее с не меньшим недоумением, с каким смотрела обыкновенно Зо. Ученость мистрис Галилей пугала ее. Диатерменция черного дерева каким-то непонятным образом заставила ее вспомнить о своей старой няне.

— Мне хотелось бы доставить Терезе какое-нибудь удовольствие перед ее отъездом, — тихо сказала она. — Можно ей ехать с нами?

— Ну, конечно! — вскричала мистрис Галилей. — Мне приходит в голову, что и детям можно было бы доставить некоторое удовольствие. Можно дать им праздник сегодня. Не пугайся, Овид: мисс Минерва присмотрит за ними. А вы пока, Кармина, скажите вашей доброй старушке, чтобы она была готова.

Кармина поспешила к Терезе и предоставила таким образом мистрис Галилей возможность исполнить ее намерение — поговорить с глазу на глаз с сыном.

Овид ждал тщательных расспросов о мотивах, заставивших его отказаться от морского путешествия. Но мать его была слишком умной женщиной, чтобы тратить время таким образом. С самых же первых слов она показала, что мотивы ей ясны как день.

— Прелестная девушка! — сказала она, лишь только Кармина заперла за собою дверь. — Скромная и простая, как раз такая, какая должна понравиться такому умному человеку, как ты.

Овид был захвачен врасплох и молчал. Мистрис Галилей продолжала в тоне невинной материнской шутки:

— Ты знаешь, что рано начал влюбляться; первая твоя любовь была бедная чахоточная девочка леди Норэлэк, которая умерла. Детская шалость, — скажешь ты, и более ничего? Но, мой милый, я боюсь, что мне придется в некотором роде переломить себя, чтобы сочувственно отнестись к этой новой... как бы это сказать... страсти; но нет, это слово слишком сильно, а «прихоть» ничего не выражает. Мы оставим вопрос этот открытым. Браки между двоюродными братьями и сестрами — браки спорные; кроме того у отцов-протестантов и матерей-католичек бывают недоразумения относительно детей.

В ее тоне слышались какие-то ноты, задевшие Овида.

— Я вполне не понимаю вас, — резко сказал он. — Вы слишком далеко заглядываете в будущее.

— Ну, так вернемся к настоящему, — отвечала мистрис Галилей, не противореча сыну.

Она прежде много раз говорила, что Оvidу по годам и по его занятиям еще надо подождать несколько лет с женитьбой. Высказав теперь свою мысль относительно племянницы, она не хотела более касаться ее, а хотела только заставить сына для поправления его здоровья уехать из Англии немедленно. В отсутствие Овида мистрис Галилей могла, конечно, привести свои тайные планы к желаемому результату.

— Право, — продолжала она, — тебе серьезно следовало бы подумать о перемене воздуха и обстановки. Ты сам знаешь, что не позволил бы ни одному из своих пациентов пренебрегать здоровьем, как пренебрегаешь ты. Если ты не хочешь ехать морем, так поезжай на континент. Но уезжай хоть куда-нибудь, ради своего здоровья уезжай!

Овид соглашался, что мать права, и просил только дать ему время подумать. К его большой радости разговор этот был прерван стуком в дверь. В комнату вошла мисс Минерва — судя по наружности, не в очень хорошем расположении духа.

— Не помешала ли я? — спросила она, глядя на мистрис Галилей.

Овид воспользовался случаем, чтобы уйти. Ему надо было написать еще кое-кому письма, и он ушел в библиотеку.

— Нет ли тут какой-нибудь ошибки? — спросила гувернантка, оставшись вдвоем с мистрис Галилей.

— В чем, мисс Минерва?

— Я встретила на лестнице вашу племянницу. Она сказала мне, что вы желаете, чтобы дети сегодня не учились.

— Да; я хочу, чтобы они поехали с моим сыном и с мисс Карминой в зоологический сад.

— Мисс Кармина говорила, что и я поеду.

— Мисс Кармина совершенно права.

Гувернантка устремила проницательные глаза свои на мистрис Галилей.

— Вы желаете, чтобы я ехала с ними? — спросила она.

— Желаю.

— Я знаю почему.



В продолжение своей совместной жизни мистрис Галилей и мисс Минерва однажды страшно поссорились — и мистрис Галилей осталась в проигрыше. Этого урока она не забыла.

— Говорите яснее, мадемуазель, — продолжала мисс Минерва. — Мне не следует допускать, чтобы мистер Овид (она с горечью произнесла это имя и сильно покраснела)... я не должна допускать, чтобы мистер Овид и мисс Кармина оставались одни?

— Вы умеете отгадывать, — спокойно отвечала мистрис Галилей.

— Нет, — еще спокойнее сказала мисс Минерва, — я только видела то, что видели вы.

— Разве я говорила вам, что я видела?

— Незачем было и говорить. Ваш сын влюблен в свою кузину. Когда прикажете быть готовой?

Мистрис Галилей любезно назначила время, и грубая гувернантка вышла из комнаты.

Мистрис Галилей со странной улыбкой посмотрела на затворившуюся дверь. Она всегда подозревала, что мисс Минерва питает к кому-то несчастную любовь. Подозрение ее теперь подтвердилось, и предмет был открыт.

«Ожесточена несчастной страстью, — подумала она, — и предмет этой страсти — мой сын».

## XI

Войдя в зоологический сад, Овид тотчас же повернул направо и повел Кармину к птичникам. Мисс Минерва с Марией по обязанности следовали за ними. Тереза шла несколько поодаль, а Зо летала, подбегая то к тем, то к другим клеткам.

У клеток порядок шествия несколько изменился, потому что любознательная Мария не отпустила от себя гувернантки и долго держала ее у одной и той же клетки, тогда как Зо забегала вперед, и Тереза охотно взялась не оставлять ее без присмотра. Овид и Кармина на минуту были оставлены одни.

— Давно ли мисс Минерва гувернанткой у вашей матери? — спросила Кармина.

— Уже несколько лет, — отвечал Овид. — Позвольте и мне предложить вам вопрос: зачем вы об этом спрашиваете?

Кармина помолчала и затем отвечала шепотом:

— У нее, кажется, дурной характер.

— Да, у нее дурной характер, — отвечал Овид. — Мне кажется, — улыбаясь, прибавил он, — вы невзлюбили мисс Минерву.

— Мне кажется, она невзлюбила меня, — отвечала Кармина.

— Почему вы так решили?

— Я это заметила. Бьет она детей?

— Кармина! Неужели она могла бы быть гувернанткой у моей матери, если бы обращалась так с детьми? Кроме того, мисс Минерва слишком благовоспитанна, чтобы унизиться до насильственной расправы. Семейные несчастья поставили ее в необходимость идти в гувернантки.

В это время веселый, звонкий голос Зо позвал Кармину; она обнаружила какую-то забавную птицу и хотела поделиться своим открытием. Не успела девушка отойти от Овида, как к нему подошла гувернантка. В то время как Кармина наблюдала за мисс Минервой, мисс Минерва наблюдала за Карминой. Одинаковое чувство соперничества зародилось

в душе двух самых разных женщин, которые когда-либо существовали.

— Знает ваша кузина толк в птицах? — начала мисс Минерва.

Если бы Овид был хоть немного опытнее относительно женщин, то он проник бы в тайну мисс Минервы. В ту минуту как она заняла место Кармины, она лишилась способности владеть собой. Ее суровые черные глаза, холодные и беспощадные, когда они смотрели на кого-нибудь другого, засверкали страстью при взгляде на Овида. Впрочем, это было только на одну минуту, и она быстро овладела собою.

— Мы еще не говорили с кузиной о птицах, — ответил Овид на вопрос гувернантки.

— Находите ли вы, что молодая девушка умна? — спросила мисс Минерва.

— Ну, конечно!

Эти два слова сказаны были немного резко.

— Ненужный вопрос с моей стороны, — заметила гувернантка, стараясь говорить мягко. — Но позвольте напомнить вам, мистер Вер, что нельзя судить по внешности.

Она взглянула на него и вернулась к детям. Овид сострадательным взором проводил ее.

«Бедняжка! — подумал он. — Что за чертовский характер, и как ей трудно справиться с ним!»

Он подошел к Кармине, и они вместе с прочими пошли к отгороженному решеткой месту, где помещались более крупные птицы. Зо шла так спокойно, так скромно, что сестра с непритворным недоумением посмотрела на нее.

По требованию Марии, чувствовавшей необходимость поддержать свою репутацию, мисс Минерва

начала читать лекцию о черепах птиц, подскочивших к ним в надежде получить какую-нибудь подачку. Овид добыл хлеба и вместе с Карминой стал кормить птиц. Зо подошла к ним и дернула Кармину за платье.

— Знаете, — начала она, — я видела еще одного мужчину, который смотрел точно так же, как Овид, когда лицо его было близко от вашего.

Овид, зная настолько свою беззастенчивую сестренку, чтобы опасаться дальнейших результатов разговора, взял Кармину под руку и отвел ее подальше.

Мисс Минерва тотчас же последовала за ними вместе с Марией, все еще не просветившейся насчет черепов. Зо осмотрелась, как бы отыскивая, кому бы она могла рассказать свою мысль. Тереза подошла к ней.

— Кто же был этот мужчина, что смотрел так же, как мистер Овид? — спросила она, говоря тоном полного равенства, что всегда особенно нравится детям.

— Я ведь еще многое хотела сказать, — проговорила польщенная Зо. — Вы будете меня слушать?

— С удовольствием, — ответила Тереза.

Зо немного подумала. Изложение мысли было не совсем легко для такого неразвитого ума, беспощадно исковерканного мисс Минервой. Зо наконец выпуталась из затруднения, начав предлагать вопросы.

— Вы знаете Жозефа? — спросила она.

Тереза слыхала, что так зовут лакея.

— А Матильду знаете? — продолжала Зо.

Тереза слышала, что так звали горничную. Она помогла своему маленькому другу, угадав, что та хочет сказать.

— Вы видели лицо мистера Овида около лица Кармины, — сказала она.

Зо закивала головой.

— А перед тем вы видели, — продолжала Тереза, — лицо Жозефа около лица Матильды.

— Я видела, как Жозеф целовал Матильду! — с торжеством сказала Зо. — Отчего это Овид не целует Кармину?

Громкий бас важно проговорил позади них:

— Оттого что не позволяет гувернантка.

Огромная бамбуковая трость указала над их головами на мисс Минерву. Зо тотчас же узнала трость и схватила ее.

Тереза обернулась и очутилась лицом к лицу с необыкновенным человеком.

## ХП

Прежде всего незнакомец был настолько большого роста, что его можно было показывать как великана. При этом он был до крайности худощав, так что враги называли его «живым скелетом». Его громадный лоб, большие, мрачные, серые глаза и выдающиеся скулы господствовали над нижней частью лица без бороды, бакенбард и усов. Цвет лица еще более придавал оригинальности его наружности: он был смутл как цыган, и потому светлые глаза его казались еще светлее и пронительнее, в особенности когда он устремлял их на собеседника. Его прямые черные волосы некрасиво свешивались по обе стороны ввалившихся щек, как волосы американских индейцев. На его больших темных руках, не прикрытых перчатками, тупые, загнутые вверх пальцы украшались ногтями коричневого цвета. Костюм его отличался обширностью и удобством: длинное пальто спускалось ниже колен, а широкие штаны походили на мешки; его длинная, худая шея повертывалась в

широком вороте рубашки, не стесняемая каким-либо галстуком. По его теории следовало носить шляпу настолько плотную, чтобы она могла уберечь голову от ушиба в случае падения с лошади или удара от свалившегося с крыши кирпича. Поэтому его крепкая, широкая черная шляпа с загнутыми краями могла бы украшать голову какого-нибудь епископа, если бы не походила на колоколообразные шляпы, которые носили франты в первых годах нынешнего столетия. Одним словом, он по своей наружности и по своему костюму был такого рода человеком, мимо которого ни один иностранец не прошел бы не обернувшись. Даже фамилия его была какая-то странная: в медицинских и ученых кругах он был известен под именем доктора Бенджулиа.

Зо, однако, глядела ему прямо в глаза без малейшего страха; в лице ее выражалось только тревожное ожидание.

— Подойдите ко мне; не пощекотать ли мне вас? — спросил доктор.

— Я так и знала, что вы это скажете, — отвечала Зо.

Обыкновенно, если взрослые болтают всякий вздор с детьми, то они не могут не улыбаться. Доктор представлял исключение из этого правила: его смуглое лицо никогда не улыбалось — не улыбнулось даже и тогда, когда Зо напомнила ему, что его любимое препровождение времени заключалось в щекотании детей. Он приложил свои два гладких пальца к ее спине и надавил ими. Зо вздрогнула и скорчилась от этого прикосновения. Он наблюдал за ней так же серьезно, как наблюдал бы за медицинским опытом.

— Вы делаете то же самое с нашей собакой, и она еще дрыгает ногой, — сказала Зо, напоминая доктору о его опытах с собакой. — Что вы с ней делаете?

— Я дотрагиваюсь до мозговых нервов, — по-прежнему серьезно отвечал доктор Бенджулиа.

Зо нашла, что его неведомая для нее речь равносильна урокам. Она отказалась от понимания мозговых нервов и снова заговорила о таксе.

— А как вы думаете, собаке это нравится? — спросила она.

— Что нам за дело до собаки! А вам нравится?

— Не знаю.

Доктор Бенджулиа обратился к Терезе. Его мрачные серые глаза остановились на ней, как остановились бы на неодушевленном предмете.

— Я, мадам, подумался с девочкой, — сказал он, — и, кажется, задержал вас. Прошу извинить!

Он приподнял свою епископскую шляпу и мрачно пошел далее, не обращая более ни малейшего внимания на Зо.

Тереза присела ему в ответ. Необыкновенная любезность безобразного великана очень польстила ей.

— Княжеские манеры, — сказала она, — а лицо цыганское. Что, он дворянин?

— Он доктор, — ответила Зо таким тоном, точно это было нечто гораздо лучшее.

— Вам он нравится? — спросила Тереза.

Зо дала свой обычный ответ:

— Не знаю.

Между тем для Овида и кузины его не осталось незамеченным то, что происходило неподалеку от них. Громадный рост доктора Бенджулиа и его очевидная короткость в общении с девочкой возбудили любопытство Кармины.

Овид, по-видимому, не желал говорить о нем. Мисс Минерва выразила полную готовность исполнить желание

Кармины. Она назвала его странную фамилию и сообщила, что он один из старинных друзей мистрис Галилей.

— В последние годы, — продолжала она, — как говорят, он бросил врачебную практику и посвятил себя химическим опытам. Никто, кажется, не знает о нем ничего определенного. Он выстроил себе дом среди поля, в каком-то захолустье. Говоря попросту, доктора Бенджулиа можно назвать тайною.

Кармина обратилась к Оvidу.

— Когда мне задают загадки, — сказала она, — я не могу успокоиться до тех пор, пока не отгадаю их. А когда я слышу о каких-нибудь тайнах, то умираю от любопытства. Вы сами доктор: расскажите подробнее об этом Бенджулиа.

— Доктор Бенджулиа, — начал Овид, — по нашему выражению — специалист. Я хочу сказать, что он лечит только известные болезни. Мозг и нервы — специальность Бенджулиа. Он не совершенно бросил практику, но берется только за серьезные случаи: когда, знаете, другие врачи встанут в тупик, тогда он и является к ним на помощь. За этим исключением, он принес свои профессиональные интересы в жертву своей страсти к химическим опытам. Что это за опыты — никто, кроме него самого, не знает. Он носит постоянно с собой ключ от своей лаборатории. Когда ее надо убрать или вымыть, он производит это своими собственными руками.

Кармина слушала с таким любопытством, что едва переводила дух.

— Разве никто не подсматривал за ним в окно? — спросила она.

— У него нет окон, а только отверстие на крыше.

— А разве нельзя забраться на крышу и подсмотреть в отверстие?



Овид засмеялся.

— Один из его лакеев попытался сделать это, — отвечал он.

— И что же он увидал?

— Большой белый щит, растянутый в отверстии и скрывающий всю комнату от взоров. Доктор как-то заметил эту попытку и лакею тотчас же было отказано от места. Ходят некоторые слухи, объясняющие таинственность доктора и его лаборатории. Одни говорят, что он пробует обратить необыкновенный металл в золото. Другие утверждают, что он изобретает какой-нибудь взрывчатый состав, до такой степени сильный, что он положит конец войнам. Я же могу сказать вам только, что голова его занята мозгами и нервами. Но что это за химический опыт, потихоньку производимый среди поля, — это загадка, ответа на которую я дать не могу.

— Женат он? — спросила Кармина.

Вопрос этот показался Оvidу забавным.

— Вы думаете, если бы у доктора Бенджулиа была жена, то мы бы узнали его тайны? Нет, этой надежды не имеется — он сам заведует своим хозяйством.

— Разве у него нет и ключницы?

— Даже и ключницы нет.

Отвечая таким образом, он заметил, что доктор Бенджулиа подходит к ним.

— Извините меня, — сказал Овид, — я только поговорю с ним, а потом вернусь к вам.

Кармина с удивлением обратилась к мисс Минерве.

— У Овида, по-видимому, есть причины не допускать до нас этого громадного человека, — сказала она. — Разве он не любит доктора Бенджулиа?

Не будь особенных причин, гувернантка непременно ответила бы резко ненавистной Кармине. Но у нее были причины стараться приобрести доверие Кармины и влияние на нее. Мисс Минерва не преминула воспользоваться первым же подвернувшимся ей случаем.

— Я могу сказать вам то, что я сама подметила, — как бы по секрету начала она. — Когда мистрис Галилей дает вечера, мне позволяют быть на них и видеть знаменитых ученых профессоров. На одном из таких вечеров речь шла об инстинкте и сознании. Ваш кузен, мистер Овид Вер, говорил, что не легко решить, где кончается инстинкт и начинается сознание, исходя из своего личного опыта. Он встречал иногда людей вовсе не умных, решающих вопросы по инстинкту более здраво, чем люди умные, которые могут рассудить сознательно. Разговор принял уже другой оборот, когда явился доктор Бенджулиа. Я не знаю, заметили ли вы, что мистер Галилей очень любит своего пасынка?

Кармина заметила это.

— Мне очень нравится мистер Галилей, — с жаром проговорила она. — Он такой милый, добрый, простой старик.

Мисс Минерва скрыла усмешку. Она тоже очень любила мистера Галилея.

— Доктор, — продолжала она, — поздоровался с хозяином и хозяйкой дома, пожал руку мистеру Оvidу, и после этого его окружили профессора, и начался ученый разговор. Мистер Галилей подошел к своему пасынку; он казался несколько смущенным и заговорил вполголоса, — знаете его манеру? «Овид, тебе нравится доктор Бенджулиа? Не говори никому: я ненавижу его». Не правда ли, это резко для мистера Галилея? Мистер Овид спросил: «За что вы ненавидите его?» А добряк

мистер Галилей отвечал как ребенок: «Так, просто ненавижу». В гостиную вошли дамы, и старик отошел от нас. Я спросила у мистера Овида: «Что это, инстинкт или сознание?» Он совершенно серьезно отвечал: «Инстинкт, и это беспокоит меня». Из этого вы, мисс Кармина, можете сами вывести заключение.

Они обе повернулись в ту сторону, где Овид и доктор тихо ходили поодаль от них. В эту минуту один из сторожей сада подошел к доктору Бенджулиа. Поговорив с минуту, служащий ушел. Зо (слышавшая разговор и понявшая только часть его) подбежала к Кармине с новостями.

— В саду есть больная обезьяна, она сидит в отдельной комнате, — воскликнула девочка. — Вот посмотрите! Она указала на Бенджулиа и Овида, тихонько направлявшихся вдоль птичников. — Этот высокий доктор вечно меня щекочет! Он сказал, что посмотрит на бедную обезьяну, лишь только кончит разговор с Овидом. И как бы вы думали, что он сказал еще? Он сказал, что, может быть, возьмет обезьяну с собой домой.

— Хотелось бы мне знать, что с бедной обезьяной? — проговорила Кармина.

— После того что говорил нам мистер Овид, мне кажется, я угадываю, что с нею, — отвечала мисс Минерва. — Доктор Бенджулиа не заинтересовался бы ею, если бы она не страдала мозгами.

### XIII

Овид обещал тотчас же вернуться к Кармине. Время, между тем, проходило, а доктор Бенджулиа все еще не отпускал его.

Теперь, когда он не дурачился уже, играя с Зо, смуглое лицо его приняло суровое выражение. Как человек до щепетильности вежливый, он поэтому всегда был очень холоден. Он никогда первым не подавал руки и не заговаривал первый. Между тем на этот раз он, вопреки своему обыкновению, когда Овид заговорил с ним, тотчас же переменял предмет разговора.

— Думали ли вы в последнее время о больной, которую мы потеряли? — спросил он.

Овид молчал, припоминая, что это за больная.

— Вы, вероятно, забыли об этом случае? — заметил Бенджулиа. — Мы называли его истерикой, потому что иначе не умели назвать. Обдумывали ли вы, как лечить подобную болезнь в следующий раз?

— Нет, я все такой же невежда в этом отношении.

— Из невежд со временем выходят ученые, — возразил доктор, — в особенности, если серьезно приняться за дело. Не сегодня, так завтра вам может явиться мысль о верном методе лечения...

Он говорил об этом с такой уверенностью, что Овид с досадой перебил его.

— Мысль о верном способе лечения может явиться так же вероятно величайшему ослу в нашей профессии, как может явиться мне, — отвечал он. — Я не могу уже приносить пользы медицине; я слишком много работал и должен отдохнуть некоторое время.

Доктор Бенджулиа не выразил даже самого простого сочувствия.

— Вы уезжаете? — сказал он просто. — Куда же? На континент? Но только не в Италию, если вы действительно хотите поправить свое здоровье!

— Отчего же не в Италию?

Доктор торжественно положил свою громадную руку на плечо молодого приятеля.

— Медицинские школы Италии вновь приобретают свою прежнюю репутацию, — сказал он. — Они сделались активными центрами физиологических изысканий. Вас они вовлекут в них и замучают. Они, несомненно, извлекут пользу из столкновения с таким человеком, как вы. Что же станет с вашей утомленной головой, когда целая куча профессоров будут беспощадно терзать ее? Были ли вы когда-нибудь в Канаде?

— Нет. А вы?

— Я был везде. Канада, в особенности летом, самое подходящее для вас место. Отправляйтесь в Канаду.

— Скажите мне что-нибудь о себе самом, Бенджулия, — проговорил Овид. — Вы возвращаетесь к своим обыкновенным профессиональным занятиям?

Бенджулия горячо стукнул палкой по дорожке.

— Нет! Разве только если буду знать больше, чем знаю теперь.

— Когда же свет узнает о ваших открытиях в химии? — опять спросил Овид.

Громадный лоб доктора нахмурился.

— Черт с ним, с этим светом! — отвечал он.

Мрачные глаза его еще более омрачились и задумчиво устремились вдаль. Его большая голова тихо опустилась на широкую грудь. Он точно погрузился в самого себя.

— Я по-своему преследую свою цель, — проворчал он, — и не желаю, чтобы кто-нибудь мешал мне.

После такого ответа неловко было расспрашивать. Овид обернулся к Кармине.

— Мне надо к своим, — сказал он.

Доктор поднял голову, точно пробудившийся от сна человек.

— Разве я сказал что-нибудь неприятное? — спросил он. — Не говорите мне о моих опытах: это мое больное место; не трогайте его. Что вы сейчас сказали? К своим? Кто тут из ваших? — Он потер себе лоб, точно желая прогнать какую-то мысль. — А, знаю! — продолжал он. — Я видел ваших. А кто эта молодая особа? Кто бы она, впрочем, ни была, но Зо удивляется, что вы не целуете ее... Кто она такая?

— Моя кузина, — коротко отвечал Овид.

— Ваша кузина? Дочь леди Норзлэк?

— Нет, дочь покойного дяди.

Бенджулиа вдруг остановился.

— Как! — вскричал он. — Этот незаконнорожденный ребенок сделался женщиной?

С губ Овида уже готовы были сорваться гневные слова, но он сдержал себя.

— Вы употребили весьма оскорбительное выражение, — сказал он. — Вы назвали Кармину «незаконнорожденным ребенком». Неужели вы хотите повторить гнусную клевету, марающую память ее матери?

Бенджулиа опять остановился.

— Клевету? — повторил он и замолчал.

Овид вспыхнул.

— Да! — отвечал он. — Или ложь, если вам угодно, ложь о такой же безукоризненной женщине, как ваша мать или моя мать!

— Какой вы горячий! — заметил доктор, трогаясь далее. — Когда я был в Италии, — он замолчал, точно соображая что-то, — когда я был в Риме пятнадцать лет тому назад, ваша кузина была самым жалким ребенком. Я сказал тогда Роберту Грейвилю: «Не привязывайтесь слишком к этому ребенку, он не будет жить». Он хотел тогда увезти девочку в горы. Но я не думал, чтобы

горный воздух помог ей. Должно быть, я был не прав. А теперь я просто удивлен, что вижу ее, удивлен, что она дожила до семнадцати лет.

Овид ничего не ответил, но выражение его лица говорило так много, что этого не мог не заметить Бенджулиа.

— Ваша нервная система в отвратительном состоянии, — сказал он. — Вам надо бы лечиться. Я пойду посмотреть на обезьяну. Прощайте и помните мой совет. Уверяю вас, что это может плохо кончиться.

— Постойте! — остановил его Овид. — Итак, вы знали моего дядю в Италии? Как странно, что я прежде никогда об этом не слышал!

— Да, я знал вашего дядю, и, — особенно многозначительно прибавил Бенджулиа, — знал его жену.

— Близко знали?

— Близко ли? Я не могу сказать, чтобы интересовался кем-нибудь из них. Потом ничего мне не напоминало о них до сегодняшнего дня, когда вы сказали, кто эта молодая особа.

— Мать моя, вероятно, напоминала о них?

— Нет, кажется, не напоминала. Женщины в ее положении не любят говорить о родственниках, женившихся... — он остановился, подыскивая выражение. — Я не хочу быть невежливым, так скажем: о родственнике, сделавшем неравную партию.

В душе Овид сознавал, что это так. Даже в разговоре с ним (до присылки в Англию завещания Роберта) мать его редко упоминала о брате и еще реже упоминала о его семье. Но причина молчания мистрис Галилей была иная, известная только ей одной: Роберт знал тайну ее долгов и не раз выручал ее. Даже имя его неприятно действовало на его сестру: оно напоминало ей об унижительном чувстве, известном в обществе под названием благодарности.

Кармина, однако, ждала, и Овид поспешил проститься с Бенджулиа.

— Не хотите ли, чтобы я вас представил моей кухне? — спросил он, подавая доктору руку.

Бенджулиа по-своему отвечал на это предложение:

— Нет, благодарю вас; я предпочитаю пойти посмотреть обезьяну.

#### XIV

Между тем Зо сделалась невинной причиной разлада между Марией и дуэньей.

Заинтересованная больной обезьяной, девочка очень естественно пожелала видеть здоровых обезьян. Мисс Минерва согласилась, и все отправились к клеткам. Тут старая Тереза явилась в новом свете. Она удивила своих спутниц, выказав интерес к естественной истории.

— Неужели в этом большом помещении все только одни обезьяны? — спросила она. — Хотелось бы мне знать, как они тут уживаются.

Любознательный вопрос был обращен к гувернантке, как к особе самой знающей. Мисс Минерва, одобрительно улыбаясь, отвечала:

— Мария все вам расскажет. Она учила естественную историю и хорошо знакома с обычаями обезьян.

Такое поощрение, дающее возможность выказать ее знание, заставило Марию покраснеть от удовольствия. Молодая леди не знала лучшей награды для себя, как возможность применить свои познания (совершенно по методу преподавания своей гувернантки) на пользу несчастных созданий из низшего класса, не получивших образования. От тона снисходительного покровительства, которым она начала сообщать полезные сведения



женщине, по годам годящейся ей в бабушки, чесались руки и являлось желание надрать ей уши.

— Обезьяны содержатся в больших и просторных клетках, — начала Мария, — температура в которых регулируется самым тщательным образом. Я с удовольствием укажу вам на различие между мартышкой и обезьяной. Вам, может быть, неизвестно, что есть семейство обезьян бесхвостых и лишенных защечных мешочков?

Тереза слушала эту лекцию в молчаливом недоумении.

— Что за чепуху рассказывает мне эта девочка! — воскликнула она наконец. — Я желаю знать, хорошо ли живется обезьянам в таком большом помещении.

Благовоспитанность Марии дала ей возможность просветить даже такой ум.

— Тут у них повешены веревки, по которым они могут лазить, — ласково отвечала она, — а посетители кормят их через решетку клетки. Деревья поставлены там тоже для их развлечения и напоминают им громадные тропические леса, в которых они, как мы знаем от путешественников, перескакивают с дерева на дерево.

Тереза подняла руку, желая остановить ее.

— Я не пойду в это помещение, — сказала она. — Если обезьяна — животное противное, негодное даже в пищу, как я слышала, то это еще не причина увозить ее из родной страны и сажать в клетку. Если уж надо сажать кого-нибудь, то пусть сидят те, кто заслужил это: мошенники и воры. Обезьяны же этого не заслужили. Идите к обезьянам, я подожду вас здесь.

С жаром высказав свой протест, показавшийся Марии самым закоренелым предрассудком, Тереза с торжеством села на ближайшую скамейку.

Молодая особа, обладающая обыкновенными познаниями, может быть, и предоставила бы старухе привилегию сказать последнее слово. Но ученица мисс Минервы, каждой порой своей кожи дышащая наукой, никак не могла сразу остановиться. Даже у совершенства бывают слабые стороны. Мария потеряла терпение.

— Позвольте мне напомнить вам, — сказала она, — что разумная любознательность заставляет нас изучать привычки животных, для нас незнакомых. Мы сажаем их в клетку...

— Вот вы так для меня новое животное! — перебила раздраженная дуэнья. — Я никогда еще в жизни не видывала такого ребенка, как вы. Пожалуйста, мадам гувернантка, посадите эту девочку в клетку. Моя разумная любознательность желает изучить обезьяну, для меня совершенно новую.

К счастью для Терезы, она была любимицей и другом Кармины, и потому с нею надо было обходиться хорошо. Мисс Минерва прекратила начинавшуюся ссору самым ласковым и добродушным образом. Она похлопала Терезу по плечу и, улыбаясь, посмотрела на Кармину.

— Милая, достойная старушка! Сколько в ней юмора! Национальная жилка, мисс Кармина! Вы заметьте, с какой силой и страстностью она выражает свои мысли! Нет, нет, не оправдывайтесь, прошу вас. Мария, душа моя, возьмите сестру вашу под руку и идемте.

Она взяла Кармину под руку с почтительной фамильярностью, а старой Терезе кивнула головой с фамильярностью доброй приятельницы.

Терезе не пришлось сердиться, что ее заставляют долго ждать. Через несколько минут Кармина под села к ней.

— Утомилась смотреть на зверей, милочка? — спросила дуэнья.

— Хуже чем утомилась — не могла вынести запаха! Милая моя Тереза, зачем вы так грубо обошлись с мисс Минервой и Марией?

— Затем, что я ненавижу их, затем, что я ненавижу всю семью! Уж не с ума ли сошел перед смертью твой покойный отец, что поручил тебя таким противным людям?

Кармина с удивлением слушала ее.

— Да не далее как вчера, — возразила она, — ты говорила совсем другое!

Тереза в смущении опустила голову. Ее попытка примирить Кармину с новой жизнью, в которую она вступала, рушилась теперь, из-за того что она не могла удержаться от вспышки. Ей оставалось только сказать всю правду и, не пугая Кармины, предостеречь ее.

— Никогда более лгать не буду, пока жива, — заявила Тереза. — Я не хотела огорчать тебя. Но теперь уж я должна высказаться до конца: я ненавижу этих двух женщин, барыню и гувернантку, ненавижу обеих одинаково. Ну вот, теперь я все сказала. Ты сердишься на меня?

— Я никогда на тебя не сержусь, но только мне несколько неприятно. Ведь ты знаешь их всего какой-нибудь день или два! Право, мисс Минерва очень добра как ко мне, так и к тебе. Мне теперь даже стыдно, что сначала я невзлюбила ее.

Тереза с состраданием взяла Кармину за руку.

— Бедная голубка, если бы я могла передать тебе свою опытность! Между людьми есть хорошие и дурные. И я тебе скажу, что эти Галилеи люди дурные. Даже их учитель музыки (сегодня утром я его видела) имеет мошеннический вид. Ты, конечно, скажешь,

что старик Галилей самый безвредный человек. Я не стану противоречить этому, а только спрошу тебя, какая польза в человеке дряблом как вода? Мне он нравится, но вместе с тем он мне противен. Мне тоже нравится Зо. Но что станется с ребенком, когда такая бестолочь, как эта гувернантка, начнет по-своему набивать ее юную головку? Нет, мой ангел, между ними есть только один хороший человек, что и успокаивает меня, когда я думаю о нашей разлуке. Ага, ты краснеешь! Знаешь, значит, о ком я говорю... Вот это человек! Будь я такая же молоденькая, как ты, и такая же хорошенькая...

Кармина махнула рукой и заставила Терезу замолчать. Овид поспешно подходил к ним.

— Вы не слышали, — спросил он, — когда-нибудь дома в Италии, чтобы упоминалась фамилия Бенджу-лиа?

— Никогда. Разве он знал моего отца и мать?

— Он говорит, что знал.

— Так познакомьте меня с ним.

— Надо подождать немного: сегодня он предпочитает познакомиться с обезьяной. А где же мисс Минерва и дети?

На это ответила Тереза; она указала на павильон, где помещались обезьяны, и отвела Овида в сторону.

— Уведите ее посмотреть птиц, а мне поручите задерживать гувернантку, — прошептала старушка.

Через минуту кузен с кузиной скрылись из виду.

— Я рад, что вернулся к вам! — говорил он ей. — Были ли вы хоть наполовину так же довольны, когда увидали меня?

Он понятия не имел об окольных путях, по которым любовь могла идти к своим целям. Ему и в голову

не приходило действовать на нее тоном голоса и взорами, которые бы говорили сами за себя. Она отвечала с такой же откровенностью, с какой он обратился к ней.

— Неужели вы думаете, что я не чувствую вашей доброты? — сказала она. — Я так рада и так горжусь этим, что высказать вам не могу.

— Гордитесь? — повторил Овид, не понимая, что она хочет этим сказать.

— Как же не гордиться? Покойный отец всегда говорил, что вы — гордость нашей фамилии. Могу ли я не гордиться, видя, что такой человек уделяет мне так много внимания!

Она нерешительно посмотрела на него.

В эту минуту он готов был отказаться от всех своих надежд на славу за право поцеловать ее.

— Кармина, помните, где я в первый раз видел вас?

— Конечно, помню! В концертном зале. Когда я увидела вас там, я припомнила, что видела вас прежде в большом сквере. Какой странной случайностью вы попали на тот же самый концерт, куда мы с Терезой попали нечаянно?

Овид рискнул сделать признание.

— Это вовсе не было случайностью, — сказал он. — После нашей встречи в сквере я последовал за вами на концерт.

Такое смелое признание сконфузило бы менее невинную девушку. Кармина же только удивилась.

— Что же заставило вас пойти за нами? — спросила она.

— За «нами»! Терезы я даже не заметил. Я пошел за вами.

Кармина молчала. Что означало ее молчание? Смутилась ли она или все еще не понимала, что он хотел сказать? Болезненная чувствительность Овида, составлявшая один из самых серьезных симптомов расстройства здоровья, настолько была возбуждена, что он тотчас же решился на крайность.

— Слышали ли вы когда-нибудь, — произнес он, — о любви, являющейся с первого взгляда?

Она остановилась. На ее выразительном, бледном личике удивление, смущение и сомнение сменяли друг друга. Все еще молча она посмотрела на него.

Если бы в эту минуту он взглянул на нее, то взором бы прямо высказал историю своей первой любви. Но он растерялся как раз в ту самую минуту, когда ему в своих собственных интересах надо было действовать решительно. Боязнь, что он позволил себе говорить слишком смело, — слабость, немислимая в то время, когда он чувствовал себя здоровым и крепким, — заставила его опустить глаза в землю. Она взглянула еще раз и вспыхнула от стыда. Ей показалось, что, говоря так, он просто хотел снизойти до уровня девичьего понимания и потому старался занять ее романтическим разговором. Отнести к себе его слова о внезапно являющейся любви она и не допускала.

Он со своей стороны был так опечален ее холодностью, что не пытался продолжать беседу. Он вдруг почувствовал страшную слабость. Да, он был болен.

— Я вовсе не намеренно оскорбил вас, — грустно проговорил он.

— Ах, как вы мало меня знаете, если думаете таким образом! — вскричала она.

В этот раз взоры их встретились. Истина ей открылась — и он увидел это.

Он взял ее за руку. Рука его была так холодна, что она удивилась.

— Вы и теперь удивляетесь, что я пошел за вами? — спросил он. Слова эти были произнесены так тихо, что она едва могла их расслышать. Лицо его покрылось мертвенной бледностью, он зашатался и тщательно старался удержаться за сучок ближайшего дерева. Она схватила его руками и всей своей маленькой силой старалась удержать его, но не могла и только умерила силу его падения на траву.

В ту самую минуту как у нее вырвался крик о помощи, эта помощь уже явилась. К ней подходил высокий мужчина. Он шел крупным шагом, а за ним следовал один из сторожей сада. Это был доктор Бенджулия; он нес больную обезьяну, прикрыв ее своим пальто.

— Не делайте этого, пожалуйста, — сказал доктор, увидав, что Кармина хочет поднять голову Овида с травы. И, говоря это, он приложил руку к сердцу лежавшего в обмороке с таким безучастием, точно перед ним был совершенно незнакомый ему человек. — Кто из вас двоих проворнее? — продолжал он, взглянув на Кармину и сторожа. — Мне надо водки.

Кафе было близко. Не успел еще сторож понять, что от него требовалось, как Кармина уже как вихрь полетела через лужайку.

Бенджулия со своим обычным холодным вниманием посмотрел ей вслед.

«Однако девочка бежит ловко», — подумал он и затем обратился к обезьяне, которую положил на траву:

— Слишком тут для нее холодно, — заметил он, выказывая более интереса, чем до сих пор выказывал. — Сторож, возьмите-ка ее и подержите, пока я не освобожусь.

— Она укусит меня, сэр, — проговорил сторож нерешительно.

— Берите! — повторил доктор. — Она не может кусаться после того, что я с ней сделал.

Обезьяна находилась в каком-то полусне. Сторож исполнил приказание, выражая полное удивление: он, по-видимому, более боялся доктора, чем обезьяны.

Кармина прибежала с водкой.

— Крепкие легкие, — говорил Бенджулиа, сидя на корточках перед Овидом и, не торопясь, вливая ему в рот водку. — Я не ожидал бы этого от вас или от ваших легких, когда вы были ребенком.

— Скоро он придет в себя? — спросила Кармина.

— Знаете, что такое машина? — продолжал Бенджулиа. — Ну, так и машина ведь иногда портится. Дайте машинисту время, и он поправит ее. — Он положил свою громадную руку на грудь Овида. — Эта машина испортилась; дайте мне время, и я почию ее... Вы вовсе не похожи на свою мать.

Внимательно глядя на Овида, Кармина заметила, что лицо его начинает чуть-чуть румяниться. Это успокоило ее, и она на слова доктора отвечала:

— Многие из наших знакомых находили, что я похожа на отца.

— Находили? — проговорил Бенджулиа и затем так плотно сжал тонкие губы, точно никогда в жизни не хотел более касаться этого предмета.

Овид чуть-чуть пошевелился и полуоткрыл глаза. Бенджулиа встал.

— Теперь я вам более не нужен, — сказал он. — Ну, господин сторож, давайте сюда обезьяну!

Он взял обезьяну под мышку, как какой-нибудь сверток.



— Вот и ваши, — продолжал он, указывая на конец дорожки. — Прощайте!

Кармина остановила его. Она слишком была встревожена, чтобы церемониться, и удержала его рукой. Он сбросил ее руку, но не сердито: он сбросил ее, как стряхнул бы сигарный пепел или же ком грязи, копавшийся на улице.

— Что значит этот обморок? — спросила она. — Не заболевает ли Овид?

— Он заболит серьезно, если только вы не заставите его сделать, что следует, и сделать немедленно.

Он пошел дальше. Она решительно пошла за ним.

— Но скажите же, что мне надо заставить его сделать? — спросила она.

Доктор боком посмотрел на нее.

— Заставить его уехать.

Она вернулась и встала на колени около Овида, понемногу приходявшего в себя. Нежно и осторожно обтерла она пот у него со лба.

«Как раз, когда мы начали понимать друг друга!» — подумала она, грустно вздохнув.

## XV

Прошло два дня. Несмотря на полученное предостережение, Овид все еще был в Лондоне.

Неоспоримый авторитет Бенджулиа так же мало действовал на него, как и всякие аргументы мистрис Галилей.

Отъезд Терезы ускорился вследствие телеграммы, полученной из Италии, и Овид с необыкновенным сочувствием отнесся к горю Кармины. На другое утро после поездки в зоологический сад ей нанесен

был жестокий удар. Она нашла под своей подушкой телеграмму, завернутую в прощальное письмо. Тереза уехала.

Этот несчастный день Кармина провела у себя в комнате: она вежливо, но твердо отказалась видеть кого-либо. Такой странный образ действий сильно встревожил мистрис Галилей. Совершенно смущенная упорством Овида и погруженная в обдумывание средств преодолеть его, она была поражена твердостью характера своей племянницы, чего никак не ожидала. В отношениях с Карминой могли встретиться совершенно непредвиденные ею затруднения. Между тем теперь ей приходилось действовать одной в вопросе о расстроенном здоровье сына. Бенджулия отказался помочь ей: он был слишком занят у себя в лаборатории, чтобы делать визиты или принимать больных.

«Я уже высказал свое мнение, — писал доктор. — Отправьте его. Через месяц после его отъезда покажите мне его письма, и тогда, если я найду какую-нибудь перемену, я скажу, что думаю о вашем сыне».

Поставленная в такое положение, мистрис Галилей дошла до того, что уступила единственной здоровой мысли. Теперь только одно влияние могло успешно действовать на Овида — влияние ее племянницы. Через три дня после отъезда Терезы она позвала Кармину пить чай в свой собственный будуар.

Кармина застала ее за чтением.

— Прелестная книга, — сказала мистрис Галилей, кладя книгу на стол, — и об высшей степени интересном предмете: о географической ботанике. Автор разделяет землю на двадцать пять ботанических областей... Но ведь я забыла, что вы не интересуетесь подобными вещами.

— Ведь я совсем невежда, — сказала Кармина. — Впрочем, со временем, может быть, я и научусь чему-нибудь.

На столе ее внимание было привлечено книгой в очень красивом переплете. Она взяла ее. Мистрис Галилей посмотрела на нее с сострадательным добродушием.

— Опять-таки наука, душа моя, — снисходительно сказала она, — облаченная в нарядное платье! Вы взяли «Достопримечательности каиролитов». Я горжусь этой книгой... Этот экземпляр мне преподнесен самим автором.

— Что это за каиролиты? — спросила Кармина.

Все еще добродушно, но уже не скрывая, что ей начинают надоедать, мистрис Галилей проговорила:

— Каиролитами называется окаменелая, несварившаяся пища исчезнувших гадов. Великий философ, написавший эту книгу, открыл чешую, кости, зубы, шелуху и несварившуюся пищу этих интересных ископаемых. Что за человек! Какое обширное поле для исследований! Скажите мне что-нибудь о вашем собственном чтении. Что нашли вы в библиотеке?

— Очень интересные книги, по крайней мере для меня, — отвечала Кармина. — Я нашла несколько томов стихотворений. Вы читали когда-нибудь стихи?

Мистрис Галилей откинулась на спинку кресла.

— Стихи? — тоном покорности повторила она. — О, Господи!

Кармина весьма неудачно перешла на другой предмет разговора.

— Какие у вас чудесные цветы в гостиной! — сказала она.

— Ничего особенного, душа моя, там нет. У всех в гостиной стоят цветы: они составляют необходимую принадлежность мебелировки.

— Вы сами ухаживаете за ними, тетя?

Мистрис Галилей снова вздохнула.

— За цветами ухаживает садовник, — проговорила она. — Зачем бы и держать садовника, если бы он этого не делал? Кстати, разговор о цветах напомнил мне и о других пустяках. Пробовали ли вы фортепиано у себя в комнате? Хорошо ли оно?

— Звучание его превосходно! — с восторгом отвечала Кармина. — Вы его сами выбирали?

Мистрис Галилей посмотрела так, точно хотела опять воскликнуть: «О, Господи!»

— Разве вы не любите музыку? — спросила Кармина.

Мистрис Галилей сделала над собой последнее усилие.

— Когда вы несколько более познакомитесь со светом, дитя мое, то узнаете, что музыку надо любить. Точно так же и живопись... На королевскую выставку картин ездить надо. Точно так же...

В это время ее прервал вошедший с письмом лакей.

Мистрис Галилей взглянула на адрес. Вялый и утомленный вид ее сразу изменился, лишь только она взглянула на почерк.

— От профессора! — вскричала она. — Извините меня на минуту.

Она прочла письмо и с видимым самодовольством снова свернула его.

— Я так и знала! — проговорила она. — Я всегда утверждала, что белкового вещества в лягушачьей икре недостаточно (с точки зрения питательности) для

превращения головастика в лягушку... И наконец профессор признается, что я права. Извините, Кармина, но я увлеклась предметом, над которым украдкой работала много времени. Налить вам чаю? Что это нет мисс Минервы! Она обыкновенно так пунктуальна. Верно, Зоя опять дурно вела себя.

Через несколько минут гувернантка подтвердила, что мать не ошиблась. Зо отказалась удерживать в памяти «политические следствия дарования великой хартии» и теперь ждет наказания, если мать ее «имеет время заняться этим вопросом». Мистрис Галилей тотчас же положила свою резолюцию.

— Хлеб и воду вместо чая, — распорядилась она, продолжая разливать чай. — Я желала поговорить с вами обоими по поводу сына, — продолжала она через минуту.

Обе слушательницы молча ждали, что она скажет. Голова Кармины опустилась, глаза ее потупились. Мисс Минерва внимательно наблюдала за мистрис Галилей.

Мистрис Галилей заметила в последнее время, что гувернантка втиралась в доверие к ее племяннице — втиралась в доверие к молодой особе, отец которой оставил очень хорошее состояние. Прекратить дальнейшее развитие такого рода дружбы было в высшей степени необходимо. Мистрис Галилей обдумала, как ей поступить. Ее племянница и гувернантка были заинтересованы — каждая по-своему — Овидом. Если она пригласит их обеих вместе, чтобы посоветоваться с ними о деликатном предмете, касающемся ее сына, то легко может возбудить противоречие в их мнениях, которое и послужит основанием их разлада.

— Я нахожу в высшей степени необходимым, чтобы между нами не было недоразумений, — продолжала

мистрис Галилей. — Позвольте мне подать вам пример прямой, откровенной речи. Нам всем троим известно, что Овид упорно желает остаться в Лондоне...

Она остановилась, не докончив фразы. Она ждала, что гувернантка как-нибудь выдаст себя, и потому вдруг обернулась к мисс Минерве.

— Я уверена, что вы извините меня, что я тревожу вас семейными заботами, — сказала она, зорко всматриваясь в нее.

Маневр этот, однако, не удался. Мисс Минерва не понимала значения этой фразы, никак не подозревая, что хозяйке известна ее тайна. Но одного чувства необходимости проникнуть в мотивы мистрис Галилей было достаточно, чтобы возбудить подозрение гувернантки и заставить ее быть все время настороже.

— Вы делаете мне честь, мадам, выказывая такое доверие, — сказала она.

Мистрис Галилей продолжала:

— Нам известно, что Овид упорно желает остаться в Лондоне, тогда как для поправления его здоровья безусловно необходима перемена воздуха и места. И нам известно, почему... Кармина, дитя мое, не думайте ни одной минуты, что я порицаю вас; точно так же не думайте, что я порицаю сына. Вы слишком очаровательны, чтобы не извинить или, лучше сказать, чтобы не оправдать восторга мужчины. Но позвольте нам, людям зрелым, прямо взглянуть на дело. Если бы Овид не увидел вас, он был бы уже теперь в здоровом морском воздухе и плыл бы в Испанию или Италию. Вы явились невинной причиной его пагубного и опасного пренебрежения к его обязанностям в отношении самого себя. Он отказывается слушать мать и не верит мнению своих товарищей-врачей. Теперь над ним влияние имеет

только одна особа... Мисс Минерва, позвольте мне обратиться к вам. Я считаю вас членом нашей семьи, я искренно восторгаюсь вашим тактом и здравым смыслом. Не преступаю ли я границ деликатности, прямо говоря своей племяннице: убедите Овида уехать?

Если бы у Кармины была старшая сестра, то и та не могла бы ответить с большим спокойствием, чем ответила мисс Минерва.

— Я не обладаю вашей счастливой способностью выражаться, мистрис Галилей. Но будь я на вашем месте, я по мере сил моих высказала бы совершенно то же самое, что вы сейчас сказали, — отвечала она.

Она с грациозной покорностью наклонила голову и, отпивая чай, ласково, как сестра, взглянула на Кармину.

В самом начале битвы мистрис Галилей была разбита. Ей не удалось вызвать никакой вспышки ревности или даже досады. Несомненно, в сухости и в лживости она не уступала мисс Минерве, умела ловко и лукаво объясняться, но уступала ей в умении владеть собою.

Она выказала свою несостоятельность в этом отношении, начав ее благодарить. В улыбке ее проглядывало лукавство, которого не следовало показывать.

— Я никогда не бываю уверена в себе, — сказала мистрис Галилей, — а ваше одобрение придает мне храбрости. С вами я только и желала посоветоваться. Конечно, я не могла предполагать, что вы убедите Овида.

— Ну, конечно, нет! — подтвердила мисс Минерва. — Позвольте мне прибавить в чай сахару.

Мистрис Галилей обратилась к Кармине:

— Ну, что же, душа моя? Я обратилась к вам, как обратилась бы к одной из своих родных дочерей, если бы она была ваших лет. Ответьте мне откровенно: могу ли я рассчитывать на вашу помощь?

— Я постараюсь, если вам угодно. Но...

— Но? Говорите же...

— Но вы мать Овида, а я только его кузина. Мне не нравится, что вы говорите, будто мое влияние над ним больше вашего.

Бедная девушка, никак того не желая, высказала тайный упрек. Мистрис Галилей, находясь в возбужденном состоянии, почувствовала это.

— Полноте! Полноте! — сказала она. — Не притворяйтесь, будто вы не знаете того, что вам прекрасно известно.

Кармина подняла голову. Задетое чувство заставило сверкнуть ее глаза, прямо глядевшие на тетку.

— Вы обвиняете меня в лукавстве? — спросила она.

— Назовем это ложной скромностью, — пояснила мистрис Галилей.

Кармина встала, не говоря ни слова, и вышла из комнаты.

Пораженная удивлением, мистрис Галилей обратилась к мисс Минерве:

— Она рассердилась?

— Она дверь не хлопнула, — спокойно заметила гувернантка.

— Я не шучу, мисс Минерва.

— И я не шучу, мадам.

В тоне этого ответа слышался неуловимый оттенок равенства. Мистрис Галилей была так взбешена всем этим, что даже забыла, как важно было не допустить разговора между мисс Минервой и ее племянницей. Но она и прежде всегда действовала под влиянием минуты: в настоящую минуту ей более всего хотелось, чтобы дерзкая гувернантка ушла из ее комнаты.

— Хотите еще чашку чаю?



— Благодарю вас, не хочу. Могу я вернуться к девочкам?

— Конечно!

Не прошло и пяти минут после того, как Кармина вернулась к себе в комнату, она услышала стук в дверь. Неужели это мистрис Галилей?

— Кто там? — спросила она.

Голос за дверью отвечал:

— Мисс Минерва!

## XVI

— Я, кажется, испугала вас? — спросила гувернантка, тщательно закрывая дверь.

— Да, немножко, — с детской простотой отвечала Кармина. — Я думала, что это тетя.

— Вы плакали?

— Я не могла удержаться, мисс Минерва.

— Мистрис Галилей говорила с вами сурово; и я не удивляюсь, что вы рассердились.

Кармина кротко покачала головой.

— Я плакала, — сказала она, — потому что мне досадно и совестно. Как мне помириться с тетей? Не пойти ли мне сейчас назад и не попросить ли у нее прощения? Мне кажется, что вы друг мне, мисс Минерва. Не дадите ли вы мне совет?

Это было сказано так мило и просто, что даже гувернантка была тронута, но только на одну минуту.

— Я не советую вам идти теперь к тетке, — сказала она. — Мистрис Галилей из тех, кто нелегко прощает. Я могла бы прежде всего испытать это на себе, если бы она узнала о том, что я только что сказала.

— Ах, мисс Минерва! Неужели вы воображаете, что я могу обмануть ваше доверие?

— Нет, моя дорогая, я этого не думаю. Я почувствовала к вам расположение с первой же встречи. Вы не отвечали мне тем же... Я вам не понравилась, что весьма естественно. Я безобразна и неприветлива, и если во мне и есть кое-что хорошее, то оно не выказывается. Да, да, я верю, что вы преодолели ваше первоначальное предубеждение; я верю, что вы начинаете понимать меня. Если бы я могла сделать вас здесь счастливее, то была бы очень рада.

Она взяла своими длинными сухими руками голову Кармины и поцеловала ее в лоб.

Бедная девушка обвила руками шею мисс Минервы и зарыдала на груди женщины, обманывавшей ее.

— У меня не осталось никого теперь, когда уехала Тереза, — сказала она. — Ах, прошу вас, будьте добрее со мной! Я так несчастна и одинока...

Мисс Минерва не произнесла ни слова. Она ждала, чтобы девушка выплакалась. Ее черные брови нахмурились, а смуглое лицо покраснело. Она негодовала сама на себя. Несмотря на суровое влияние жизни, несмотря на каменные укрепления против всего хорошего, настроенные в ее злобной душе, чистота и доверчивость девушки нашли путь к ее сердцу и на время озарили тихим светом ее душевный мрак. Она пришла теперь к ней с целью достижения своих низких целей. Она, подобно своей хозяйке, была удручена долгами — жалкими долгами продавцам дорогих притираний, которые могли несколько смягчить отвратительный цвет ее лица в глазах Овида; магазинам дорогих перчаток, которые могли выказать Оvidу красивую форму ее рук, скрыв в то же время

их цвет; башмачникам, которые своей работой могли выставить перед Овидом красоту формы ее ноги с высоким подъемом — единственную красивую деталь в ее фигуре. Но в настоящее время она забыла о несносных кредиторах, забыла о том, что слышала в оранжерее, когда происходило чтение завещания. Она пробыла у Кармины более получаса и не заняла ни полушки.

— Теперь вам легче?

— Да, дорогая.

Кармина вытерла глаза и робко посмотрела на мисс Минерву.

— Я обращаюсь с вами, точно вы моя сестра, — сказала она. — Вы не находите, что я слишком бесцеремонна?

— Видит Бог, что я желала бы быть вашей сестрой! — воскликнула гувернантка вполне искренне; но лишь только слова эти слетели с ее уст, как она испугалась своего увлечения.

— Хотите, я вам скажу, как вам поступить с мистрис Галилей? — вдруг сказала она. — Напишите ей записочку.

— Ах да, да!

Глаза Кармины сверкнули сквозь слезы; этот совет показался ей наилучшим исходом. В какую-нибудь минуту записка была написана. «Милая моя тетя, я вела себя очень дурно, и мне теперь очень стыдно. Могли я надеяться на ваше снисхождение и на то, что вы простите меня? Впредь я постараюсь быть достойнее вашей доброты; от души прошу у вас прощения». Так писала Кармина.

— Пожалуйста, отдайте сейчас же! — живо проговорила она, кончив.

Мисс Минерва улыбнулась.

— Если я отдам записку, — сказала она, — я скорее поврежу, чем принесу пользу: меня обвинят во вмешательстве. Отдайте ее кому-нибудь из прислуги. Не теперь! Когда мистрис Галилей рассердится, она не так-то скоро успокаивается. Дайте ей сначала порыться в науке! — с невыразимым презрением проговорила гувернантка. — Когда она надышится какой-нибудь вони и разрежет какое-нибудь насекомое или растение, она станет менее не в духе. Подождите!

Кармина подумала о счастливом времени в Италии, когда отец ее только смеялся над ее вспышками, а добрая Тереза пожимала плечами. Какая перемена, Господи, какая перемена! Она достала медальон, висевший у нее на шее на цепочке, и, открыв его, поцеловала миниатюрные портреты, вделанные в него.

— Хотите посмотреть на них? — сказала она мисс Минерве. — Портрет матери нарисовал для меня отец, и затем в pendant к нему он снял свою фотографию. Когда я молюсь, я открываю свой медальон и смотрю на них. Мне иногда представляется даже, что они еще живы. Ах, если бы отец мог теперь давать мне советы!.. — Сердце у нее заныло, но она удержалась от слез. — Теперь, — продолжала она, — от меня самой требуют совета. Я должна убедить Овида уехать от нас, если только смогу, и я это сделаю!

Мисс Минерва подошла к окну и стала смотреть в него. Кармина пробудила в ней задремавшую было ревность.

Внезапное молчание ее нового друга поразило девушку. Она тоже подошла к окну.

— Вы имеете что-нибудь против этого? — спросила она.

— Нет.

Ответ был односложный, и гувернантка продолжала глядеть в окно. Кармина снова заговорила.

— Я обязана исполнить желание тетки. После моего дурного поведения...

Мисс Минерва резко повернулась к ней.

— Ну, конечно, тут и говорить нечего. Вы еще молоды, Кармина, — более мягким тоном продолжала она, — вы молоды и прямодушны. Ваши невинные глаза далее поверхности не видят.

— Я не совсем понимаю вас.

— Вы думаете, что тетка ваша желает отъезда мистера Овида из Лондона вследствие заботы о его здоровье? Разве у вас не являлось подозрение, что она хочет просто отстранить его от вас?

Кармина не могла скрыть своего смущения.

— Мне кажется, — сказала она, — что действительно между мною и ею есть что-то странное. Я никак не могу привыкнуть к ней, да и она, кажется, тоже. Я думаю, вы правы, что она хочет отстранить от меня Овида.

— Потому что вы ей не нравитесь? — спросила мисс Минерва. — Вы не видите иной причины, кроме этой?

— Какая же может быть иная причина?

Гувернантка всеми силами старалась казаться спокойною. Спокойствие ей было необходимо хотя бы только для того, чтобы заговорить о возможности брака между Карминой и Овидом, как о предмете для нее постороннем.

— Многие восстают против браков между кузенами, — сказала она. — Вы кузены. Многие восстают против браков между католиками и протестантами. Вы

католичка... Кроме того, может быть, есть и другие причины.

— А вы их знаете? — спросила Кармина.

— Не более чем вы.

Она говорила правду; вследствие необходимости убежать из оранжереи последние параграфы завещания были прочитаны без нее.

— И вы не можете даже угадать, что за причина могла бы тут быть? — спросила Кармина.

— Мистрис Галилей — женщина очень честолюбивая, — отвечала гувернантка, — и у ее сына есть свое собственное состояние. Может быть, она желает, чтобы он женился на какой-нибудь знатной леди. Но, впрочем, нет... Она так любит деньги, что, я думаю, причину надо искать в деньгах.

Разговор их был прерван появлением горничной, посланной из классной комнаты. Мисс Мария нуждалась в помощи для приготовления латинского урока. Направляясь к двери, мисс Минерва вспомнила о письме Кармины, и ей пришло в голову, что горничная могла бы снести его.

— Мистрис Галилей дома? — спросила она.

— Мистрис Галилей только что уехала.

— Верно, на какую-нибудь ученую лекцию, — сказала гувернантка Кармине. — Вашей записке придется пролежать до ее возвращения.

Дверь за гувернанткой затворилась. Горничная, подождав минуту, вытащила спрятанный клочок измятой бумажки. Ухмыляясь и улыбаясь, она подала бумажку Кармине.

— От мистера Овида, мисс.

XVII

«Пожалуйста, выйдите ко мне; я жду вас в саду, в сквере».

Записка Овида заключалась вся в этих двух строках. Горничная, заинтересованная поручением, не первым уже в ее жизни, сочла нужным выказать свою симпатию в этом случае.

— Извините меня, мисс, но я надеюсь, что мистер Овид не болен? Он мне показался ужасно бледным. Позвольте, я вам достану шляпку.

Кармина поблагодарила ее и торопливо вышла из комнаты.

Овид ждал на входе в сквер; он действительно имел совсем болезненный вид.

Поскольку был уже поздний вечер, сквер был пуст. Две пожилые дамы да мальчик, оснащавший игрушечную яхту и совершенно углубившийся в это занятие, были единственными, присутствовавшими в сквере.

— Знает ли моя мать, что вы пошли сюда? — спросил Овид.

— Мистрис Галилей уехала из дому. Мне это и в голову не пришло, когда я получила ваше письмо. Разве я дурно поступила?

Овид взял ее за руку.

— Разве дурно избавить меня от страданий, выносить которые у меня нет более сил? Когда мы видимся с вами дома, то нам мешают или моя мать, или ее послушная слуга мисс Минерва. Наконец-то я вижу вас наедине! Вы знаете, как я люблю вас. Зачем я не могу заглянуть к вам в душу и увидеть, какие у вас там тайны от меня!.. Я стараюсь надеяться, но мне нужна хоть небольшая поддержка. Кармина! Неужели я никогда не услышу, что вы любите меня?

Она задрожала и отвернулась. Ей вспомнилось то, что она говорила гувернантке о враждебном отношении к ней мистрис Галилей.

— Я понимаю ваше молчание. — С этими словами Овид выпустил ее руку. В его голосе звучала грусть, но не горечь.

— Я так боюсь огорчить вас, Овид, и так боюсь поселить недоразумение между вами и вашей матерью... — произнесла девушка.

— Какое до этого дело моей матери?

Она продолжала, не обращая внимания на его слова:

— Сегодня вечером мать ваша прислала за мной и... Не сердитесь, Овид! Я уверена, что она была бы недовольна, если бы узнала, что вы сказали мне. Ах, не смотрите на меня так! Мать ваша сказала...

— Что она сказала?

— Вам надо переменить климат, и мать ваша просила меня убедить вас в этом. Я от всей души готова повиноваться ей. Дорогой Овид, вы знаете, как я буду скучать без вас; вы знаете, как мне будет тяжело, когда вы уедете, но ведь это единственное средство поправить ваше здоровье. Умоляю вас подумать об этом. Ваша мать говорит, что я имею на вас влияние... Имею я на вас влияние?

— Сами судите об этом, — отвечал он. — Вы хотите, чтобы я уехал от вас?

— Ради вашей пользы, только ради вашей собственной пользы.

— Хотите, чтобы я вернулся?

— Жестоко предлагать такой вопрос, Овид!

— Это зависит от вас, Кармина. Пошлите меня когда хотите и куда хотите. Но прежде чем отправить



меня, скажите мне причину, почему я должен принести эту жертву. Перемена не принесет мне никакой пользы, климат не восстановит моего здоровья, если вы не полюбите меня. Я настолько уже жил на свете, что знаю себя; я дни и ночи думал об этом. Может быть, с моей стороны жестоко надоедать вам так? Скажу еще только одно: если вы отказываетесь сделаться моей женой, то мне все равно, что бы со мной ни случилось.

Кармина чувствовала, что борьба становится для нее все тяжелее и тяжелее. Овид, сильно взволнованный, встал со скамьи и начал ходить взад и вперед, борясь сам с собою.

— Это дело моей матери, — сказал наконец он.

Тон его испугал ее. Страх, что она может сделаться причиною раздора между сыном и матерью, так охватил ее, что она начала даже защищать мистрис Галилей. Он с минуту пристально смотрел ей в глаза.

— Бедное дитя мое, — сказа он, — вы боитесь сказать мне, что случилось. Я не хочу заставлять вас говорить против вашего желания. Это было бы жестоко и бесполезно: я и без того угадал правду. В единственном уповании, в лучшей мечте моей жизни, мать моя является моим врагом. Она хочет разлучить нас. Но ей это не удастся... Я не уеду от вас.

С внезапным порывом девушка обвила шею его руками и пылающей щекой приложилась к его лицу. Его губы прильнули к ее губам.

Наконец он выпустил ее, удержав ее руку в своей. Наступило молчание, долгое, блаженное молчание.

Он заговорил первым.

— Как же мне уехать теперь! — сказал он.

Улыбка тихо исчезла с ее лица и сменилась нежным, ласковым взглядом.

— Подайте мне пример твердости, Овид, — не взваливайте все на меня. Вспомните, что вы заставили меня сказать вам! Вспомните, чем вы теперь стали для меня. Я люблю вас, Овид. Скажите, что вы уедете.

— Моя жизнь — ваша, и моя воля — ваша, — проговорил Овид. — Решайте за меня, и я еду хоть сейчас.

Сознание новой ответственности так на нее подействовало, что она вдруг стала серьезной, точно была уже женой его.

— Надо же ведь дать вам время уложиться, — сказала она.

— Скажите лучше, надо дать время побыть с вами! Он обнял ее за талию одной рукой.

Кругом слышен был только шелест деревьев. Она тихо вздохнула.

— Мне слишком тяжело будет без вас! — прошептала она. — Подумали ли вы, куда вам лучше всего ехать?

— Начать мне надо с морского путешествия, — ответил он. — Продолжительные переезды по железной дороге могут при настоящем моем положении принести мне только вред. Но я затрудняюсь, куда мне направиться. В Америке я был, в Индии слишком жарко, в Австралию слишком далеко. Бенджулиа говорил о Канаде.

Кармина невольно сжала его руку.

— Какой странный человек! — сказала она. — Даже имя его производит впечатление. Я не знаю, что и думать о нем. Он, по-видимому, сочувствовал более обезьяне, чем вам или мне. Конечно, с его стороны было очень мило взять бедняжку домой и попытаться ее вылечить. Уверены ли вы, что он химик?

Овид остановился. Такой вопрос со стороны Кармины показался ему очень странным.

— Отчего вы в этом сомневаетесь? — сказал он.

— Вы будете надо мною смеяться, Овид.

— Вы знаете, что не буду.

— Ну так слушайте. В Риме мы были знакомы с одним знаменитым химиком — такой прелестный старик! Он с отцом играл обыкновенно в пикет. Я наблюдала их игру, пыталась выучиться, но ничего понять не могла. Но тут я постоянно смотрела на руки нашего старого гостя и заметила, что они были покрыты пятнами. Когда я спросила, отчего это, он сказал, что это от химических опытов и что отмыть эти пятна невозможно. В то время как доктор Бенджулиа вливал вам в рот водку, я смотрела на его огромные руки: на них не было ни пятнышка... Кажется, я удивила вас?

— Вы действительно удивляете меня. Я знаю Бенджулиа много лет и никогда не замечал того, что вы заметили с первого же взгляда.

— Может быть, он умеет как-нибудь выводить пятна?

Кармина действительно удивила Овида. У него не выходила из головы мысль о внимании химика к обезьяне и о безупречной чистоте его рук. Бессознательное сомнение в Бенджулиа так беспокоило его, как никогда прежде.

— Мне хочется взять с вас одно обещание, — проговорила Кармина, — но я боюсь.

— Бойтесь? Так, значит, вы меня не любите?

— Ну, так я сейчас скажу! Как надолго думаете вы уехать?

— Месяца на два, на три.

— Обещайте мне до вашего возвращения не говорить вашей матери, что мы...

— Что мы жених и невеста?

— Да.

— Я обещаю вам, Кармина, но мне это неприятно.

— Отчего?

— Во время моего отсутствия вы будете находиться у моей матери; а вы не любите ее. Я бы желал, Кармина, быть уверенным, что я оставляю вас с другом, которому вы доверяете и которого любите.

В тоне его слышалась грусть, задевшая ее за живое.

— Подождите, когда вы приедете назад, — отвечала она насколько могла весело, — вам будет совестно своих предположений. И не забывайте, дорогой, что кроме вашей матери у меня есть еще добрый друг, который обо мне заботится.

Овид выслушал это с некоторым сомнением.

— Друг в доме моей матери? — спросил он.

— Конечно.

— Кто же это такой?

— Мисс Минерва.

— Что?!

В тоне его выразилось глубокое удивление.

— Если я начала с того, что была несправедлива к мисс Минерве, то меня можно было оправдать тем, что я ее не знала, — с жаром проговорила Кармина. — А вы так давно ее знаете и до сих пор не открыли в ней хороших качеств! Неужели все мужчины одинаковы? Даже мой покойный отец называл безобразных женщин непросчительной ошибкой природы. Но я не сужу о мисс Минерве дурно. Я уверена, что она будет утешать меня и постарается, чтобы я не была без вас слишком несчастна.

Кроме дурного характера и беспощадного присмотра за детьми Овид не знал ничего такого, что могло бы оправдать его предубеждение против гувернантки. Тем

не менее внезапная перемена расположения Кармины несколько встревожила его.

— Я надеюсь, что вы имеете основательные причины говорить так? — сомнительно сказал он.

— Вполне основательные причины, — твердо отвечала она.

— Помогите мне быть справедливым к мисс Минерве, — осторожно начал он. — Скажите мне, что она такое сделала...

— Тсс! — проговорила Кармина. — Мне показалось, что меня кто-то зовет.

Они остановились и стали прислушиваться. С другого конца сада слышался голос. Они вздрогнули, как виноватые: это был голос мистрис Галилей.

## XVIII

— Кармина! Вы в сквере?

— Предоставьте это мне, — прошептал Овид. — Мы сейчас к вам придем, — громко ответил он.

Мистрис Галилей ждала их у входа. Когда они вышли к ней, Овид весело заговорил:

— Теперь у вас не будет более причин жаловаться на меня: я уезжаю в конце недели.

Ответ мистрис Галилей был обращен к Кармине, а не к сыну:

— Благодарю вас, дорогая моя, — сказала она, пожимая племяннице руку.

Тон ученой женщины был безукоризненно любезен. Она послала Овида через улицу постучаться в дверь и дружески взяла Кармину под руку.

— Как могли вы предположить, что я сержусь на вас? — прошептала она. — Я не могу, впрочем, жалеть,

что вы ошиблись, потому что вы вследствие этого написали мне такое славное письмо.

Овид ждал их в прихожей. Они прошли в библиотеку. Мистрис Галилей заключила своего сына в горячие материнские объятия.

— Это довершает наслаждение чудного вечера, — сказала она. — Сначала чудная лекция, а потом успокоение насчет сына. Я полагаю, что твои специальные занятия, Овид, никогда не уносили тебя в безвоздушные регионы? Сегодня на лекции нас было очень много, и мы слушали профессора, читавшего об этом. Я до сих пор не могу прийти в себя. За пятьдесят миль над нами — только за пятьдесят миль — такая холодная атмосфера, что в одну секунду все человечество замерзло бы. В этой страшной пустоте всякая влажная материя должна произвести взрыв, и — послушайте, Кармина, — и сам взрыв должен замерзнуть, не издав звука. Подумайте, что серьезные люди смотрят на это страшное пространство и говорят о возможности проникнуть на небеса. Как ничтожен человек, за исключением — это тебе, Овид, — за исключением тех случаев, когда он доставляет удовольствие своей старой матери, отправляясь путешествовать для своего здоровья! Куда же ты едешь? Дала ли тебе милая Кармина какой-нибудь совет? Я наперед с нею согласна, что бы она ни посоветовала.

Овид сообщил матери о мнении, высказанном Бенджулиа, и спросил ее, что она об этом думает.

Мистрис Галилей тотчас же заговорила об отсутствующем докторе. Он был груб, безобразен, но что за неоцененный друг! Какой драгоценный совет он дал! При слабом здоровье Овида ему не следует писать писем; мистрис Галилей напишет доктору,

поблагодарит его и попросит рекомендательных писем к местным властям общества колоний. Она взяла газету: в субботу из Ливерпуля отправляется пароход в Канаду. Овид мог завтра утром взять себе каюту («среднюю, дорогой мой, если только можно будет достать ее») и выехать из Лондона в пятницу. Желая облегчить ему сборы, она предложила присмотреть в его отсутствие за его домом и распустить прислугу, если он не считает нужным оставлять ее. Она вспомнила даже о Снуксе. Всего лучше, конечно, было бы отправить кошку; но Овид такой эксцентричный человек во многих вопросах, что практически поступить, наверное, не захочет.

— Кошка не съест более как на шесть пенсов в неделю! — в порыве великодушия вскричала мистрис Галилей. — Мы возьмем Снукса!

Овид покорно стал говорить о своих домашних делах. Кармина заметила, что торопливость мистрис Галилей неприятно действовала на него.

— Вам нечего беспокоиться, мама! — сказал он. — Мои домашние дела все были устроены, когда я только что почувствовал необходимость отдохнуть. Лакей мой поедет со мной, горничная и судомойка отправятся пока в деревню; повар будет присматривать за домом, а мальчик, не меньше меня привязанный к кошке, будет присматривать за Снуксом. Если бы вы были так добры и послали за кэбом, я отправился бы домой. Как всякий человек с таким расстроенным здоровьем, я чувствую к вечеру усталость.

В ту минуту, как мать его пошла позвонить, уста его коснулись маленького ушка Кармины.

— Ждите меня завтра, — прошептал он. — Я люблю вас, люблю вас!..

Он точно находил какое-то особенное наслаждение в повторении этих слов.

По уходе Овида Кармина думала услышать что-нибудь относительно того, что тетка нашла их в сквере. Но мистрис Галилей разыграла роль совершеннейшей невинности. Не найдя племянницы дома, она подумала, нет ли ее в сквере. Что могло быть естественнее, что кузен с кузиной пошли прогуляться вечером в один из лучших садилов Лондона? В настоящее время мать занимала только мысль, что сын ее наконец может поправиться. Когда слуга принес поднос с красным вином и содовой водой, она послала попросить к себе мисс Минерву для того, чтобы сообщить ей приятную новость, совершенно забывая, что они в этот вечер почти что поссорились. При виде содовой воды она сделалась необыкновенно весела.

— В подражание мужчинам, мисс Минерва, выпьемте тост перед сном за приятное путешествие и благополучное возвращение Овида!

Развеселившись от импровизированного пира, друг профессоров и нежная воспитательница неразвившихся головастилов снова впала в ученость. Мистрис Галилей прочла небольшую лекцию о Канаде — о ботанике и геологии этой местности и о количестве воды, падающей на Ниагарском водопаде.

— Наука сумеет из всего извлечь пользу, друзья мои, и скоро мы заставим и эту воду работать на себя. Спокойной ночи, мисс Минерва! Приятного сна, дорогая Кармина!



XIX

На следующий день, благодаря стараниям его матери, Оvidу удалось беспрепятственно наслаждаться обществом Кармины. Не только мисс Минерва, но даже мистер Галилей и дети самым деликатным образом удерживались от помехи им. Одним словом, Оvidу самым незаметным образом была дана возможность вполне высказаться. Никогда еще дипломатия хозяйки не доходила до такого совершенства.

В этот же день посланный привез ответ доктора Бенджулиа на письмо мистрис Галилей о том, что сын ее уезжает. Доктор писал, что он не может выйти из дома вследствие припадка подагры. Если Овид желает получить сведения о Канаде, то может приехать к нему.

— Были ли вы когда-нибудь в доме доктора Бенджулиа? — спросила Кармина.

— Никогда.

— Так, значит, все, что вы рассказывали мне о нем, одни только слухи? Теперь вы узнаете истину! Вы, конечно, отправитесь?

Овид не чувствовал ни малейшего желания отправиться на разведку в уединенный дом Бенджулиа и высказал это. Кармина употребила всю силу своей убедительности, чтобы заставить его поехать туда. Мистрис Галилей, не сочувствовавшая девичьему любопытству, сознавала, что сыну необходимо приобрести рекомендательные письма в Канаду, и потому поддержала племянницу.

— Я прикажу запрячь карету, — сказала она, принимая шутливо-деспотический тон, — и если ты не поедешь к доктору, то мы с Карминой поедем навестить его.

При такой угрозе Оvidу не оставалось ничего более как подчиниться.

Кучеру мог быть отдан только один приказ: ехать в деревню Гендон, с северо-западной стороны Лондона, и там спросить, как проехать далее. Между Гендоном и Виллесденом тянутся пустоши, покрытые травой и кустарником, и полосы, засеянные хлебом и не обезображенные новейшими кирпичными постройками. Карета катилась извилистой дорогой, обсаженной деревьями, и остановилась около сельской харчевни, чтобы разведать, как проехать далее. Услыхав, что до дома Бенджулия не более полумили, Овид вышел из кареты и пошел пешком.

Посреди заросшего поля стоял дом Бенджулия — отвратительное квадратное здание из желтого кирпича с плоской крышей. Двор был окружен низенькой стеной с чугунными воротами. Он был так же пуст, как кругом поле: незаметно было даже попыток развести садик или огород. На какие-нибудь двести ярдов от дома стояло другое здание, поменьше, с окном на крыше, в котором Овид по описанию узнал знаменитую лабораторию. За лабораторией шел забор, отделявший землю Бенджулия от владений соседа. Там возвышались деревья и тянулись обработанные поля. Никто не вышел навстречу Оvidу. Место это вблизи Лондона представляло по пустынности своей нечто необыкновенное.

Любопытство Овида начало переходить в подозрение, когда он стал подходить к лаборатории, не будучи замеченным кем-либо из большого дома. При появлении посетителя не залаяла собака, не вышел никто из прислути. Оvidу стало стыдно за самого себя, но на него так сильно подействовало замечание Кармины о докторе, что он попробовал, заперта ли дверь в лабораторию,

и затем остановился и стал прислушиваться. День был летний, но ветреный, и деревья по соседству приятно шелестели. Но кроме шелеста листьев слышался еще тихий, слабый крик. Он прекратился, потом опять повторился. Овид осмотрелся кругом, не уверенный, слышится ли ему этот звук изнутри здания или около него. Он постучался в дверь. Все было тихо. Больное существо (если только это было больное существо) замолкло или умерло. Не производится ли над каким-нибудь живым существом опыты? Или...

Он не хотел доканчивать второго предложения; почувствовав сильнейшее отвращение от здания лаборатории, он вернулся к главному дому.

Он положил руку на ручку двери и еще раз обернулся к лаборатории.

В ушах у него все раздавался этот отрывистый, жалобный крик. Мысль о свидании с Бенджулиа стала ему противна. Но что подумают о нем мать его и Кармина, если он вернется домой, не зайдя к доктору, вследствие причин, разъяснить которые он сам не мог?

Однако отвращение его было так сильно, что он выпустил дверную ручку и сказал про себя:

— Нет, я не пойду.

Но только что он повернулся, как в дверях дома показался лакей и распахнул перед Овидом дверь, не сказав ни слова.

Они вошли в прихожую. Безмолвный слуга отворил дверь направо и поклоном пригласил посетителя войти. Овид очутился в такой же пустой, как и двор, комнате. Стены были оштукатурены и некрашенный пол был совершенно в таком виде, в каком оставили его штукатуры, окончив постройку дома. После весьма непродолжительного отсутствия, безмолвный лакей

снова появился. Он отворил дверь по другую сторону коридора, поклонился и исчез.

— Не подходите ко мне! — крикнул показавшемуся Оvidу доктор Бенджулиа.

Доктор сидел в дальнем углу комнаты в длинном черном халате, застегнутом по самое горло и прикрывавшем все его тело за исключением осунувшегося лица, огромных рук и ноги в подагре. Ярость и боль выражались в его ввалившихся серых глазах и заставляли его бить кулаками по ручке кресла.

— Десять тысяч каленых буравов просверливают десять тысяч дыр в моей ноге, — сказал он. — Если вы дотронетесь хоть до моего кресла, то я задушу вас.

От нового приступа боли он так страшно закричал, что стекла в шкафу зазвенели.

Очень довольный, что избавился от необходимости жать доктору руку, Овид взял стул и стал осматриваться кругом. Даже тут оказалось очень мало мебели; и та, которая стояла, была старомодная и тяжелая. Кроме шкафа, он увидел обеденный стол, шесть стульев и потертый темный ковер. На окнах не было даже занавесок, а по темным стенам ни картин, ни гравюр. Отверстие камина ничем не было прикрыто, и на камине не стояло никаких украшений кроме грязной и вонючей трубки доктора.

— Скудный, унылый дом, не правда ли? — сказал Бенджулиа.

Овид отвечал таким же суровым тоном, каким доктор встретил своего гостя.

— Если дом скучен, так это ваша вина. Зачем же вы не насажали деревьев и не разбили сада?

— Мне не нужно деревьев и сада.

— Кажется, вы и в мебели не нуждаетесь? — сказал Овид.

— Могу сказать, что вы правы, — отвечал Бенджулия. — Моя невестка, — вы, кажется, и не подозревали, что у меня есть родственница, — моя невестка приобрела столы, стулья, кровати и посуду. Покупка вещей в лавках не интересует меня. Я дал ей денег и просил меблировать мне комнату так, чтобы я имел где есть и спать. Мне ничего больше не надо.

Нестерпимое хладнокровие его еще более раздражало Овида.

— Какой эгоизм! — заметил он. — Неужели вам не о ком больше позаботиться, кроме как о самом себе?

— Не о ком... с особенным удовольствием могу сказать.

— Какой страшный цинизм, Бенджулия!  
Доктор задумался.

— В самом деле? — сказал он. — Может быть, вы правы, но я считаю это просто равнодушием. Любопытно, что брат мой совершенно с вашей точки зрения смотрел на это — он даже выразился так же, как вы. Мне помнится, что мой «цинизм» он находил неисправимым. Во всяком случае он перестал бывать у меня. Я легко отделался от него. Что вы говорите? Такое бесчеловечное отношение не достойно меня? Право, я этого не думаю. Я вовсе не дикарь какой-нибудь. Я просто человек равнодушный.

— Брат ваш платит вам таким же равнодушием? Если да, то славная вы парочка!

— Брат мой, может быть, и способен был бы платить мне тем же, — сказал Бенджулия. — Он настолько умен, чтобы не попасть в дом умалишенных. Сказать вам в двух словах, что он такое? Он — неприличный обжора, вот что он. Я позволяю иногда жене его приходить сюда и плакать. Меня это не тревожит, а ее облегчает.

Опять «цинизм», да? Я дал ей возможность, кроме мебели купить себе шляпку. Вы можете и это назвать цинизмом, и опять-таки будете правы. Хотите выпить чего-нибудь? Вы видите, я не могу пошевелиться. Пожалуйста, вызовите лакея.

Овид отказался от всего и переменял предмет разговора.

— Лакей ваш замечательно молчаливый человек, — сказал он.

— Это его достоинство, — отвечал Бенджулиа. — Служанки мои ссорились со всеми лакеями, служившими у меня. С этим же человеком они ссориться не могут. Я прибавил ему жалованья в благодарность за пользу, приносимую им. Я ненавижу шум.

— Может быть, поэтому вы не держите и собаки?

— Я собак не люблю. Они лают.

С воспоминанием о собаках, вероятно, у него было сопряжено что-нибудь очень неприятное. Его ввалившиеся глаза мрачно устремились вдаль; на время он, по-видимому, даже забыл о присутствии Овида у себя в комнате. Затем он опомнился, сильно потер себе голову и заговорил о причине посещения Овида.

— Так вы послушались моего совета, — сказал он. — Вы отправляетесь в Канаду и желаете предварительно собрать справки. Вот мой дневник. Я помогу своей памяти, и тогда к вашим услугам.

Его бумаги и принадлежности для письма лежали на подвижном столе, привинченном к его креслу. Тут же лежала потертая тетрадь, запиравшаяся замком. Не прошло и десяти минут после того, как он раскрыл свой дневник и пробежал несколько страниц, как он припомнил уже все, что ему было нужно. Он толково и не торопясь передал Оvidу все свои сведения и, ни на

минуту не прерывая речи, объяснил все, что нужно было знать путешественнику. Относительно же национального характера и красот природы в Канаде он не проронил решительно ни единого слова. Мистрис Галилей коснулась хоть массы воды на Ниагарском водопаде, но доктор Бенджулиа, как муж по учености стоявший выше ее, даже не упомянул о Ниагаре.

— Полезны ли для вас мои справки? — спросил он. — Не стоит благодарности. Скажите только, полезны или нет? Ну и отлично. Теперь мне надо дать вам письмецо. Заметили ли вы, что женщины в продолжение всей своей жизни, молодые ли или старые, находят удовольствие в обществе? Как в молодости, так и в старости они одинаково не могут понять мужчину, когда он говорит, что не имеет желания бывать в гостях. Даже ваша умная мать думает, что вы захотите бывать в Канаде в обществе.

Он попробовал перо и начал писать письмо. Увидав его движущуюся руку, Овид снова вспомнил о словах Кармины. Потом взор его обратился к камину и к стене. У камина стояла огромная бамбуковая трость. Ручка ее была роговая, светлого цвета, и на ней виднелись пятна. Овид посмотрел на них взором опытного врача. Это были высохшие кровавые пятна.

Бенджулиа окончил письмо. Оно было адресовано доктору в Монреаль.

— Этот человек не введет вас в общество, — сказал Бенджулиа, — и не утомит вашу голову медицинскими разговорами. Вы со своей стороны берегитесь только одного предмета: друг мой пойдет хоть на бешеного быка, если вы заговорите о вивисекции.

Овид пристально посмотрел на него, когда он произносил последние слова. Бенджулиа точно так же пристально посмотрел на Овида.

— Благодарю вас за письмо, — сказал Овид, — предосторожности вашей я не забуду.

Способность доктора держаться светских приличий дошла до своих границ. Его гостеприимство окончилось.

— Чем могу я вам служить? — спросил он.

— Не можете ли вы ответить на один простой вопрос? — отвечал Овид. — Кузина моя Кармина...

Бенджулия прервал его.

— Разве вы не находите, что мы достаточно говорили о ней в саду? — заметил он.

Овид понял этот намек, но с любезностью, достойной его матери, отвечал:

— Вы можете, если угодно, порицать меня, но я тем не менее вернусь к этому предмету. Кузина моя не может забыть вашей доброты к обезьяне.

— Чем скорее забудет она мою доброту, тем будет лучше. Обезьяна околела.

— Очень рад слышать это.

— Отчего?

— Я думал, что она мучится.

— Почему вы думали так?

— Мне показалось, что я слышал стоны...

— Где?

— В здании, что за домом.

— Вы слышали шелест листьев.

— Ну нет. Разве вы производите химические опыты над животными?

Доктор, ни на йоту не смутившись, отпарировал это прямое нападение.

— Что я говорил вам, давая рекомендательное письмо? — спросил он. — Я говорил вам, что друг мой не побоится бешеного быка, если вы начнете говорить ему о вивисекции. Теперь я скажу вам еще более: я похож на



моего друга. — Он подождал немного. — Поняли? — спросил он.

— Да, — сказал Овид, — понял.

Они были так близки к открытой ссоре, как только могли быть два человека. Овид взял шляпу, чтобы откланяться. Что касается Бенджулиа, тон его голоса нисколько не изменился, и он серьезно продолжал:

— Дам вам еще один совет. Вы едете путешествовать для своего здоровья; не позволяйте же любопытным иностранцам втягивать вас в разговор. Между ними могут попасться физиологи.

Выйдя опять в поле, Овид посмотрел на письмо к доктору в Монреаль. Против принятого в таких случаях обыкновения, конверт был заклеен. Оvidу очень хотелось разорвать его вместе с письмом, но он удержался.

## XX

Древний мудрец, сказавший, что «время летит», должно быть пришел к этому замечательному открытию, собираясь путешествовать. Когда мы всего сильнее чувствуем, что жизнь наша коротка? Когда мы беспрестанно смотрим на часы, боясь, что уже слишком поздно? Когда ночь пролетает для нас незаметно и утро настает внезапно? Тогда, когда мы собираемся в путь.

Остальные дни недели пронеслись как вихрь. Овид едва только успел спросить себя: неужели действительно наступила пятница и часы его пребывания дома сочтены?

Когда он почти к вечеру вернулся в Ферфильдс-Гарден, ему оставалось очень немного свободного

времени. Не найдя никого в библиотеке, он поднялся в гостиную. Мать его была одна и читала.

— Не надо ли тебе что-нибудь сказать мне, прежде чем я скажу Кармине, что ты тут?

Мистрис Галилей предложила этот вопрос совершенно спокойно, по крайней мере совершенно спокойным голосом. Но глаз от книги она не поднимала. Овид знал, что она хотела в последний раз дать ему возможность откровенно высказаться перед отъездом.

— Мама, — сказал он, — я оставляю на ваше попечение особу, самую дорогую для меня в целом мире.

— Ты хочешь этим сказать, — спросила мистрис Галилей, — что вы с Карминой жених и невеста?

— Да; и я не уверен, что вы одобряете наши намерения. Будьте со мной откровеннее, чем вы были в последний раз, когда мы об этом говорили.

— Когда это?

— Когда мы на несколько минут остались с вами вдвоем, в тот день, когда я у вас завтракал. Вы сказали мне, что естественно Кармина должна была понравиться мне, но вы не одобряете мысли о возможности брака между нами. Я понял так, что вы порицаете его... Но вы не сказали мне, почему.

— Разве женщины могут всегда говорить причины?

— Такие женщины, как вы, могут.

— Благодарю за комплимент. Я теперь вспомнила. Мне кажется, я только намекала, какие могут быть препятствия к браку. Вы с Карминой двоюродные брат и сестра и разных религий. Я могу прибавить еще, что человек с блестящими надеждами, как ты, по моему мнению, не должен жениться, если только жена его не в состоянии увеличить его влияния или известности.

Я надеялась, что мой умница-сын достигнет такого же высокого положения, какое занимают наши родственники. Признаюсь тебе в этом прямо, Овид. Если я колебалась относительно этого вопроса, то теперь по крайней мере я тебе сказала почему.

— Должен ли я думать, что вы и теперь колеблетесь? — спросил Овид.

— Нет.

Она встала, чтобы спрятать книгу. Овид вместе с нею подошел к книжному шкафу.

— Кармина победила вас? — спросил он.

Она поставила книгу на место.

— Кармина победила меня, — отвечала она.

— Вы говорите это так холодно.

— Не все ли равно, если я говорю то, что есть?

Борьба, происходившая в нем между надеждой и боязнью, вдруг высказалась.

— Ах, мама! Нет слов выразить вам, как я люблю Кармину! Ради бога, берегите ее и будьте с нею ласковы!

— Ради тебя, — сказала мистрис Галилей, ласково поправляя со своей положительной точки зрения своего впечатлительного сына. — Ты обижаешь меня, чувствуя страх за Кармину, когда она остается здесь. Дитя моего покойного брата — мое дитя. Ты можешь быть в этом уверен.

Она взяла его за руку и, притянув к себе, поцеловала в лоб, как целуют покойников.

— Не дашь ли ты мне каких-нибудь инструкций? — продолжала она. — Например, мой дорогой, не будешь ли ты иметь что-нибудь против того, чтобы я вывозила Кармину в общество? Конечно, в такое общество, которое приносило бы ей пользу.

— Делайте, что вам угодно, лишь бы только она чувствовала себя счастливой.

— Относительно посетителей, — продолжала она, — ты, конечно, желаешь, чтобы я была разборчива? Если я найду, например, что к нам слишком часто ездит кто-нибудь из молодых людей?

Овид засмеялся.

— Вы думаете, что я сомневаюсь в ней? — спросил он. — Да на всем свете нет девушки вернее моей маленькой Кармины! — Его вдруг поразила одна мысль, от которой лицо его побледнело, а голос перестал быть веселым. — Есть только одно лицо из тех, которые бывают у вас, — сказал он, — знакомства с которым я бы не желал для Кармины.

— Кто это?

— К несчастью, человек этот возбудил ее любопытство. Я говорю о Бенджулиа.

На этот раз засмеялась мистрис Галилей. Смех был резкий, и глаза ее в это время сверкнули.

— Ревнуешь к безобразному доктору! — вскричала она. — Овид, что с тобой?

— Вы никогда в жизни не ошибались так, как теперь! — резко отвечал он.

— Так почему же ты так не желаешь присутствия здесь Бенджулиа?

На такой вопрос отвечать было нелегко. Если бы Овид сказал, что химические опыты Бенджулиа служат только ширмою для прикрытия жестоких научных опытов, то этим бы он только поднял доктора во мнении своей матери. Если бы, с другой стороны, он описал, что происходило между ними, когда они встретились в зоологическом саду, то мистрис Галилей, как женщина серьезная, прямо бы обратилась к доктору и потребовала

бы объяснения, почему он в таком тоне говорил о Кармине и ее матери. Быстро сообразив все это, Овид неблагоразумно избрал ближайший путь.

— Я не считаю Бенджулиа человеком, годным для общества молодой особы, — сказал он.

Мистрис Галилей с такой готовностью согласилась с этим, что человек более подозрительный на месте Овида тотчас бы увидал, что он сделал ошибку.

— Тебе лучше знать, — отвечала мистрис Галилей. — Я не забуду твоих желаний. — Она позвонила, чтобы послать за Карминой, и мысленно прибавила: «Тут что-нибудь да не так; Бенджулиа расскажет сам, что это значит».

Оставшись один в гостиной, Овид нашел, что время страшно тихо ползет; он нашел это в первый раз с тех пор, как назначен был день его отъезда. Он приписывал это нетерпению, с каким желал появления Кармины. Когда он подошел к двери, чтобы узнать, отчего она не идет, дверь отворилась, и он очутился лицом к лицу с мисс Минервой.

Она торопливо вошла и протянула ему руку, не глядя на него.

— Извините меня, что я вас беспокою! — сказала она торопливо и с застенчивостью, вовсе ей не свойственной. — Мне надо приготовить с детьми к завтрашнему дню уроки, и потому только теперь я выбрала время проститься с вами. Примите мои искренние пожелания, чтобы вы благополучно возвратились здоровы. Прощайте! Прощайте!

Пожав ему руку, она быстро направилась к двери, но в дверях обернулась и в первый раз взглянула на него.

— Вот еще что я хотела вам сказать, — прибавила она. — Во время вашего отсутствия я употреблю

все свои старания, чтобы Кармина не очень здесь скучала.

Она исчезла, прежде чем он успел поблагодарить ее.

Вслед затем явилась Кармина. Она застала Овида ходившим взад и вперед по комнате и очень недовольным. Она встретила гувернантку на лестнице... Не произошло ли между ними недоразумения?

— Видели вы мисс Минерву? — спросила она. — Она, как милости, просила меня пустить ее вперед, просила с таким волнением, что я согласилась. Может быть, я поступила нехорошо, Овид?

— Милочка моя, вы всегда поступаете хорошо и справедливо! Но почему же она не могла проститься со мною внизу, при всех? Понимаете вы эту любопытную женщину?

— Думаю, что понимаю. — Она замолчала, играя волосами, упавшими на лоб Овида. — Мисс Минерва влюблена в вас, мой голубчик, — невинно проговорила она.

— Влюблена в меня?

Удивление его, по-видимому, несколько не поразило ее. Она продолжала играть его волосами.

— Мне хочется посмотреть, — сказала она, — пойдет ли к вам пробор посредине. Нет, ваша обыкновенная прическа гораздо лучше. Какой вы красивый, Овид! Разве вам не хотелось бы, чтобы и я была хорошенькая? Все в доме вас любят и все сожалеют, что вы уезжаете. Я люблю мисс Минерву, я люблю всех, кто так любит вас, мой дорогой, мой милый герой. Ах, что стану я делать, когда дни будут проходить и уносить вас все дальше и дальше от меня? Нет, нет, я плакать не буду! Я не хочу, чтобы вы уехали с тяжелым сердцем, мой милый, из-за

меня. Ну, а где же фотографический портрет ваш? Вы ведь мне обещали его. Дайте-ка мне посмотреть. Да... Похож, но вместе с тем и непохож. Когда я останусь одна, я буду, глядя на него, думать о вас. Милый мой, глаза ваши, но в них не видно вашей чудной кротости и доброты, которые я читаю в них! — Она замолчала и положила голову свою к нему на грудь. — Я, несмотря на свое обещание, заплачу, если буду еще смотреть на вас. Не надо смотреть... не надо говорить... лучше молчать. Я слышала, что можно умереть счастливой, но никогда прежде этого не понимала. Мне кажется, я теперь умерла бы счастливой. — Она приложила руку к его рту, прежде чем он успел возразить ей, и крепче прижалась к нему. — Молчите, — нежно проговорила она. — Тсс!

Они сидели неподвижно и молчали: безмолвное счастье — лучшее счастье, пока оно продолжается. Мистрис Галилей прекратила очарование. Она вдруг отворила дверь, указала на часы и исчезла.

Жестокий час разлуки наступил. Они в последний раз дали друг другу слово, осыпали друг друга последними поцелуями и в последний раз заключили друг друга в объятия...

Выйдя в коридор, Овид отер слезы. Ему трудно было справиться со своим горем, но все-таки он справился и был спокоен, придя в библиотеку, где его ждали все домашние.

Подавая пример семейных добродетелей, мистрис Галилей подошла к сыну первая и поцеловала его.

— Мы понимаем друг друга, Овид, — сказала она. — Тебе остается всего пять минут. Напиши, когда приедешь в Квебек. Ну, Мария, прощайся!

Мария подошла к брату с грацией, делавшей честь ее учителю танцев. Ее хорошенькая прощальная речь была в своем роде образцом.

— Дорогой Овид, я еще дитя, но я искренне беспокоюсь о твоём здоровье. В такое хорошее время ты, конечно, можешь надеяться на приятный переезд. Прими мои искренние пожелания.

Она подставила щеку свою для поцелуя с видом особы, исполнившей свой долг и понимающей, что она исполнила его.

Мистер Галилей, скромно стоявший за оконной занавеской, вышел оттуда по знаку жены. В одной из его неловких красных рук была пачка сигарет, а в другой он держал огромную дорожную фляжку.

— Дорогой мой мальчик, на пароходе ты, может быть, найдешь и хорошую водку, и хорошие сигары, но я могу сказать, что я их не находил. — Он взглянул на жену. — Друг мой, прими это на дорогу... (Мистрис Галилей многозначительно махнула путеводителем и сердито посмотрела на мужа. Муж засунул фляжку в один карман Овида, а сигары в другой.) Ты увидишь, что это все тебе пригодится, когда ты будешь далеко. Ну, Господь с тобой, сын мой! Извини, что я называю тебя сыном: но, будь я твоим отцом, я не мог бы любить тебя более, чем люблю теперь. Простимся спокойно и весело, — проговорил мистер Галилей со слезами, катившимися по его жирным щекам. — Нельзя ли нам писать друг другу, как ты думаешь? Ах, Господи, Господи! Как же я желал относиться к этому с таким же спокойствием, с каким относится Мария. Зо, иди поцеловать брата. Где же Зо?

Мистрис Галилей вытащила Зо из-под стола.

Овид посадил сестренку на колени и спросил ее, зачем она спряталась.

— А затем, что я не хочу прощаться! — крикнула девочка в отчаянии, задрожав с ног до головы. — Возьми меня с собой, Овид, возьми меня с собой!



Он начал утешать ее как умел. Голос мистрис Галилей раздался как погребальный звон:

— Пора! Пора!

Зо зарыдала еще сильнее. Она непременно будет писать Оvidу, если он отказывается взять ее с собой...

— Если папа будет писать, так отчего же не писать и мне? — сквозь слезы кричала она.

— Милая Зо, ты еще слишком мала, — заметила Мария.

— Экий вздор! — плача говорил мистер Галилей. — Она будет писать!

— Пора! Пора! — повторяла мистрис Галилей.

Овид поспешно вышел в прихожую и взглянул на лестницу, ведущую в гостиную. Кармина вышла на площадку, чтобы в последний раз взглянуть на него. На верхней площадке, не видной из прихожей, стояла мисс Минерва и смотрела на проводы. Забыв о железной дороге и пароходе, Овид подбежал к Кармине, несколько раз поцеловал ее и затем быстро выбежал в открытый подъезд, с Зо, которая бежала по его следам и непременно хотела сесть вместе с ним в каб. С последним ласковым словом девочке, которую уводили домой, с последним взглядом на родные лица, выглядывавшие в двери, с последним усилием устоять против тяжелой мысли о смерти, постоянно являющейся в минуту прощания, Овид уехал.

## XXI

На другой день после отъезда Овида три дамы сидели каждая в своей комнате.

Письменный стол мистрис Галилей был весь завален письмами. Расчетная книга и тетрадка с чеками лежали

тут же: дела мистера Галилея давным-давно предоставлены были его жене. Рядом с чеками лежал лист бумаги, разделенный на два столбца и исписанный цифрами. Цифры правого столбца занимали весьма немного места наверху листа; цифры с левой стороны наполняли весь столбец сверху донизу. Держа в руке веер и опустив перо в чернильницу, мистрис Галилей о чем-то глубоко раздумывала.

Цифры направо показывали баланс банка, левая же сторона показывала сумму ее долгов, частью уже уплаченных, частью неуплаченных. Утомившись вычислениями, она взялась за письма, но и тут встретила те же требования денег — прежде всего от магазинов, а затем от секретарей модных благотворительных обществ. Иногда попадались приглашения, тоже напоминавшие ей денежные дела, так как для выезда нужны были туалеты и ответные обеды и вечера. Надо было платить долги, платить за все, — а из чего платить?

Ее средства приводили ее в ужас. Два раза в год она получала доход в определенной сумме. Она знала, сколько могла проживать, но проживала больше и делала долги. При известной ловкости можно было часть удовлетворить кредиторов, но что будет потом?

Этот вопрос предстал перед мистрис Галилей со всей беспощадностью.

Овид был центром ее размышлений.

Если он посвятит себя своей профессии и не женится, то мистрис Галилей всегда в крайнем случае может надеяться на него. Уже много лет доход с его практики служил крупной прибавкой к доходу, получаемому с состояния, оставленного ему отцом. Не имея разорительных привычек, он отложил несколько тысяч фунтов по той простой причине, что не знал, что с ними

делать. До сих пор великодушные брата избавляло мистрис Галилей от тяжелой необходимости признаться во всем сыну. Но скоро ей придется унизиться до рассказа сыну всей горькой правды, и Овид, не имея жены, могущей удержать его щедрую руку, сделает то же, что делал его дядя.

У нее могла быть надежда на холостого сына. Но сын ее решил жениться на Кармине. Какой может выйти из этого результат, если она будет настолько слаба, что позволит это?

Результатом будет не один, а целых три: естественный, законный и денежный.

Естественным результатом будут дети.

Законным результатом (если только кто-нибудь из детей останется жив) будет потеря мистрис Галилей большого состояния, предоставленного ей завещанием, если Кармина умрет бездетною.

Денежным результатом будет (прибавив к доходу мужа доход жены) восемь тысяч франков в год для молодой четы.

А сколько же можно будет отделить для кредитов тещи? Судя Кармин по своему собственному масштабу (и как же иначе судим мы других?), мистрис Галилей решила, что ей не будет дано ни полушки на уплату долгов, увеличивавшихся с каждой ее уступкой требованиям света. Молодая мистрис Овид Вер, как хозяйка дома, наверное, захочет брать пример с другой своей тетки, а в Лондоне ей будет тяжело тянуться за леди Норзлэк с восемью тысячами в год. Если же ко всем этим результатам прибавить еще, вследствие женитьбы Овида, потерю десяти тысяч франков в год, назначенных ей как опекунше, пока Кармина будет жить под ее кровлей, — то зрелище бедствия станет еще очевиднее.

— Бедствие для меня и нищета для моих дочерей — вот что ожидает нас, если Кармина и Овид станут женою и мужем.

Оформив таким образом свою мысль, мистрис Галилей спокойно положила в сторону веер.

Часы на камине пробили пять, и аккуратная горничная появилась в дверях с чаем для своей барыни. Мистрис Галилей спросила, где гувернантка. Горничная ответила, что мисс Минерва у себя в комнате.

— А где барышни?

— Ушли гулять с барином.

— Они уже брали урок музыки?

— Нет еще, мадам. Мистер Ле-Френк прислал вчера сказать, что урок будет в шесть часов.

— Мистер Галилей знает это?

— Я слышала, что мисс Минерва говорила это барину, когда я одевала барышень.

— Хорошо. Попросите ко мне мисс Минерву, мне надо поговорить с нею.

Мисс Минерва сидела у открытого окна своей спальни. Она тоже думала об Овиде и Кармине. В памяти у нее была свежа вчерашняя прощальная сцена.

Чем более думала она о том, что случилось в это короткое время, тем больше сердилась на себя. Боязнь, что она может выдать себя, прощаясь при других с человеком, которого она втайне любила, заставила ее просить у своей соперницы об одолжении, и просить при таких обстоятельствах, которые могли навести Кармину на справедливое подозрение. Допущенная до свидания с Овидом с глазу на глаз, она не могла скрыть своего волнения, и — что еще гораздо хуже — из желания произвести хорошее впечатление на прощанье, она обещала позаботиться о том, чтобы Кармине было хорошо, —

Кармине, в один день расстроившей ее многолетние надежды, Кармине, отнявшей его у нее!

Она вскочила, почти обезумев, и бросилась к окну, как бы желая выброситься из него... В эту минуту раздался голос горничной.

— Мистрис Галилей желает вас видеть, — сказала она, отворяя дверь.

Мистрис Галилей! Одно это имя обещало многое в подобную минуту.

Мисс Минерва отошла от окна и стала смотреться в зеркало. Ее расстроенное лицо показалось ужасным даже ей самой. Она налила в умывальную чашку одеколона и воды и вымыла свое заплаканное лицо и глаза. Волосы ее тоже нуждались в уборке. Она причесала их так тщательно, точно готовилась выйти к самому Оvidу.

«Мне надо иметь совершенно спокойный вид, — думала она, никак не подозревая, что мистрис Галилей угадала ее тайну, — а иначе мать его может заподозрить меня».

Мистрис Галилей была до крайности любезна; она не сидела уже более за письменным столом, а, раскинувшись в удобном кресле, казалась утомленной и расстроенной — одним словом, представляла собою зрелище женщины, нуждающейся в помощи друга.

— У меня голова болит от цифр и писем, — сказала она. — Я хочу просить вас дописать за меня.

Мисс Минерва заняла ее место за столом. Она тотчас же поняла, что недоконченная корреспонденция — один пустой предлог. Три чека для благотворительных обществ, помеченные настоящим числом, лежали уже наготове с обыкновенными письмами к

трем секретарям. В пять минут письма были готовы для отправки на почту.

— Еще что-нибудь надо? — спросила мисс Минерва.

— Нет, кажется больше ничего не надо. Позвольте мне мой веер. Я сегодня совсем изнемогаю... Мне ужасно тяжело.

— Может быть, от жары?

— Нет. От расходов. С каждым годом расходы наши увеличиваются. В принципе я ненавижу жизнь не по средствам, а между тем приходится так жить.

Мисс Минерва выразила должное сожаление.

— Вам можно посоветовать быть поэкономнее? — совершенно серьезно спросила она.

— Совет хорош, — возразила мистрис Галилей, — но как его исполнить? Эти суммы по подписке, например: они так значительны, что я не могу их давать. Если же я сбавляю их, то подвергнусь невыгодному сравнению с другими членами нашего общества.

Мисс Минерва продолжала терпеливо разыгрывать свою роль.

— Вам, может быть, можно было бы обойтись одной лошастью? — заметила она.

— Ах, душа моя! Кто же ездит на одной лошади! Занимая свое настоящее положение, могу ли я опуститься до такого уровня? Я лично не придаю этому решительно ни малейшего значения. У меня только одна гордость и радость в жизни: я желаю развивать свой ум. Но ведь сестра моя — леди Норзлэк, и я должна поддерживать родственные отношения. У меня две дочери, и мне надо подумать об их будущности. Через несколько лет Мария будет представлена ко двору. Благодаря вам, она будет одной из образованнейших девушек в Англии. Вы

подумайте, что мать Марии будет ездить на одной лошади! Милая моя дочурка! Ну, как она учится? По-прежнему хорошо?

— Проэкзаменуйте ее сами, мистрис Галилей. За результат я могу поручиться.

— Нет, мисс Минерва. Я слишком верю вам, чтобы поступить таким образом. Кроме того, в одном из предметов я должна вполне положиться на вас: я ничего не понимаю в музыке. Отвечать за ее успехи в этом отношении вы не можете, но все-таки я желала бы знать, довольны ли вы игрой Марии?

— Совершенно довольна.

— Не находите ли вы, что она становится... как бы это выразить... выше способности преподавания мистера Ле-Френка?

— Конечно, нет.

— Вы, может быть, считаете мистера Ле-Френка способным учить особу более взрослую и лучше играющую, чем Мария?

До сих пор мисс Минерва отвечала на предлагаемые ей вопросы с хорошо скрытым равнодушием, но последний вопрос возбудил ее внимание. Почему это мистрис Галилей в первый раз вздумала спрашивать, способный ли учитель мистер Ле-Френк? Что это была за особа «более взрослая и лучше играющая», ради которой все эти вступительные речи? Мисс Минерва насторожилась.

— Я всегда считала мистера Ле-Френка превосходным учителем, — сказала она.

— Разве вы не можете дать мне более определенный ответ? — спросила мистрис Галилей.

— Я совершенно не знаю музыкальных средств ученика, о котором вы говорите, — отвечала гувер-

нантка. — Я не знаю даже, говорите ли вы о даме или о мужчине.

— Я говорю, — спокойно продолжала мистрис Галилей, — о своей племяннице Кармине.

Эти слова снова пробудили все подозрения в голове мисс Минервы. Разговор с таким предисловием, коснувшийся наконец Кармины, несомненно должен был заключиться рассуждением о ее браке. Косвенным способом мистрис Галилей коснулась-таки наконец того предмета, который имела в виду.

## XXII

Между двумя собеседниками наступило на несколько минут молчание.

Мистрис Галилей ждала, чтобы мисс Минерва заговорила первая. Мисс Минерва ждала, чтобы мистрис Галилей почтила ее своим доверием. Воробьи чирикали в саду; звуки фортепиано из школьной комнаты показывали, что урок музыки уже начался.

— Как шумят птицы! — начала мистрис Галилей.

— А фортепиано расстроено, — заметила мисс Минерва.

Выхода не представлялось. Мистрис Галилей надо было или вернуться к затронутому уже предмету разговора, или же бросить его совсем.

— Кажется, вы меня не совсем поняли, — сказала она.

— Должно быть, я очень бестолкова, — призналась мисс Минерва.

Подчиняясь обстоятельствам, мистрис Галилей изложила вопрос в другой форме.



— Мы говорили о мистере Ле-Френке как об учителе и о моей племяннице как о воспитаннице, — сказала она. — Могли ли вы составить какое-нибудь понятие о музыкальных способностях Кармины?

Мисс Минерва осторожно отвечала:

— Я не имела случая слышать ее игру.

На этот осторожный ответ мистрис Галилей козырнула. Она протянула гувернантке письмо.

— Я получила от мистера Ле-Френка это предложение, — сказала она. — Что вы на это скажете?

Письмо было короткое и любезное. Мистер Ле-Френк свидетельствовал мистрис Галилей свое почтение и писал, что если ее прелестной племяннице нужны уроки музыки, то он смеет льстить себя надеждой, что может быть ей полезен. Взглянув на заголовок письма, гувернантка увидела, что письмо это получено уже неделю тому назад.

— Вы уже отвечали мистеру Ле-Френку? — спросила она.

— Ответила только, что буду иметь в виду его предложение, — отвечала мистрис Галилей.

Неужели она ждала отъезда своего сына для того, чтобы принять какое-нибудь решение? Ввиду этого мисс Минерва начала кое-что припоминать. Когда мистрис Галилей в первый раз пригласила мистера Ле-Френка давать уроки музыки своим детям, то сын ее не одобрил выбора учителя. Это обстоятельство гувернантка очень хорошо помнила.

— Вы видите какие-нибудь препятствия для приглашения мистера Ле-Френка? — спросила мистрис Галилей.

Мисс Минерва, не желая высказаться прямо, скромно проговорила:

— Я несколько стесняюсь высказать свое мнение.  
Мистрис Галилей изумилась.

— Вы не хотите говорить о мистере Ле-Френке? —  
спросила она.

— Не то. Я полагаю, что его уроки могли бы принести пользу кому угодно.

— Так вы имеете в виду Кармину?

— Нет, мистрис Галилей, я имею в виду вашего сына.

— В каком отношении?

— Я уверена, что сын ваш не пожелал бы в учителя мисс Кармине мистера Ле-Френка.

— Имея в виду музыку?

— Нет, по личным поводам.

— Что вы хотите этим сказать?

— Вы, вероятно, забыли то, что было, когда вы в первый раз пригласили мистера Ле-Френка давать уроки Марии и Зо. Его личность произвела в высшей степени неприятное впечатление на вашего сына, и мистер Овид навел кое-какие справки, которые вы не считали нужными. Извините меня, если я настаиваю на этом обстоятельстве. Я обязана это сделать для того, чтобы оправдать свое мнение — мнение, которое, прошу помнить, я не навязываю. Мистер Овид получил сведение весьма некрасивое, касающееся мистера Ле-Френка и молодой особы, бравшей у него уроки.

— Отвратительная сплетня, мисс Минерва! Я удивляюсь, что вы говорите о ней!

— Я говорю о ней, имея в виду мнение об этом предмете мистера Овида. Если бы мистеру Ле-Френку не удалось оправдаться, то он, конечно, не был бы принят у вас в доме. Но сын ваш остался при своем. Я слышала, как он сказал, что будь Мария и Зо постарше, то он не

посоветовал бы брать учителя, о котором ходят такие слухи; но так как они еще дети, то он не станет ничего говорить. Высказывая свое мнение, я имела это в виду. Я уверена, что мистеру Оvidу неприятно будет узнать, что мистер Ле-Френк дает уроки его кузине. А если во время его отсутствия до него дойдет какая-нибудь глупая сплетня, то она поведет к отвратительным последствиям; недоразумение будет трудно устранить письмами, и все это поведет только к неприятностям.

Она замолчала и, сложив руки, стала ждать ответа.

Если бы мистрис Галилей могла заглянуть в эту минуту к ней в голову, она ясно прочла бы такую мысль мисс Минервы: «Все это время, сударыня, вы заботились о том, чтобы скрыть свои мысли. Теперь вы хотите употребить мистера Ле-Френка как средство поселить раздор между Овидом и Карминой. Если бы вы доверились мне, я охотно изъявила бы готовность помогать вам. В настоящем же случае потрудитесь заметить, что я не попала в ловушку, расставленную мне. Если мистер Овид откроет ваш замысел, то вам уже нельзя будет свалить все на вашу гувернантку».

Мистрис Галилей почувствовала, что она снова помещалась силами с мисс Минервой и должна была сдаться. Она в душе рассчитывала на то, что гувернантка, тайно любя ее сына, без малейшего возражения и колебания поддержит ее план устроить размолвку между Овидом и Карминой. Надо было как-нибудь выпутываться.

— Я уверена, что вы говорите искренне, — сказала она, — но вы не совсем выгодного мнения о здравом смысле моего сына и не можете — вследствие вашего положения — должным образом оценить его преданную любовь к Кармине. — Впустив эту шпильку, она замолчала и стала наблюдать, какое

она произведет впечатление. Оказалось, что она не произвела никакого впечатления. Мистрис Галилей продолжала: — Даже самые последние слова, сказанные им мне, доказывали его доверие — его полное доверие — к Кармине. Даже мысль, что он может ревновать ее к кому-либо, и в особенности к такому человеку, как мистер Ле-Френк, просто смешна. Я удивляюсь, что сами вы этого не видите.

— Я была бы с вами вполне согласна, если бы мистер Овид был здесь, — спокойно отвечала мисс Минерва.

— Какая же может быть разница теперь?

— Извините меня, но мне думается, что разница велика. Он уехал далеко и уехал больным. У него, несомненно, будут тяжелые минуты. При таких обстоятельствах сплетни — вещь серьезная; даже вещи вполне невинные, но переданные в письме, могут быть перетолкованы иначе. Лучше объяснить мое мнение я не могу, и теперь мне остается только пожалеть, что я так плохо оправдала ваше доверие.

Впустив эту шпильку в свою очередь, она встала с намерением уйти.

— Угодно вам от меня еще что-нибудь? — спросила она.

— Я желала бы увериться, что я вполне поняла вас, — сказала мистрис Галилей. — Вы считаете мистера Ле-Френка совершенно компетентным учителем для всякой молодой особы? Благодарю вас. Я только об этом и желала посоветоваться с вами... Не знаете ли вы, где Кармина?

— Вероятно, у себя в комнате.

— Не будете ли вы добры прислать ее ко мне?

— С удовольствием.

### XXIII

Хозяйка дома и гувернантка имели особенные причины сидеть по своим комнатам. Вследствие этого Кармина была одна. Бедная девушка могла думать только об отсутствующих и об умерших.

Она открыла фортепиано и стала играть одну из божественных пьес Моцарта, пока не расстроила себя так, что чуть не плача закрыла фортепиано. Потом она села у окна и стала думать об Овиде. С наступлением сумерек ей становилось все тяжелее и тяжелее. Мисс Минерва, войдя к ней в комнату, застала ее в грустных мечтаниях, вспоминаяшей отсутствующего и умерших, точно сама она была уже близка к могиле.

— Мистрис Галилей зовет вас к себе.

Кармина в испуге вскочила.

— Разве случилось что-нибудь? — спросила она.

— Нет. Что вас заставляет так думать?

— Вы говорите таким странным тоном. Ах, я так желала, чтобы вы пришли посидеть со мной! А теперь вот вы и пришли, но смотрите на меня так холодно, точно я оскорбила вас. Может быть, вам нездоровится?

— Да. Мне нездоровится.

— Что же тете нужно от меня?

— Я думаю, мне лучше не говорить вам этого.

— Отчего?

— Ваша тетка, наверное, спросит вас, что я вам говорила. Я разозлила ее, а вы знаете, что значит разозлить ее. Она послала меня к вам вместо того, чтобы послать горничную, в полной надежде, что я проболтаюсь. Передаю вам поручение совершенно в том виде, в каком передала бы его горничная, и вы по чистой совести можете сказать ей это. Не предлагайте мне никаких вопросов больше.

— Еще только один: дело идет об Овиде?

— Нет.

— Ну, в таком случае тетя может и подождать. Садитесь. Мне так хочется поговорить с вами!

— О чем?

— Ну, конечно, об Овиде.

И взор, и тон голоса Кармины успокоили мисс Минерву. Значит, она вчера своим поведением не возбудила ревнивых подозрений невинной соперницы. Она, однако, отказалась от предложенного стула.

— Я ведь сказала вам, что тетка ваша рассержена, — сказала она. — Сейчас же идите к ней!

Кармина встала весьма неохотно.

— Мне так многое хотелось сказать вам, — начала она, но была остановлена торопливым стуком в дверь.

Кто-нибудь, вероятно, очень спешил. Это оказалась скромная, безукоризненная Мария. Она вежливо извинилась перед Карминой и с огорчением обратилась к мисс Минерве.

— К сожалению, я должна вам сказать, что вы нужны в классной комнате: мистер Ле-Френк не может справиться с Зо. Ах, Господи!

Она вздохнула о пороках своей сестры и остановилась в ожидании распоряжений.

Мисс Минерва очень обрадовалась, что ее зовут. Чистосердечное приветствие Кармины страшным образом раздражило ее. Она бесилась на себя за это раздражение и чувствовала, что она способна разбранить девушку за то, что та доверилась ей. «Дурочка, неужели ты не раскусишь меня? Зачем не напишешь ты тому дураку, что влюблен в тебя, что я ненавижу вас обоих?» Не владей она собой, она сказала бы все это. Появление Марии было в высшей степени кстати.

— Скажите, что я сейчас приду, — отвечала она.

Мария присела самым грациозным образом. Сказав несколько прощальных слов, мисс Минерва хотела пойти вслед за нею. Кармина в дверях остановила ее.

— Не будьте строги к Зо, — сказала она.

— Я должна исполнять свою обязанность, — серьезно отвечала мисс Минерва.

— Ведь и мы шалили, когда были детьми, — говорила Кармина. — А она еще на днях была посажена на хлеб и на воду. Я так люблю Зо, да и кроме того... — она нерешительно посмотрела на мисс Минерву, — я не думаю, чтобы мистер Ле-Френк умел обходиться с детьми.

Это мнение возбудило любопытство гувернантки.

— Отчего вы это думаете? — спросила она.

— Прежде всего, душа моя, Ле-Френк так безобразен...

— Я думаю, вам лучше не высказывать этого вслух. Если он услышит это...

— Разве он тщеславен? Покойный отец мой говорил обыкновенно, что плохие музыканты все тщеславны.

— А вы считаете мистера Ле-Френка плохим музыкантом?

— Я? Конечно! Я слышала его на концерте. Его исполнение совершенно деревянное. Он играет как шарманка. Вот как он играет!

Она подбежала к фортепиано и начала передразнивать мистера Ле-Френка. Игра ее была остановлена стуком в дверь.

Мисс Минерва оставила дверь настежь, когда Кармина удержала ее. Она выглянула в коридор и увидела мистера Ле-Френка.

Его плешивая голова дрожала, а цветущая физиономия была бледна от сдерживаемого гнева.

— Маленький бесенок убежал! — сказал он и побежал вниз, точно не в состоянии был произнести еще что-либо.

— Неужели он слышал, что я сказала? — в смущении спросила Кармина.

— Он мог слышать только вашу игру.

Высказав такую успокоительную надежду, мисс Минерва в душе нисколько не сомневалась, что мистери Ле-Френку теперь вполне известно мнение о нем Кармины. Было понятно, что он сам пошел сообщить гувернантке о таком важном событии, как бегство Зо. Но непонятна была ярость, искажившая его лицо. Очевидно, тщеславный человек слышал, что он безобразен и что играет он как шарманка.

Они обе вышли вместе из комнаты. Кармина шла с тяжелым сердцем, мисс Минерва — очень довольная тем, что случилось.

Лакей избавил ее от труда обыскивать дом: он увидел, как Зо без шляпы убежала в сквер, и пошел за нею. Маленькая бунтовщица была заперта.

— Мне все равно, — говорила Зо, — я ненавижу мистера Ле-Френка.

Мисс Минерва была слишком занята своими собственными мыслями для того, чтобы обратить внимание на это обстоятельство, усиливающее вину. Ее занимало теперь только одно: разговор, состоявшийся в ту минуту между Карминой и ее теткой.

Удастся ли мистрис Галилей привести в исполнение свой план? Мистер Ле-Френк может согласиться, а может и не согласиться давать уроки Кармине. Одно было совершенно достоверно: он никогда не простит и не забудет — Кармина на всю жизнь приобрела себе врага.



XXIV

Июнь месяц приходил к концу.

Утром двадцать восьмого числа Кармина сидела у себя в комнате и писала ответ на письмо, полученное от Терезы. В своем ответе она перечисляла все домашние события, случившиеся за все время ее жизни под кровлей мистрис Галилей.

«Ты, верно, моя милая, сердисься на меня за мой последний ответ на твои грустные известия из Италии, — писала она. — В свое оправдание я могу сказать только одно: могу ли я слышать твои опасения насчет твоего мужа и не пожелать утешить тебя каким-нибудь приятным известием о себе? Много-много думала я о тебе и села было за письмо, но мне стало так скучно, что я опять встала. Теперь я повеселее, моя старушка, потому что счастливее: я получила письмо от Овида.

Он счастливо прибыл в Квебек и уже чувствует себя значительно лучше. Ты представить себе не можешь, как хорошо, как нежно он пишет! Читая его письмо, я сдружилась с мыслью о разлуке с ним. Из этого ты можешь заключить, как я буду счастлива с таким хорошим человеком.

Ах, моя старая няня, я вижу, что ты остановилась и перечитываешь мое письмо и ногтем подчеркиваешь слово «счастлива»; я слышу, как ты говоришь: «Так она очень несчастлива там, в Англии? И не виновата ли в этом тетка Галилей?» Да! Это так! Я могу признаться тебе в том, чего ни за что на свете не написала бы Овиду: тетя Галилей действительно суровая, очень суровая женщина.

Ты, верно, помнишь, как ты, по своему обыкновению, прямо и резко говорила мне, что мистер Ле-Френк

на вид негодяй? Я не знаю, точно ли он негодяй, но знаю, что из-за него тетка на меня сердится.

Это случилось три недели тому назад.

Она прислала за мною и сказала мне, что мне надо доканчивать свое образование и в особенности позаботиться о музыке. Я была от души рада этому и прямо ей это сказала. Она отвечала мне, что уже выбрала мне учителя музыки, и затем, к немалому моему удивлению, назвала мистера Ле-Френка, который учит ее детей! У меня очень много недостатков, но все-таки, благодаря своему итальянскому учителю музыки, я могу сказать, что играю лучше мистера Ле-Френка.

Я слова не пикнула об этом тетке. Это было бы невежливо и бесполезно. Она не понимает и не любит музыку.

Таким образом мы расстались друзьями, и она в тот же вечер послала приглашение учителю. На следующий день она получила ответ. Мистер Ле-Френк отказывался учить меня музыке — и отказывался после того, как сам предложил давать мне уроки, о чем писал тетке! Когда его спросили о причинах, то он только извинился тем, что свободное время, остававшееся у него прежде, в настоящую минуту уже занято другой ученицей. Истинная же причина его отказа заключается в том, что он слышал мой отзыв о нем — весьма неосторожный, я не отрицаю, — что он безобразен и дурной пианист. Он человек лживый и мстительный, скажешь ты, и, может быть, будешь права. Но главное заключается в том, что вследствие этого тетка переменялась ко мне. Если бы я помешала исполнению самой заветной мечты ее жизни, то и в таком случае она не могла бы относиться ко мне с большей холодностью и жестокостью. Она не начинала более разговора о моем образовании. Мы встречаемся

только в столовой за едой, и она обращается со мною, как с лицом для нее совершенно чужим. Ее ледяная вежливость невыносима. И эта женщина — мать моего дорогого Овида!

Ограничиваются ли этим мои бедствия? Нет, Тереза, вовсе не ограничиваются. Ах, моя милая, как бы я желала быть с тобою в Италии!

Ты в письмах своих постоянно повторяешь мне, что не веришь в дружбу мисс Минервы ко мне. Но не забывай, даже если я не права, как одинока я в доме мистрис Галилей! Я могу играть с милой маленькой Зо, но с кем же мне поговорить, кому довериться, если бы оказалось, что и мисс Минерва обманывает меня? Прежде одну мысль об этом я считала страшным оскорблением для своего друга. Но теперь я немного изменила свое мнение.

Мой добрый старый друг, у тебя есть предрассудки, но ты высказываешься прямо, откровенно, и с кем же другим могу я посоветоваться! Не с Овидом же! Более всего в жизни желаю я избавить его от беспокойства обо мне. Да и, кроме того, я восставала против его мнения о мисс Минерве и довела его до того, что он стал лучше о ней думать. Неужели он был прав и неужели ты права, а я одна не права?..

Мисс Минерва начала изменяться ко мне с тех пор, как я сделала вещь, которая в сущности могла только сблизить нас. Она получает от тетки самое жалкое вознаграждение, и у нее есть небольшие долги. Когда она мне в этом призналась, я поспешила от души предложить ей уплатить по ее счетам — совершенные пустяки, какие-то тридцать фунтов. И как ты думаешь, что она сделала? Она скомкала деньги в руке и вышла из комнаты с такой злобой, точно я жестоко оскорбила ее; весь следующий день

она избегала меня. На третий день я сама пошла к ней в комнату и спросила, что с нею. Она дала мне самый странный ответ. «Я еще не знаю, — сказала она, — кого из нас двоих ненавижу я более: себя или вас. Себя за то, что заняла у вас деньги, а вас за то, что вы предложили мне их». Я ушла от нее не оскорбленная, а только смущенная. Не ранее как через час она пришла извиниться передо мною. «Я нездорова и несчастна», — только сказала она. Действительно, у нее был такой жалкий вид, что я тотчас же извинила ее. Разве ты на моем месте не сделала бы того же самого?

Это было две недели тому назад. Вчера между нами снова произошла сцена, еще больше поколебавшая мое расположение с ней. Я до сих пор не могу понять ее.

В письме Овида была приписка к ней в самых дружеских выражениях. Он с благодарностью припоминал ее милое обращение, данное ему на прощанье; он высказывал уверенность, что она употребила все силы, чтобы я не очень скучала в его отсутствие. Я с гордостью и с радостью отправилась к ней в комнату сама и прочла ей приписку.

Тебе никак не угадать, как она приняла это послание. Да и никому, решительно никому не угадать этого.

Она пришла в совершенную ярость! Не только на меня (что, конечно, я простила бы), но и на Овида (что уж вовсе непростительно). «Как смеет он писать вам, — закричала она, — о том, что я говорила ему, когда мы прощались? И как смее вы являться сюда и читать это мне? Что мне за дело до вас в его отсутствие! Какие могут иметь последствия для меня его память обо мне и благодарность!» Она говорила о нем с такой яростью, что возмутила меня. Я сказала ей: «Вы отвратительная

женщина, и извинить вас можно только потому, что вы сумасшедшая!» Я вышла из комнаты... и, кажется, даже хлопнула дверь. С тех пор мы с нею не видались. Напиши мне свое мнение об этом, Тереза. Я была страшно взбешена, когда сказала ей, что она сумасшедшая; но разве я была не права?

Ты спрашиваешь, не сделала ли я новых знакомств.

Я познакомилась с такой милой женщиной, какой еще в жизни не встречала. И как ты думаешь, кто бы это мог быть? Моя тетка, младшая сестра мистрис Галилей, леди Норзлэк! Говорят, что когда они были молоды, она была не так хороша, как мистрис Галилей. Я, со своей стороны, могу только сказать, что между ними и сравнения быть не может. Во взгляде, голосе, манерах леди Норзлэк есть что-то до такой степени привлекательное, что я даже описать не могу. Отец мой говорил, что она кротка и уступчива и находится в полном подчинении мужа. Пробыв только десять минут с леди Норзлэк, я готова была отдать все на свете, только бы находиться под опекою у нее.

Она приезжала проститься перед отъездом из Лондона; тетки не было дома. Мы долго-долго по душам разговаривали. Она так мило приглашала меня приехать к ней в Шотландию и познакомиться с ее мужем, что я приняла приглашение от души.

Когда тетя вернулась, я совершенно забыла, что мы с нею в дурных отношениях, и с восторгом рассказала о том, как познакомилась с ее сестрой. Как ты думаешь, что она отвечала мне? Она положительно отказалась пустить меня в Шотландию.

Придя немного в себя от изумления, я спросила у нее о причине. «Я твоя опекунша, — сказала она, — и действую по своему усмотрению. Я полагаю, что тебе следует остаться у меня».

Я не стала говорить более. Жестокость моей тетки заставила меня вспомнить о доброте моего покойного отца. Я едва могла удержаться от слез.

Думая об этом потом, я пришла к заключению, что она, вероятно, имеет намерение взять меня куда-нибудь с собой (так как теперь все уезжают из города). Мистер Галилей, по-прежнему ко мне расположенный, полагал то же самое и обещал покатать меня по морю. Но, к немалому удивлению всех, она не выказывает никакого намерения уехать из Лондона. Даже прислуга спрашивает, что бы это могло значить.

Это мое письмо полно жалоб. Вместо того, чтобы утешать, я только огорчаю тебя. Моя милая, старая няня, тревожиться тебе нечего. В самую горькую минуту мне стоит только вспомнить об Овиде, и я нахожу в себе достаточно сил, чтобы перенести что угодно.

Могу я попросить тебя об одном одолжении? Англичанин, приобретший наш старый дом в Риме, верно, не воспротивится тому, чтобы ты взяла несколько цветочков из моего прежнего сада. Прошли их мне в твоём следующем письме».

## XXV

Двенадцатого августа Кармина снова получила известие от Овида из Монреаля. Вот что писал между прочим Овид:

«Я завел здесь новое знакомство — с мистером Морфью. Вчера вечером он был так добр, что пригласил меня к себе на музыкальный вечер. Он врач, но в свободное время забавляется игрою на виолончели. Вместе с товарищами по музыке он угощает своих знакомых разными квартетами. Я провел чудный вечер, моя

дорогая. Слушая музыку? Нет, я не слышал ни единой нотки, но думал о вас.

Не возбудил ли я этим вашего любопытства? Я точно вижу, как сверкают ваши глаза, и точно слышу, как вы приказываете мне рассказывать далее.

Я вспомнил, что музыка составляет единственное удовольствие в вашей жизни. До своего приезда мне следовало бы помнить это и сказать вам, что распорядитель осенних концертов в опере — мой старинный приятель. Он с удовольствием будет предоставлять в ваше распоряжение ложу всякий раз, как вам захочется ехать; забывчивость свою я уже исправил, и с этой же почтой написал ему об этом. Мисс Минерва, наверное, будет ездить с вами в театр. Если мистер Ле-Френк (наверное, имеющий даровое место) придет к вам в ложу засвидетельствовать свое почтение, то посоветуйте ему прикрыть свою лысую голову париком и посмотрите, не придает ли ему хоть это вид честного человека.

Теперь, милая моя Кармина, я должен вам рассказать нечто более серьезное, чем путевые приключения, — должен признаться кое в чем. Дело в том, что в Монреале мне пришлось практиковать.

Не знаю, простите ли вы мне, если узнаете все обстоятельства. Это печальная история, но я думаю, что она ради меня заинтересует вас. С тех пор как вы в счастливейший день моей жизни сделали мне признание, сказали, что любите меня, я стал тщеславным человеком.

Посмотрите на первую страничку моего письма и вы увидите, что я познакомился в Канаде с мистером Морфью. Я познакомился с ним по рекомендательному письму, данному мне доктором Бенджулиа.

О том, что я вам напишу теперь, не рассказывайте никому — и в особенности ни слова Бенджулиа, если вам придется видаться с ним. Я надеюсь, впрочем, что вы не увидите его. Он человек жесткий и может сказать вам что-нибудь неприятное, если узнает о результате его рекомендации и моего знакомства с его другом.

Мистер Морфью достойный, трудолюбивый старик, идущий рутинным путем и преимущественно помогающий юным канадцам появляться на свет Божий. Как раз в то время, когда я только что познакомился с ним, помощь его кому-то понадобилась. Он должен был уехать на другой день после музыкального вечера, когда я был приглашен к нему обедать. Я был единственным гостем, и со мной осталась его жена.

Добрая леди заговорила о Бенджулиа. Она просто-напросто заявила, что он скотина, и показала его рекомендательное письмо (запечатанное им самим), как доказательство. Хотите знать, что было в нем написано? Вот что: «Человек, который вручит вам это письмо, — заработавшийся доктор по имени Овид Вер. Ему нужны отдых и хороший воздух. Не поощряйте его на какую-нибудь головную работу и доставьте поскорее нужные сведения, чтобы он уехал в канадские пустыни». Из этого вы можете понять, что гостеприимным приемом я обязан только себе и вследствие него остался в Монреале.

Теперь возвращусь к своему рассказу. Не прошло и десяти минут после того, как мистер Морфью вышел из дому, за ним явился посол. На этот раз больной был мужчина, и посланный заявил, что он умирает.

Мистрис Морфью, по-видимому, растерялась и не знала, что ей делать.



«В настоящем случае, — сказала она, — смерть есть благодеяние. Но меня тревожит мысль об одиночестве этого человека. У постели его не будет живой души в последние минуты его жизни».

Услышав это, я начал расспрашивать о больном. Мне нарисовали грустную картину бедности и страданий, и я так живо припомнил один случай из своей собственной практики, что забыл о своей болезни и предложил пойти вместо мистера Морфью.

Посланный привел меня в беднейший квартал города, в лачугу самого ужасного вида. Больной лежал на полу, на матрасе, совершенно один. Чем он был болен — вам знать не интересно. Скажу только, что всякий, кроме врача, убежал бы из этой комнаты. Спасти его возможности не было. Я мог только успокоить на несколько дней его страдания и облегчить неизбежный момент смерти.

К моему следующему визиту он мог уже говорить.

Я узнал, что он мой собрат по профессии, мулат из Южной Америки. Единственным роковым событием его жизни был его брак. Все скверное, что может сделать дурная женщина, сделала его жена, и тем не менее любовь его к ней не уменьшилась. Она опозорила и разорила его. Он постоянно прощал ей и прощал при обстоятельствах, не только лишавших его самоуважения, но и уважения его лучших друзей. В последний раз, когда она ушла от него, он последовал за нею в Монреаль. В порыве опьянения она самоубийством избавила его от себя. Смерть ее свела его с ума. Когда он вышел из дома умалишенных, то употребил свои последние средства на постановку памятника на ее могиле. Пока силы позволяли ему, он ежедневно ходил к ней на могилу. И теперь, когда тень смерти уже явилась ему,

он хотел жить и просил меня спасти его, боясь, что без него забудется его жена. «Некому будет заботиться о ее могиле, когда меня не станет», — говорил он.

Дорогая моя, я всегда и прежде с любовью вспоминал о вас. Но когда я услышал этот грустный рассказ, сердце мое переполнилось благодарностью к Господу за то, что он послал мне Кармину.

Вчера он умер. Последние слова его были просьбой похоронить его в той же могиле, где погребена женщина, обесчестившая его. Конечно, я исполню его последнее желание.

Накануне того дня, в который он умер, он просил меня открыть старый чемодан — буквально единственную вещь, имеющуюся у него. У него не осталось ни денег, ни платья. В углу чемодана лежал сверток бумаги, перевязанный веревкой, — вот и все.

«Вознаградить вас я могу только одним, — сказал он. — Возьмите мою книгу».

Он был уже слишком слаб, чтобы сказать мне, что это была за книга, или же высказать какое-нибудь желание по поводу ее публикации. К стыду моему должен признаться, что я не придал ни малейшего значения рукописи и смотрел на нее как на воспоминание о печальном приключении в моей жизни. Проснувшись сегодня утром раньше обыкновенного, я развернул рукопись и в первый раз взглянул на нее.

К немалому моему удивлению, я увидел, что я вознагражден за свой незначительный труд во сто раз более чем следовало. Несчастный человек, очевидно, обладал такими способностями, что при другой обстановке и при других обстоятельствах он стал бы в ряду первых врачей нашего времени. Язык, каким написана рукопись, местами не совсем ясен, но этот человек и положительно

он один разрешил задачу лечения некоторых болезней мозга, до сих пор приводящих в отчаяние врачей всего образованного света.

Если бы в настоящую минуту кто-нибудь мог прочесть мое письмо, то он, наверное, сказал бы, что я оригинальный жених, пишущий своей невесте точно товарищу по медицине. Но мы понимаем друг друга, Кармина, не так ли? Моя будущая карьера не может не интересовать мою будущую жену. Благодарность покойника открыла мне новые надежды, а кому же это приятнее слышать, как не вам?

Прежде чем закончить письмо, я, конечно, должен сказать что-нибудь о своем здоровье. Иногда я чувствую себя настолько здоровым, что готов взять каюту на первом пароходе и отправиться в Ливерпуль. Но бывают дни, — в особенности если я чересчур устаю от гулянья пешком и езды, — когда я сознаю, что еще болен и должен лечиться. Из Монреаля я отправлюсь в глубь страны, в необозримые долины и леса. Когда ядохну живительным воздухом тех мест, я буду в состоянии окончательно написать о том блаженном дне, который соединит нас навсегда.

Мать моя, надеюсь, дала свой обычный вечер в конце сезона. Напишите мне, какое произвели на вас впечатление наши ученые, и позвольте мне дать вам совет: если вы встретитесь в обществе с серьезным человеком, имеющим такой вид, как будто он ждет, чтобы сфотографировали, — можете быть уверены, что это профессор.

Я надеюсь, что вы находитесь в хороших отношениях с моей матерью. Вы обе в своих письмах ко мне так мало говорите друг о друге, что я начинаю бояться, нет ли между вами недоразумений. Кроме того, в нашей

переписке меня удивляет еще одно обстоятельство. Я всегда посылаю разные приветствия мисс Минерве, а мисс Минерва не посылает мне никаких. Или вы забываете передать их, или друг ваш чувствует ко мне полное равнодушие...

Я получил последние известия о вас от Зо. Она прислала мне письмо в одном из конвертов, которые я дал ей на прощанье. Волосы мисс Минервы встали бы дыбом, если бы она увидела ее каракульки. Рассказ Зо о семейных делах, переданный настоящим английским языком, наверное, заинтересует вас. Отчет ее очень короток: «Кроме папы и Кармины все у нас гадкие». Далее письмо читать не стоит.

Примите мои поцелуи, для которых я оставил белую страничку в моем письме, и любите меня столько же, сколько я люблю вас. В этих простых словах заключается много значения, Кармина. Ах, если б я мог поехать к вам с первым пароходом вместо этого письма!»

## XXVI

В письме к Овиду Кармины не было ответов на его вопросы. Ее положение в доме мистрис Галилей с каждым днем становилось все ужаснее и ужаснее. Оно предвещало новые недоразумения и неприятности, о чем она упоминала в своем письме к дуэнье в Италию. Она писала Терезе следующее:

«Если ты любишь меня, то забудь, как бессердечно отзывалась я о мисс Минерве!»

После того как я написала тебе, я готова была вернуть свое письмо, если бы это было возможно. В тот же вечер мне стало стыдно того, что я в сердцах сказала ей. С приближением ночи я стала совсем несчастной и, рискуя

быть скверно принятой, снова пошла к ней. Она, по-видимому, была по-прежнему не в духе. В голосе ее, когда она спросила, что мне нужно, слышались слезы, хотя она далеко не походит на особу, способную плакать.

Я высказала ей, как умела, свое раскаяние и сожаление. Что я говорила ей, теперь не помню; но я была сконфужена и испугана — и в таких случаях я всегда глупа. Попытка моя помириться с нею, может быть, была сделана и неловко, но все-таки она ясно видела, что я не имела намерения обманывать и сердить ее.

Свеча стояла на столе позади меня. Она схватила ее, поднесла к моему лицу и стала меня рассматривать, как нечто неслыханное и невиданное. «Вы немногим лучше ребенка, — сказала она. — Я в десять раз сильнее вас характером, но что же такое есть в вас, против чего я не могу устоять? Уходите от меня! Берегитесь меня! Я коварна, подозрительна, зла. Ах вы простота! Неужели инстинкт не предостерегает вас против меня? Неужели ничто в вас не восстает против меня?»

Она поставила свечу на стол и разразилась насмешливым хохотом.

«Вот она стоит тут! — вскричала странная девушка. — И смотрит на меня глазами новорожденного младенца, увидавшего новый для него предмет. Я не могу испугать ее! Я не могу внушить ей отвращение! Что это значит?»

Она опустилась на стул и голос ее понизился до шепота — я готова была подумать, что она боялась меня, если бы только это было возможно.

«Что вы усматриваете во мне такого, чего я сама не знаю?» — спросила она.

Я совершенно не понимала того, что она говорила. Я взяла стул и подсела к ней.

«Я знаю только то, что вы сказали мне вчера», — отвечала я.

«Что я сказала?»

«Что вы несчастны».

«Я солгала. Верьте только тому, что я сказала вам сегодня. В ваших собственных интересах верьте в это!»

«Ничто не заставит меня верить в это. Нет! — сказала я. — Вчера вы были несчастны и несчастны сегодня. Вот это правда!»

Что заставляло меня сказать последние слова, я не знаю, но я их сказала.

«У вас лежит какой-то гнет на душе, — продолжала я. — Если бы я могла избавить вас от него или же помочь вам нести его... Скажите мне, что с вами?»

Я ждала ответа, но напрасно: она даже не взглянула на меня.

«Вы влюблены?» — спросила я.

Она так быстро вскочила со стула, что опрокинула его на пол. С ее уст не слетело ни одного слова. У меня достало храбрости продолжать расспросы, но недостало храбрости взглянуть на нее.

«Я люблю Овида, и Овид любит меня, — сказала я. — В каком бы горе я ни была, я нахожу в этом себе утешение. Разве вы не знаете такого счастья?»

Она повернулась ко мне спиной и подошла к туалету. Мне кажется, она смотрелась в зеркало. Потом она быстро отошла от туалета, опять взяла свечу и снова осветила мне лицо.

«Угадajte, кого я люблю?» — сказала она.

«Почем же я знаю?» — ответила я.

Она спокойно поставила свечу на место. Мне показалось, что я совершенно непонятным для меня образом

успокоила ее. Она заговорила со мной совсем иначе, ласково и печально.

«Вы самая хорошая из хороших девушек и добрая душа. Но все равно, сделать вы ничего не можете. Забудьте мою вчерашнюю дерзость; я обезумела от зависти, что вы так счастливо выходите замуж. Вам не понять такого характера, как мой. Тем лучше! Да, тем лучше! Ну, покойной ночи».

В этих словах слышалась такая безнадежная покорность перед судьбой, что у меня не хватило духа уйти от нее. Я подумала, как бы я стала поступать и что бы наговорила, если бы Овид не любил меня. Все, что пора- жало и сердило меня в ней, стало мне теперь совершенно ясным. Что мне было делать, чтобы приободрить ее? Твое последнее письмо с письмом священника было у меня в кармане. Я вынула его.

«Не прочтете ли вы коротенькое письмо, — сказала я, — прежде чем мы разойдемся спать?»

Я подала ей письмо священника.

Она кинула на меня мрачный взор, точно заподозрив что-то.

«Чье это письмо?» — резко спросила она.

«Совершенно незнакомого вам человека».

Лицо ее тотчас же просияло. Она взяла письмо и ждала, что я скажу.

«Написавший это письмо, — сказала я, — умный и добрый старик-священник, венчавший моего отца и мою мать и крестивший меня. Все мы обыкновенно в трудных обстоятельствах обращались за советом к отцу Патрицио. Няня моя Тереза беспокоилась обо мне во время отсутствия Овида; она говорила ему о моем заточении... — простите, что я выражаюсь так! — в этом доме и сказала, что она беспокоится обо мне. Он

ответил, что подумает и потом скажет свое мнение. На следующий день он прислал мне письмо, которое вы держите теперь в руке...»

Тут я остановилась, желая сказать кое-что и не зная как выразиться поделикатнее.

«Зачем вы хотите, чтобы я прочла письмо?» — спокойно спросила она.

«Мне думается, что оно могло бы...»

И тут я опять замолчала, как дура. Она терпеливо слушала меня и только знаком просила продолжать.

«Мне думается, что письмо отца Патрицио могло бы успокоить вас, — сказала я. — Оно не даст вам прийти в отчаяние».

Она села на прежнее место и стала читать письмо:

«Тереза, мой дорогой друг, я думал много о том, что так встревожит вас. Я уже сорок лет занимаю положение священника, и в это время мне доверили свои тайны тысячи людей. Из своих наблюдений я вывел много полезных заключений, которые могут быть полезными и вам. Мнение свое я вам скажу прямо, а вы со своей стороны примите его в соображение. Мужчина улучшается вследствие различных влияний. Женщина же улучшается преимущественно под влиянием любви. Вы, может быть, удивляетесь, что священник пишет так? Вы ждали, что я скажу — под влиянием религии? Любовь, сестра моя, есть религия женщин. Она открывает их сердца для всего хорошего. Даже дурная женщина, терзаемая безнадежною любовью, становится все-таки вследствие этой любви и лучше, и благороднее и когда-нибудь при случае покажет это. Вы боитесь за Кармину, брошенную в среду чужих, суровых людей. Я говорю вам, что бояться нечего. Она, может быть, будет страдать,



но сила для того, чтобы оправиться, находится в ней самой, и сила эта — любовь».

Прочитав письмо нашего старого друга, мисс Минерва передала мне его назад.

«Одно место из него я запомнила наизусть», — сказала она.

Ты сама, вероятно, угадала, какое место она выучила наизусть. Я успокоилась, увидав в ней перемену к лучшему, — я была так счастлива, убедившись, что мы по-прежнему друзья, что наклонилась поцеловать ее.

Она протянула руку и остановила меня.

«Нет, — сказала она, — подождите, пока я чем-нибудь не заслужу этого. Вы более, чем думаете, нуждаетесь в помощи. Погодите немного, я вам скажу кое-что о вашей тетке».

Я немного удивилась и вернулась к своему стулу. Она смотрела на меня в задумчивости и, по-видимому, обдумывала то, что хотела сказать. Я не мешала ей. Ночь была тихая и темная. С улицы не доносилось до нас ни единого звука. В доме же тишина нарушалась шагами по лестнице. Шаги все приближались. Вдруг дверь отворилась и мистрис Галилей вошла в комнату.

Что со мной сделалось? Чего я так испугалась? Не знаю! Но я никак не могла удержаться и вскрикнула. Тетка прямо подошла ко мне, не обращая ни малейшего внимания на мисс Минерву.

«Что ты тут делаешь в то время, когда тебе следовало бы уже спать?» — спросила она.

Она сказала это таким повелительным тоном, с таким гневом, что я с удивлением посмотрела на нее. Она, по-видимому, что-то заподозрила, застав меня с мисс Минервой.

«Довольно болтать! — строго сказала она. — Слышишь? Иди спать!»

Разве этого было недостаточно, чтобы взбесить кого угодно? Я вся вспыхнула.

«Разве я ребенок или служанка? — сказала я. — Я пойду спать, когда мне будет угодно».

Она шагнула ко мне, схватила меня за руку и заставила встать. Тереза! Во всю мою жизнь никто до меня пальцем не дотронулся иначе как с ласкою. Тебе это знать лучше других! Я слова не могла произнести — я только видела, что мисс Минерва встала, и слышала, как она сказала: «Мистрис Галилей, вы забываетесь!» Я вышла из комнаты, не помня себя. В коридоре нервная дрожь так овладела мною, что я не могла идти и опустилась на ступеньку. Мне было слышно все, что происходило в комнате мисс Минервы.

«Вы, кажется, сказали мне, что я забываюсь?» — говорила мистрис Галилей.

Мисс Минерва отвечала:

«Конечно, сударыня. Вы забылись».

Следующих фраз я не слыхала, пока голоса не стали раздаваться громче и громче, и тетка проговорила:

«Я недовольна вашим обращением со мной, мисс Минерва. В последнее время вы переменились к худшему».

«В каком отношении, мистрис Галилей?»

«А вот в каком: вы начинаете говорить со мною, как с равной...»

«Позвольте, сударыня! Я не так богата, как вы, но в другом отношении я не думаю, чтобы не была с вами равной. Может быть, ваше превосходство вы основываете на том, что входите в мою комнату не спросясь?»

«Мисс Минерва! Угодно вам служить у меня?»

«Не угодно ли вам сказать, мистрис Галилей: заниматься? Мне это решительно все равно. Я готова и остаться, и уйти».

Голос мистрис Галилей послышался ближе, точно она подходила к двери.

«Мне помнится, что мы условились, — сказала она, — когда я нанимала вас, предупредить об отказе и с той, и с другой стороны за месяц?»

«Да... по моему требованию».

«Примите отказ за месяц».

«С завтрашнего числа?»

«Разумеется».

Тетка вышла из комнаты и застала меня на лестнице. Я пробовала встать, но не могла. Голова у меня кружилась. Она, конечно, видела, в каком я находилась положении, но не обратила на это ни малейшего внимания. Жестокая, жестокая женщина! Она еще обвинила меня в подслушивании...

«Разве вы не видите, что бедной девочке дурно?»

Это был голос мисс Минервы. Она подошла, обвила меня руками и нежно подняла.

«Я позабочусь о вас», — шепнула она и, как ребенка, понесла меня вниз в мою комнату.

Мне надо отдохнуть, Тереза. От одного воспоминания об этом ужасном вечере мне становится нехорошо. Не тревожься обо мне, моя старушка! Завтра напишу тебе опять».

## XXVII

На следующий день Кармина продолжала свое письмо к Терезе.

«Не спрашивай, — писала она, — как я провела ночь. Утром прежде всех пришла ко мне мисс Минерва. Не успела она сказать нескольких слов, как разговор наш был прерван Марией, которая пришла напомнить гувернантке об утреннем уроке.

«Ее прислала мистрис Галилей, — прошептала мисс Минерва, — я вернусь к вам перед детским обедом».

Вслед за нею, как мы и ожидали, появилась мистрис Галилей.

Она принесла мне чашку чаю и прежде всего начала объяснять мне свое поведение прошлой ночи. Она оправдывалась тем, что «заботы совершенно расстроили ее». И поверишь ли, она просила меня не упоминать «об этом небольшом между нами недоразумении», когда я буду писать ее сыну... Когда она ушла, явился мистер Галилей с доктором, мистером Ноэлем. Последний, осмотрев меня, объявил, как мне передавала потом мисс Минерва, что я чуть было не схватила нервную горячку, и велел исполнять мои малейшие желания.

«Если бы он этого не сказал, то мистрис Галилей не позволила бы мне прийти к вам, — прибавила мисс Минерва. — Она ненавидит меня настолько же, как и вас».

Ты спросишь, как спросила я, какая может быть причина ненависти тетки ко мне. Мисс Минерва утверждает, что причина тут — деньги.

«Мистрис Галилей, — сказала она, — тянется во всем за своей сестрой, леди Норзлэк. Леди живет в фешенебельной части Лондона, держит хороший экипаж и превосходных лошадей, и мистрис Галилей во всем подражает ей. Рассчитайте-ка, что стоит содержание этого дома, экипажей и лошадей, когда на одни конюшни идет более ста фунтов в год. У леди Норзлэк чудный замок в Шотландии. Мистрис Галилей не в состоянии

соперничать со своей сестрой в этом отношении. Но зато у нее есть вила на острове Уайт. Когда мистер Галилей предложил покатать вас нынешней осенью по морю, так неужели вы думали, что он предполагал нанять яхту? Нет, он говорил о яхте, находящейся при их даче. Леди Норзлэк катается на яхте со своим мужем, и мистрис Галилей тоже ездит на яхте со своим мужем. Знаете ли вы, что стоит туалет дамы, которую одевает первый парижский портной? У этого портного нет туалета из самой простой материи, дешевле сорока фунтов. Подумайте немного, и вы увидите, несмотря на всю ваше неопытность, что хозяйка этого дома тратит более, чем получает, и рано или поздно дойдет до денежного кризиса, если только у нее нет источников, нам неизвестных».

Для меня это было совершенной новостью. Но я все-таки никак не могла понять, какое может быть отношение между мотовством мистрис Галилей и ее нежеланием позволить сыну жениться на мне. На это мисс Минерва отвечала мне советом попросить у мистера Муля копию завещания моего отца.

«Я сама отправлю к нему письмо, — сказала она, — и сама принесу ответ. Почтовому ящику внизу в сенях нельзя доверяться».

Через минуту письмо было написано, и лишь только я вручила его мисс Минерве, как горничная пришла доложить, что обед детям подан.

Через два часа ответ был у меня в руках. Письмо мистера Муля было в высшей степени ласковое, но с совершенно непонятным для нас окончанием, где он упоминал о «засвидетельствовании духовного завещания в суде» и говорил о каком-то «Лондонском обществе докторов прав». Но тем не менее к письму была приложена копия, чего мы только и желали.

Я начала читать завещание и пожалела людей, которым приходится изучать законы. Дорогая Тереза, мне казалось, что я читаю на неизвестном мне языке. Неизвестные слова, беспрестанные повторения, отсутствие запятых приводили меня в отчаяние. Я передала завещание мисс Минерве. Вместо того чтобы начать читать с первой страницы, она начала с конца завещания. С каким интересом наблюдала я ее лицо! Вдруг она побледнела и, подняв на меня глаза, сказала:

«Не пугайтесь!»

Но я уже испугалась. Мое воображение нарисовало мне, что завещанием дана мистрис Галилей страшная власть надо мною.

«Что тетка может со мной сделать?» — спросила я.

Мисс Минерва успокоила меня, не скрывая, однако же, истины.

«В ее положении, Кармина, и при ее холодном и эгоистичном характере никак нельзя бояться, чтобы она употребила какие-нибудь насильственные средства для достижения своих целей. Опасность грозит вашему счастью — и опасность значительная».

Когда она упомянула об опасности, я, конечно, тотчас же подумала об Овиде. Я спросила, не говорится ли в завещании что-либо о нем.

Конечно, глупо было предлагать такой вопрос, и мисс Минерве, по-видимому, стало досадно.

«В завещании говорится только о вас, — резко отвечала она. — В интересах мистрис Галилей очень важно, чтобы вы никогда не сделали женою ее сына или кого-либо другого. Если ей удастся достигнуть своей цели, то вы до самой своей смерти останетесь незамужней женщиной. Если вы умрете, не оставив детей, то в силу завещания все ваше состояние должно перейти

к мистрис Галилей и ее дочерям. Основываясь на логических законах мы можем рассчитывать, что вы переживете вашу тетку. Но Мария и Зо переживут вас. Предположим, что у вашей тетки есть средства, нам неизвестные; но все-таки для нее очень важно не допустить вас до замужества. Если ее дочери получают ваше состояние, то они будут не беднее детей леди Норэлк. После того что я вам рассказала о чувстве зависти, испытываемом мистрис Галилей к ее сестре, надо ли мне прибавлять еще что-нибудь?»

Я от души поблагодарила ее.

Наступил час, когда дети обыкновенно пили чай. Мисс Минерва должна была идти к ним. Уходя, она поцеловала меня.

«Это тот поцелуй, который вы хотели дать мне вчера вечером, — сказала она. — Не приходите в отчаяние. Здесь я еще пробуду целый месяц и сумею раскрыть карты мистрис Галилей. Теперь нам говорить более нечего. Успокойтесь и постарайтесь уснуть».

Она вышла. Сон, конечно, не шел мне на ум. Я глубоко задумалась о своем положении. Ах, если бы я могла уехать к Овиду! Но он путешествует в просторах Канады. До возвращения его в Европу я могу адресовать свои письма только к его банкиру в Квебек. Если бы я поехала, я не сумела бы найти его, а если бы и нашла, то что это была бы за встреча! Я принуждена была бы признаться ему, что выжила меня его мать. Вот если бы мне удалось уехать к леди Норэлк, то он ничуть этим не встревожился. Если мне придется плохо, я убегу к ней.

Думая обо всем этом, я уснула. Было уже совершенно темно, когда я проснулась от звука зажигаемой спички. Я взглянула, рассчитывая увидеть мисс Минерву. Свечку зажигала мистрис Галилей.

Она налила микстуры, прописанной мистером Ноэлем, и присела у постели.

«Дитя мое, — начала она, — мы с тобой снова друзья. Я надеюсь, что ты не сердишься. Лучше ли тебе?»

«Да».

«Не надо ли тебе чего-нибудь?»

«Теперь ничего не надо».

«Не послать ли к тебе завтра опять мистера Ноэля?»

«Нет, не нужно!»

Даже такие короткие ответы произносить мне было трудно. Она, по-видимому, не оскорблялась и по-прежнему продолжала говорить ласково.

«Милая Кармина, характер у меня не очень хороший; кроме того, при моих занятиях я не могу быть приятной собеседницей для молодой девушки. Но я надеюсь, что ты веришь в мое желание быть тебе второй матерью?»

Она это сказала! Я чувствовала, что я задыхаюсь.

«Я желаю поговорить с тобой о мисс Минерве, — продолжала она. — Ты знаешь, вчера я ей сказала, что она может оставить нас. Ради тебя я жалею, что я не сделала этого до твоего приезда в Англию».

Я нашла твердость заявить, что считаю мисс Минерву своим лучшим другом.

«Милое дитя мое, это-то именно и огорчает меня! — воскликнула мистрис Галилей. — Мисс Минерва вкралась к тебе в доверие, которого она совершенно не стоит».

Могла ли я промолчать?

«Мистрис Галилей! — сказала я. — Вы жестоко оскорбляете женщину, которую я люблю и уважаю!»



«Мистрис Галилей? — повторила она. — Не мисс ли Минерве я обязана тем, что ты перестала называть меня тетей? Ну, в таком случае я скажу то, что должна была бы давно сказать тебе. Ты доверяешься своему жесточайшему врагу; врагу, который втайне ненавидит тебя непримиримой ненавистью соперницы...»

Я приподнялась на постели. Посмотри то письмо, в котором я писала тебе о том, что происходило между мисс Минервой и мною, когда я ходила к ней в комнату, и ты поймешь, что я почувствовала, когда услышала, что ее называли моей соперницей. Мое чувство справедливости отказывалось верить этому. Но, увы, дорогая моя няня, что-то в глубине души моей шептало мне, что это правда.

Мистрис Галилей без сожаления продолжала:

«Я знаю ее очень хорошо: я вижу ее насквозь, вижу ее лживое сердце. Никто кроме меня не раскусил ее. Скажи ей это, если хочешь, и посмотрим, станет ли она отпираться. Мисс Минерва тайно влюблена в моего сына».

Она встала.

«Обдумай то, что я сказала тебе. В своих интересах обдумай хорошенько».

Я осталась одна и тотчас же написала мисс Минерве такую записку:

«Вчера вечером, Френсез, я решилась спросить вас, не любите ли вы кого-нибудь, кто не отвечает на вашу любовь. Вы на мой вопрос отвечали вопросом: угадайте кого? Тетка моя сейчас сказала мне, что вы любите ее сына. Правду ли она сказала?»

Ответ мисс Минервы был таков:

«Мистрис Галилей сказала правду.

Каким образом могла я выдать себя, так что она узнала мою ужасную тайну, я понять не могу. Я не со-

зналась бы в этом ни ей и никому в мире, кроме вас. Хотя я этого и не заслужила, но я все-таки знаю, что могу довериться вам.

Бесполезно распространяться более об этом признании. Многое в моем образе действий, что, вероятно, казалось вам непонятным, теперь само собой объясняется. С моей стороны, есть еще одна вина, в которой я должна вам признаться.

Если бы мистрис Галилей доверилась мне, то я из чувства ревности унилась бы до того, что сделалась бы ее сообщницей. Но я не могла допустить, чтобы она делала из меня орудие для своих целей, не доверяя в то же время мне.

Кроме того, я должна признаться вам еще и в других слабостях, в которых у меня едва ли достаточно силы сознаться. Впрочем, лучше уж сказать все сразу... Я не стою вашего прощения, не стою даже вашего сожаления.

Нечего отпираться, Кармина, я люблю мистера Овида. Даже теперь, когда тайна моя открыта, я все-таки люблю его. Не доверяйтесь мне.

Господи! Какое мучение писать это, но я пишу и буду писать: не доверяйтесь мне.

В защиту себя я могу сказать только одно. Я знаю, как безнадежна та любовь, в которой я сознаюсь. Я знаю, что он любит вас взаимно и никогда не будет любить меня. Все это я знаю.

Я не молода; мне нечего убаюкивать себя надеждами, заведомо тщетными. Если кому-нибудь из нас надо страдать, то пусть будет страдать человек, привыкший к страданиям. Я никогда не была любимицей своих родителей, подобно вам; дома я не была приучена к ласкам и любви, о которых вспоминаете вы. Жизнь

без ласки и радости подготовила меня к будущности без любви. И кроме того, вы стоите его, а я — нет. Мистрис Галилей ошибается, Кармина, если думает, что я ваша соперница. Я не соперница ваша и никогда не могу быть вашей соперницей. Не верьте ничему более, но ради бога верьте этому!

Мне нечего более говорить. Может быть, вам неприятно будет оставаться в одном доме со мною? Дайте мне знать об этом, я готова — даже буду очень рада — уехать».

Так писала мисс Минерва. Ах, Тереза! Я чувствую, что это бедное раненое сердце имеет на меня некоторые права».

## XXVIII

Последние строчки письма Кармины к ее старой няне были написаны семнадцатого августа и отправлены на почту в тот же вечер.

Следующий день был достопамятным днем для Кармины и для мистрис Галилей. У доктора Бенджулиа тоже были причины помнить восемнадцатое августа.

Измывшая какой-нибудь способ подточить доверие, соединявшее Овида с Карминой, и ничего не найдя, мистрис Галилей провела бессонную ночь. Горничной, явившейся к ней в обычный час, было приказано уйти и не входить, пока не позвонят. Мистрис Галилей обыкновенно вставала к приходу почтальона и своими собственными руками разбирала полученные с почты письма, рассылая их затем всем членам семьи. В это же утро она пришла в столовую к завтраку часом позже, когда уже там никого не было. На столе лежали только письма, адресованные ей. Она вызвала горничную.

— Были сегодня еще письма? — спросила она.

— Два письма барину.

— А больше не было?

— Ничего больше, кроме телеграммы на имя мисс Кармины.

— Когда пришла телеграмма?

— Вскоре после писем.

— И вы отдали ее мисс Кармине?

— Так как это телеграмма, сударыня, то я полагала, что она должна была быть тотчас же отдана мисс Кармине.

— Совершенно верно. Можете отправляться.

Телеграмма Кармине! Не было ли у нее еще какой-нибудь частной переписки, и настолько интересной, что пришлось прибегать к телеграфной проволоке? Задавая себе такие вопросы, мистрис Галилей налила себе чашку чая и начала пересматривать свои письма.

Только одно из них обратило на себя ее внимание. То было письмо от Бенджулиа. Он писал:

«Я получил от одного канадского знакомого письмо об Овиде. В письме говорится о нем в очень лестных выражениях, которые я не вполне понимаю. Мне бы хотелось попросить у вас разъяснения, но я не могу выбрать времени, чтобы приехать к вам: мои опыты находятся в таком положении, что оставить их я никак не могу. У вас есть свои экипажи; вместо прогулки, приезжайте ко мне и привозите последние письма Овида».

Мистрис Галилей отложила решение вопроса: принять или не принять ей это предложение. Прежде всего ей надо было отправиться в комнату племянницы.

Кармина уже встала с постели. В широком белом капоте она лежала на диване у себя в гостиной. При

появлении тетки она вздрогнула. Это нервное движение осталось незамеченным мистрис Галилей: внимание ее было обращено на дорожный мешок, очевидно, приготовленный для укладки вещей. На коленях у Кармины лежала телеграмма. Отношение между этими двумя предметами казалось мистрис Галилей вполне ясным. Но на самом деле телеграмма остановила намерение Кармины покинуть дом ее тетки.

Мистрис Галилей начала разговор, предложив несколько самых обыкновенных вопросов. Как провела Кармина ночь? Позаботилась ли горничная относительно завтрака для нее? Не может ли мистрис Галилей быть ей чем-нибудь полезной? Потом, с улыбкой указывая на телеграмму, она спросила:

— Надеюсь, не дурные вести?

Кармина молча подала ей телеграмму. Деша была из Рима, от Терезы, такого содержания:

«Сегодня умер мой муж. На днях жди меня в Лондоне».

— Зачем же она едет в Лондон? — спросила мистрис Галилей.

— Она потеряла своего мужа. Неужели вы думаете, что ей можно жить вдали от единственной особы, которую она любит? — проговорила Кармина.

— Дорогая моя, я не понимаю этих сентиментальностей, — отвечала мистрис Галилей. — Из Италии до Англии дорога не дешева. Есть у нее средства?

— Она, бедняжка, скопила кое-что, служа у нас. Но это ничего не значит. Мой кошелек к ее услугам.

— Это очень великодушно с твоей стороны! Здесь дороги даже самые крошечные квартиры... Хотя, конечно, с твоей помощью, твоя старая няня может жить где-нибудь около тебя.

Решив таким образом вопрос о жизни Терезы в Лондоне, мистрис Галилей вернулась к первому предмету, возбуждавшему ее подозрение, — она взяла дорожный мешок.

Кармина посмотрела на нее с непритворным удивлением. Тереза была ее другом, товарищем; Тереза была принята как близкий ей человек, когда она впервые приехала в дом тетки. Она считала несомненным, что няня ее станет снова членом дома. Только по совету Терезы она согласилась жить с матерью Овида до его приезда. А теперь ей заявляли совершенно ясно, так ясно, что нельзя было не понять, что Тереза по приезде в Лондон должна искать себе пристанище. От удивления, досады и негодования Кармина не могла произнести ни слова.

— Эта вещь, — сказала мистрис Галилей, поднимая мешок, — только мешает здесь. Я велю убрать ее вместе с нашими чемоданами на чердак. Кстати замечу, что, мне кажется, ты не совсем понимаешь наши отношения. Дитя мое, власть твоего покойного отца над тобою перешла ко мне, твоей опекунше. Я надеюсь, что мне никогда не придется прибегать к ней, в особенности, если ты будешь настолько добра, что запомнишь две вещи; я желаю, чтобы ты советовалась со мною при выборе своих знакомых и спрашивала бы моего согласия, прежде чем предпринимать что-либо... например, то, для чего тебе нужен дорожный мешок.

Не дожидаясь ответа, она повернулась к двери. Отворив ее, она остановилась и заглянула назад в комнату.

— Думала ли ты о том, что я вчера говорила тебе? — спросила она.

У Кармины достало решимости ответить:

— Я постаралась забыть об этом!

— По желанию мисс Минервы?

Кармина не сочла нужным ответить на этот вопрос.

Мистрис Галилей продолжала:

— Виделась ли ты с мисс Минервой?

Ответа на это не последовало. Стараясь сохранить спокойствие, мистрис Галилей вышла на площадку и крикнула: «Мисс Минерва!» Гувернантка откликнулась с верхнего этажа.

— Сойдите, пожалуйста, сюда, — сказала мистрис Галилей.

Мисс Минерва повиновалась. Лицо ее было бледнее обыкновенного, глаза потеряли обычный блеск. После минутного колебания она переступила порог. Она бросила мимолетный взгляд на Кармину, и прежде чем та успела ответить на этот взгляд, опустила глаза. Мистрис Галилей не подметила никакого обмена взоров между ними. Она обратилась к гувернантке.

— Вы были уже здесь сегодня утром? — спросила она.

— Нет.

— Разве между вами и моей племянницей произошло охлаждение?

— Насколько мне известно, никакого.

— Так отчего же, войдя в комнату, вы не поздоровались с нею?

— Мисс Кармина нездорова. Я вижу, что она лежит на диване, и не хочу тревожить ее.

— Не хотите тревожить даже приветствием?

— Даже этим.

— Как вы заботливы, мисс Минерва!

— Я знаю, что значит быть больной. Могу я узнать, зачем вы позвали меня вниз?

Мистрис Галилей хотела сделать последнее испытание своей племяннице и гувернантке.

— Я желала бы, чтобы вы отложили на час или на два детский урок, — отвечала она.

— Слушаю. Могу я сказать об этом детям?

— Я сама скажу им.

— Что же прикажете мне делать? — спросила мисс Минерва.

— Я желаю, чтобы вы остались тут с моей племянницей.

Если бы мистрис Галилей, ответив таким образом, взглянула на свою племянницу, вместо того чтобы глядеть на гувернантку, то она увидела бы, что Кармина, не будучи в состоянии владеть собой, отвернулась лицом к стене.

Мистрис Галилей шепнула между тем гувернантке:

— Мне надо сказать вам кое-что; выйдите за дверь.

Мисс Минерва вышла вслед за нею на площадку. Кармина с тревогой следила за ними.

— Я вовсе недовольна ее видом сегодня, — проговорила мистрис Галилей, — и не считаю возможным оставлять ее одну. Мне нужно пойти по хозяйству. Не посидите ли вы вместо меня до прихода доктора? («Теперь, — подумала она, — если между ними существует чувство ревности, то я увижу!»)

Она ничего не увидела: гувернантка спокойно поклонилась и отправилась к Кармине. Девушка продолжала лежать молча. Неслышными шагами подошла мисс Минерва к дивану и остановилась в ожидании. Ни та, ни другая не поднимали глаз. Наконец Кармина молча протянула руку. Мисс Минерва молча взяла ее и поцеловала.



## XXIX

Мистрис Галилей по обыкновению отдала ключнице приказания на целый день.

— Если же я что-нибудь забыла, — сказала она, — то распорядитесь уж сами, но меня не беспокойте.

Она еще не прочла некоторых из полученных ею писем, на некоторые же ей надо было тотчас же отвечать. Но дело на этот раз почему-то не шло ей на ум. Несмотря на всю ее самоуверенность, ее начало тревожить суеверие. Два раза сила обстоятельств разбивала ее попытки расстроить брак ее сына. Взяв учителем музыки Ле-Френка, она хотела возбудить в Овиде ревность и сомнение, и это ей не удалось. Указанием на любовь гувернантки к Оvidу она надеялась заставить Кармину усомниться в Овиде — это ей тоже не удалось. Что было ей теперь делать?

Сознавая свое поражение и измышляя, за что бы ей ухватиться в будущем, ученая мистрис Галилей дошла до умственного уровня последней служанки в доме: она начала верить в счастье. Она говорила себе, как говорила бы судомойка: а вот посмотрим, что-то выйдет из этого в третий раз!

На столе между прочими письмами было письмо Бенджулиа. Она взяла его и прочла еще раз.

Естественно, что в ее настоящем настроении при мысли о докторе она тотчас же припомнила странное мнение, высказанное Овидом в день его отъезда о его собрате. Говоря о Кармине, он упомянул только об одном лице, встречи с которым он не желал бы для Кармины, и этим лицом был Бенджулиа. В объяснение такого странного желания он сказал, что не считает Бенджулиа подходящим собеседником для молодой девушки. Отчего? Тут что-нибудь да не так.

Раздумывая об этом, мистрис Галилей позвонила и велела запрячь лошадей к трем часам. Затем она опять взялась за письма. Одно из писем было от леди Норзлэк. Леди писала между прочим:

«Отчего ты не пускаешь Кармину погостить к нам? Мои дочери страстно желают познакомиться с нею, а оба сына, конечно, позавидуют Овиду, лишь только увидят ее. Скажи моему племяннику, в первый же раз как будешь писать ему, что мне совершенно понятно, что он с первого же взгляда влюбился в эту прелестную девушку».

Мистрис Галилей могла теперь написать, что Кармина нездорова и потому не может приехать. Во всяком случае, леди Норзлэк надо было помешать поощрять брак ее сына с Карминой и занять место в сердце племянницы. Мистрис Галилей готова была благодарить Создателя, что замок ее сестры находился в горах в одной части Британии, а ее приморская вилла в другой.

Приморская вилла напомнила ей о путешествии по морю.

Когда можно было оставить Лондон? Никак не прежде, чем она избавится от тяготивших ее забот. Никак не в то время, когда может случиться что-нибудь касающееся грозных кредиторов или предполагаемого брака — что-нибудь, могущее разрушить все ее соображения и сделать крайне необходимым ее присутствие в Лондоне. Кроме того, мисс Минерва являлась новым препятствием. О том, чтобы взять ее на остров Уайт, и речи быть не могло. Отказать ей тотчас же, заплатив за месяц вперед, конечно, было бы лучше, но против этого были два возражения. Во-первых, если дружеские отношения между нею и Карминой будут продолжаться, Кармина может иметь тайные сношения

с разжалованной гувернанткой. Во-вторых, заплатить мисс Минерве жалованье, которое она не заработала, было не в правилах мистрис Галилей и оскорбляло ее чувство экономии. Нет, выжидательная политика в Лондоне в настоящем случае была единственно годной политикой.

Она вернулась к своей корреспонденции. Но как раз в ту минуту, как она взялась за перо, уединение будуара было нарушено появлением слуги.

— Что еще? Разве ключница не говорила вам, что меня беспокоить нельзя?

— Извините сударыня, но барин...

— Что нужно барину?

— Он хочет видеть вас.

В домашней истории такое событие было беспримерно. В неопisanном удивлении мистрис Галилей оттолкнула письма и проговорила:

— Просите его.

Когда пятьдесят лет тому назад мальчики дурно вели себя, школьные учителя не имели обыкновения обращаться к их чувству чести. Когда в те времена приходилось наказывать, то воспитатель брался за палку или за розгу. Мистер Галилей входил в комнату своей жены с теми же чувствами, которые волновали его, когда он входил в комнату учителя для того, чтобы быть наказанным. Когда он сказал: «Здравствуй, моя милая», то лицо его выражало совершенно то же самое, что выражало пятьдесят лет тому назад, когда он говорил: «Пожалуйста, сэр, простите меня на этот раз».

— Ну, — сказала мистрис Галилей, — что тебе надо?

— Мне надо сказать только одно слово... Как ты сегодня авантажна, мой друг!

После бессонной ночи мистрис Галилей выглядела безобразной и знала это очень хорошо. Несчастный супруг как раз напомнил ей об этом.

— Что надо? — резко повторила она.

Мистер Галилей облизал свои пересохшие губы.

— Если позволишь, то я возьму стул, — сказал он.

Сев на почтительном расстоянии от своей жены, он осмотрел кругом комнату с видом посетителя, никогда перед тем не выдавшего ее.

— Как мило! — кротко заметил он. — Какое сочетание цветов! Ковер, кажется, был сделан по твоему рисунку, не так ли? Как изящно!

— Начнешь ли ты говорить о деле?

— С удовольствием, душа моя, с удовольствием. Боюсь я, не пахнет ли от меня табаком?

— Мне это все равно!

Это было такой приятной неожиданностью для мистера Галилея, что он не мог усидеть на месте и вскочил.

— Как ты добра! В самом деле, как ты добра! — Он доверчиво подошел к мистрис Галилей. — И знаешь ли, душа моя, это была одна из замечательнейших сигар, какие только мне приводилось курить.

Мистрис Галилей положила перо и бросила на него страшный взор. В неопisanном смущении мистер Галилей еще ближе подвинулся к ней.

— Какая ты авантажная! Ты сегодня просто очаровательна!.. — в смущении пролепетал он.

Он наклонился к своей ученой жене и потрепал ее по плечу. Мистрис Галилей просто окаменела. Неужели этот жирный и слабохарактерный человек в таком возрасте вздумал являться к ней с супружескими

ласками? Неужели он уже спозаранку успел напиться своего любимого шампанского, замороженного в серебряной вазе?

— Мистер Галилей!

— Что, душа моя?

— Садитесь!

Мистер Галилей сел.

— Были вы в клубе?

Мистер Галилей снова встал.

— Садитесь!

Мистер Галилей сел.

— Я хотел сказать, душа моя, что готов с удовольствием указать тебе на здание клуба... Ведь ты этого и желала?

— Если ты до сих пор не знал, что ты глуп, так знай же теперь, — сказала мистрис Галилей. — Или говори, что тебе надо, или же... (она подняла руку и с такой силой опустила ее на стол, что все перья запрыгали) или же убирайся вон!

Мистер Галилей стал рыться в боковом кармане. Он вытащил портсигар и второпях засунул его обратно. Затем полез опять в карман и вытащил письмо. Он со страхом осмотрел кругом комнату и кончил тем, что обратился сам к себе.

— Как это она примет? — прошептал он.

— Что у тебя там? — резко спросила мистрис Галилей. — Одно из писем, что ты получил сегодня утром?

Мистер Галилей с восторгом взглянул на нее.

— Удивительная женщина! — сказал он. — Ничто от нее не укроется! Позволь, душа моя...

Он привстал и подал ей письмо с видом человека, подающего просьбу. Мистрис Галилей вырвала письмо

из его рук. Мистер Галилей кротко вернулся к своему стулу и покорно проговорил:

— Ох, Господи!

Это было письмо из магазина, который мистрис Галилей думала удовлетворить на время, заплатив кое-что «в счет». Хозяин магазина счел нужным обратиться к мистеру Галилею, как к главе дома (!). Он почтительно заявлял, что ему нельзя согласиться на уплату менее трети всей суммы, которую ему должны уже более года.

— Дурак! — крикнула мистрис Галилей. — Я заплачу ему по счету и больше никогда брать у него не буду!

Она развернула свою книжку с чеками и обмакнула перо в чернильницу. Мистер Галилей снова уже стоял на ногах.

— Позволь, пожалуйста!

Она в невыразимом удивлении взглянула на него. Он стоял, вытаращив свои круглые глаза на книжку, и при этом толстые его щеки дрожали от испуга.

— Не делай этого, — едва собравшись с духом, сказал он. — Погоди минуточку, друг мой, только одну минуточку.

Он снова полез в карман и достал оттуда еще одно письмо. Глаза его устремились на двери, а на лбу выступили капли пота. Он положил второе письмо на стол, взглянул на жену и выбежал из комнаты.

Мистрис Галилей развернула и это письмо. Еще какой-нибудь недовольный коммерсант? Нет, это были кредиторы более опасные, чем какой-нибудь лавочник: это было официальное письмо от банкиров, извещавших мистера Галилея, «что от них взята сумма, превышающая кредит».

Она схватила свою расходную книгу и все свои счета. Никогда не делала она еще ошибок в счетах. Проверяя

столбец за столбцом, она увидела, что действительно ошиблась. Она взяла из банка более, чем имела право взять, а следующая сумма не могла быть взята ранее Рождества.

Можно было сделать только одно — тотчас же ехать в банк. Будь Овид дома, мистрис Галилей без колебания во всем призналась бы ему. Теперь она призналась во всем банкирам.

Дело было скоро улажено; остановка была только за мистером Галилеем. Дома он мог уступить свой авторитет, но вне дома, в делах, он все-таки был главою. Ему надо было только сказать, сколько он желал занять, и подписать известные бумаги — и дело было бы слажено.

Мистрис Галилей приехала домой, не освободившись от тревоги по денежным делам. Ехать ли к Бенджулиа или нет? Она не принадлежала к разряду людей, беспрестанно меняющих своих намерения. Услыхав, что мистер Галилей был еще дома, она взглянула в курительную комнату. Инстинкт подсказал ей, где она при настоящих обстоятельствах могла найти своего мужа. Там он действительно и оказался, с комфортом наслаждаясь своей сигарой, расстегнув сюртук и положив ноги на стул. Она распахнула дверь.

— Сегодня вечером ты мне нужен, — сказала она и снова заперла дверь, оставив мистера Галилея закашлявшимся от дыма своей собственной сигары.

Прежде чем сесть в коляску, она зашла к себе, чтобы попудриться: расположение духа Бенджулиа было приятно, а надо было произвести на доктора благоприятное впечатление.

XXX

Любезный отзыв об Овиде, непонятый доктором Бенджулиа, заключался в письме мистера Морфью, следующего содержания:

«Позвольте мне от души поблагодарить вас за знакомство с доктором Овидом Вером. Теперь, когда он уехал от нас, нам кажется, что мы расстались со старым приятелем. Право, не знаю, встречался ли я когда-нибудь с таким безусловно бескорыстным человеком — и это я говорю, близко узнав его. Во время моего отсутствия он взялся даже лечить весьма серьезную болезнь, осложненную возмутительными обстоятельствами — и взялся в такое время, когда, как вы сами знаете, по расстроенному здоровью своему он не должен был бы вовсе практиковать. Пока он мог поддержать жизнь пациента — а в этом отношении он сделал чудеса — он ходил к нему ежедневно и не жалел своих сил для незнакомого человека. Я вижу, как вы (при вашей нелюбви к письму) смотрите, скоро ли будет конец. Не тревожьтесь: с этой почтой я пишу вашему брату Лемюэлю и времени терять не могу».

Не была ли эта «серьезная болезнь», да еще к тому же «осложненная возмутительными обстоятельствами» болезнью мозга?

Бенджулиа, боявшийся, что Овид может явиться его соперником в области открытий, которые он желал сохранить за собой, предлагал себе подобный вопрос. Он обозвал бедного мистера Морфью «набитым дураком» за то, что тот не написал, что это была за болезнь, вместо того чтобы наполнить письмо свое пустословием. Судя по описанию, он предполагал, что болезнь эта представляла какой-нибудь другой интерес, кроме медицинского. Если Овид упоминал об этом больном в письмах



к матери и если письма эти можно было бы посмотреть, то Бенджулиа мог бы узнать все, что ему нужно. С этой целью он и просил мистрис Галилей к себе.

Он еще раз взглянул на письмо мистера Морфью и подчеркнул строчку: «с этой почтой пишу вашему брату Лемюэлю».

Сведения, нужные для него, может быть, находились в этом письме. Если корреспонденция мистрис Галилей с ее сыном ничего ему не разъяснит, то у него была еще надежда узнать что-нибудь от Лемюэля. Однако он не решался писать к брату. Симпатии между ними никогда не существовало, а год тому назад между ними явилось даже враждебное чувство. Случай открыл Лемюэлю, чем занимается у себя в лаборатории его брат. Бенджулиа, застав его в лаборатории, до того рассвирепел, что вскричал:

— Я убью тебя, если ты кому-нибудь скажешь, что я делаю.

Лемюэль спокойно ответил ему:

— Успокойся, пожалуйста, мне стыдно было бы даже намекнуть об этом.

Теперь Лемюэль жил в Лондоне, где заведовал конторой одного крупного издателя. После некоторого раздумья Бенджулиа взял перо и написал брату следующее:

«Я слышал, что Морфью писал тебе с этой почтой. Я хочу видеть письмо».

Этимися словами ограничивалась записка.

### XXXI

На следующий день, часу во втором, Бенджулиа, работая в своей лаборатории, услышал звонок, возве-

щавший приход посетителя. Что бы там ни было, но прислуге строго-настрого воспрещалось беспокоить его, когда он занимался в лаборатории.

С неудовольствием оторвался он от своих занятий и вышел, заперев за собою дверь. В благоустроенных домах в этот час дня обыкновенно завтракали, и трудно было предположить, что приехала мистрис Галилей. Подойдя поближе, он увидал, что в дверях стоял мужчина; то был Лемюэль.

Они взглянули друг на друга с подозрительным любопытством, как две незнакомые кошки. Между Натаном Бенджулиа, знаменитым доктором, и Лемюэлем Бенджулиа, конторщиком, было настолько семейного сходства, что родство их было очевидно. Младший брат, Лемюэль, был только немного повыше и скорее толст, чем худ.

— Как поживаешь, Натан? — сказал он.

— Какого ты дьявола пришел сюда? — отвечал Бенджулиа.

Лемюэль не обратил внимания на грубость брата. Губы его сложились в лукавую улыбку.

— Ты ведь хотел видеть мое письмо, — сказал он.

— Разве нельзя было прислать его по почте?

— Жена моя желала, чтобы я воспользовался этим случаем и посетил тебя.

— Это ложь, — коротко сказал Бенджулиа. — Придумай что-нибудь иное.

Лемюэль и на этот раз остался спокоен.

— Ну, я тебе скажу правду, — проговорил он. — Одна моя знакомая (не хочешь ли, я познакомлю тебя с нею?) живет теперь тут недалеко, в деревне. Бывши по соседству, я счел, что могу занести письмо сам...

Не слушая далее, Бенджулиа пошел в ту комнату, где принимал Овида.

— Как же ты не на службе? — спросил он.

— В это время года времени свободного много. Дела идут вяло, дружище...

— Прошу не говорить со мной таким тоном.

— Зачем же обижаться, брат Натан!

— Брат Лемюэль, дурак никогда не может меня обидеть. Я ставлю его в пределы — вот и все.

В эту минуту послышался отдаленный лай собаки на поляне, через которую входили в дом. По-видимому, лай этот не нравился Бенджулиа.

— Что это такое? — спросил он.

— Это моя собака, — отвечал Лемюэль, — и твое счастье, что я оставил ее в кэбе.

— Почему?

— Потому что хотя она кротчайшая собака в мире, но у нее есть один недостаток: она недолюбливает ученых твоего сорта. — Лемюэль остановился и указал брату на его руки. — Если бы она почуяла это, то могла бы произвести своими зубами вивисекцию над тобой.

Кровавые пятна, замеченные раз Овидом на палке Бенджулиа, были теперь у него на руках. Он взглянул с невозмутимым спокойствием на страшные пятна.

— Зачем же мне мыть руки, — отвечал он, — когда я опять вернусь сейчас к прежней работе.

Он вытер пальцы о полу своего пальто.

— Ну, — сказал он, — если ты привез письмо с собой, то давай его.

Лемюэль достал письмо.

— В нем есть места, — объяснил он, — которые читать тебе не следует. Вот поэтому-то я и привез его

сам. Прочти первую страничку, а потом я скажу уже откуда тебе начинать.

На первой странице ни слова не говорилось об Овиде. Бенджулиа повернул страницу, и Лемюзль указал на середину ее.

— Прочти до сих пор, — продолжал он, — и потом отсюда до конца.

На последней странице появилось имя Овида. О нем говорилось, как о милейшей личности, «рекомендованной вашим братом», и этим письмо кончалось. В первом порыве разочарования Бенджулиа заподозрил, что в местах письма, которые ему не дали прочесть, и было что-либо для него важное.

— Почему ты не желаешь, чтобы я прочел все письмо? — спросил он.

— Так лучше, — произнес Лемюзль с усмешкой. — Морфью пишет книгу против тебя и просит, чтобы у нас ее напечатали. Я держусь, конечно, его стороны и употребляю все усилия, чтобы помочь ему. Впрочем, если ты желаешь, прочти.

В пропущенных местах действительно говорилось о вивисекции. Мистер Морфью писал, что ему известны ложные мотивы, в силу которых английские физиологи совершают свои жестокости, и он хочет просто и ясно объяснить эти ложные мотивы на основании своего собственного опыта. Далее он с отвращением говорил об ученых, занимающихся тайною вивисекцией, не имеющих духа признаться в этом открыто.

Бенджулиа прочел письмо и бросил его на пол.

— Я не скрываюсь, — сказал он, — я занимаюсь этим, потому что хочу. Существует очень немного англичан, презирающих общественное мнение, и я один

из этих немногих. Печатайте эту книгу, и я куплю один экземпляр.

— Как это странно, — сказал Лемюзель.

— Что странно?

— Если ты так презираешь общественное мнение, то зачем же ты говоришь всем, что ты занимаешься химией, а не мучаешь несчастных жертв? И зачем же ты пришел в такую ярость, когда я вошел в твою лабораторию и застал тебя за работой?

— До окончания нынешнего года всему свету дозволено будет ходить ко мне в лабораторию на мои занятия, — проговорил Бенджулиа. — Когда ты потихоньку пробрался в мою незатворенную дверь, ты застал меня на пути к величайшему медицинскому открытию нынешнего столетия. Ты, осел, вообразил, что мне досадно, что ты узнал об этом... Я нахожусь в постоянном страхе, что у меня вырвут мое открытие, и меня бесит, если на мои работы смотрят даже такие глаза, как твои. Но через месяц или два, а может быть, через неделю или две, я разрешу великую задачу. Я сижу над этим целыми днями. Я думаю об этом целыми ночами. Это убьет меня. Хотя я и крепок, это все-таки убьет меня. Что ты говоришь? Что я сведу себя в могилу из-за медицинских интересов в пользу человечества? Человечества! Я работаю для себя — ради удовлетворения своей гордости, ради наслаждения побить своих собратьев, ради славы, которая на многие столетия прославит мое имя. Человечество!.. Наука есть единственный бог, которому я поклоняюсь. Наука оправдывает все и вознаграждает за все. Глупая толпа преследует нас обвинениями в жестокости, но вы только сожалеем о ее невежестве. Наука освящает жестокость. Прежние анатомы воровали мертвые тела для исследований. Ради

этого святого дела я украл бы живого человека, если бы мог сделать это безнаказанно, разложил бы его на своем столе и кончил бы свою работу в несколько дней, вместо того чтобы работать месяцы. Куда ты?.. Ты боишься быть в одной комнате со мною? Человек, который может говорить так, как я говорю, не остановится ни перед чем? Глупец! Человек, говорящий так, как говорю я, выше тебя. Сделай над собой некоторое усилие и пойми меня. Неужели, даже с твоей точки зрения, у меня нет никаких добродетелей? Разве я дурной гражданин? Не плачу своих долгов? Не оказываю услуг своим друзьям? Ты, жалкое существо, разве ты не брал у меня денег, когда они тебе были нужны? Вот взгляни на это письмо на полу. Человек, о котором в нем говорится, один из моих братьев, которому я не доверяю. Я тем не менее исполнил относительно его свой долг. Я сообщил ему нужные сведения, я дал рекомендацию к знакомому в чужой стороне. Разве у меня нет чувств, как вы зовете их? Мой последний опыт над обезьяной привел меня в ужас. Ее стоны, ее страдания, ее движения так походили на стоны, страдания и движения ребенка. Я готов был отдать все на свете, чтобы избавить ее от страданий. Но я все-таки продолжал. Руки мои были холодны, сердце замирало. Я думал о ребенке, с которым иногда играю, я страдал, но продолжал опыт. Все для науки! Все для науки!

Присутствие брата было забыто. Смуглое лицо доктора побледнело как у мертвого; его гигантская фигура трепетала; дыхание вырывалось из его груди как истерическое рыдание.

Лемюэль в страхе выскользнул из комнаты.

«Я начинаю верить в дьявола», — подумал он, добравшись до уличной двери.

В ту минуту как он спускался с лестницы, на поляне показалась коляска. Лакей отворил ворота, и коляска подъехала к подъезду. В ней сидела дама.

Лемюэль поспешно возвратился к брату.

— К тебе приехала какая-то дама, — сказал он, — а ты в таком виде. Приди же в себя, Натан, и, черт возьми, вымой руки.

Он взял Бенджулиа за руку и повел его наверх.

Когда Лемюэль вернулся в прихожую, мистрис Галилей поднималась на крыльцо. Он низко поклонился хорошо сохранившейся красивой женщине.

— Мой брат сейчас выйдет. Позвольте просить вас присесть.

Он держал шляпу в руке. Мистрис Галилей с опытностью светской женщины тотчас же оценила его по заслугам. Она любезно постаралась отделаться от него.

— Не беспокойтесь, сударь, я подожду.

Будь она двадцатью годами моложе, он, может быть, и не исполнил бы ее желание. В настоящем же случае Лемюэль ушел.

## XXXII

Работа в конторе в продолжение целого дня утомила доброго мистера Муля. Он сложил свои бумаги, собираясь отправиться обедать, как в эту самую минуту конторский мальчик подал ему карточку. Мистер Муль взглянул, и глубокое удивление выразилось на его лице: на карточке стояло имя мистрис Галилей.

Мистрис Галилей в семь часов вечера! Мистрис Галилей, предварительно не известившая письмом о своем приезде! Мистер Муль вздрогнул при мысли, не случилось ли у них чего-нибудь в семействе и не по-

требовалось ли вмешательство юриста. Он поспешно произнес:

— Просите эту леди сюда!

Мистрис Галилей вошла с самой очаровательной улыбкой и горячо пожала ему руку.

— Я сейчас удивлю вас, — сказала она после первых приветствий. — Даже больше: приведу вас в ужас.

Мистер Муль встревожился больше прежнего.

— Как бы мне это выразить вам? — продолжала она с притворной аффектацией. — Назвать ли мне это семейным несчастьем?..

Мистер Муль вздрогнул.

— Вы, кажется, — продолжала мистрис Галилей, — встречались у меня с доктором Бенджулиа?

— Имел эту честь, мистрис Галилей. Осмелюсь сказать, человек он не очень любезный.

— В некоторых случаях просто грубый, мистер Муль. Но теперь не в этом дело. Я только что была у доктора.

— Доктор Бенджулиа вам не родственник?

— Нет. Прошу вас, не прерывайте меня. Я, так сказать, излагаю вам теперь ход событий и могу пропустить что-нибудь. Когда доктор Бенджулиа был молодым человеком, — я, мистер Муль, возвращаюсь к последовательному ходу событий, — то жил в Риме, где занимался медициной. Все это я слышала от самого доктора. В Риме он познакомился с моим покойным братом, уже после его несчастного брака. Позвольте! Я недостаточно сильно выразилась... Мне следовало сказать: после его позорного брака.

— Мистрис Галилей...

— Позвольте, мистер Муль!

— Прошу извинить!



— Не сбивайте меня. Последующее обстоятельство теперь у меня как раз в голове. Один из товарищей-студентов доктора (человек, как говорят, обворожительный) сумел внушить к себе расположение даже в необщительном Бенджулиа. Они сделались друзьями. В то время, о котором я теперь говорю, отвратительная жена моего брата — да, мистер Муль, я повторю это: отвратительная жена моего брата — была матерью девочки.

— Вашей племянницы, мистрис Галилей?

— Нет.

— Не мисс Кармины?

— Мисс Кармина настолько же моя племянница, насколько и ваша. Припомните то, что я уже сказала. Я упоминала вам о студенте-медике, человеке обворожительном. Этот человек и был отцом Кармины.

Мистер Муль вскочил на ноги. Его удивление и негодование, конечно, тотчас же бы выразилось, не будь он юристом. Но профессиональная опытность не допустила его до неосторожности высказаться раньше, чем следовало. Он совладал с собой и сел.

Мистрис Галилей не обратила внимания на этот незначительный перерыв. Глаза ее сверкали, а голос громко звучал.

— Закон, мистер Муль! Что говорит закон? — вскричала она. — Не пустой ли клочок бумаги завещание моего брата? Не следует ли разделить его состояние только между его ближайшими родственниками? Скажите же мне! Скажите!

Мистер Муль отвернул лицо к цветам. Не почувствовал ли он, что в конторе вдруг пахло смрадом? Или он боялся, что выражение лица может выдать его? Мистрис Галилей, конечно, по-своему объяснила это движение нотариуса.

— Не спешите, — снисходительно сказала она. — Я знаю, какой вы впечатлительный человек. Не спешите, дорогой сэр, прошу вас, не спешите.

Такой снисходительный тон — точно он был впечатлительным клиентом, а мистрис Галилей невозмутимым юристом — взорвал мистера Муля. Робкие люди в глубине души бывают обыкновенно гордыми людьми; у нотариуса пробудилась профессиональная гордость. Он поднял голову.

— Прежде чем мы начнем разбирать юридическую сторону этого дела... — начал он.

— Этого возмутительного дела, — перебила его мистрис Галилей.

При других обстоятельствах мистер Муль принял бы эту поправку. Но теперь он не обратил на нее внимания.

— Тут есть один пункт, — продолжал он, — который я попросил бы вас разъяснить.

— С удовольствием! Я готова разъяснить малейшие подробности, как ни отвратительно мне говорить об этом.

Мистер Муль твердо решил не обращать внимания на отвращение мистрис Галилей.

— Так ли я понял: вы верите в то, что сказали? — спросил он.

— Ну, конечно.

— Доктор Бенджулиа только один и говорил вам об этом?

— Один.

— Сведения он получил от своего друга-товарища студента, о котором вы только что говорили?

— Другими словами, — с едкостью отвечала мистрис Галилей, — от отца несчастной девушки, которую навязали мне на шею.

— Я предполагаю, что у доктора были причины верить тому, что говорил ему его друг?

— Основательные причины! Порок и бедность всегда идут рука с рукой... Этот человек был беден. Он показывал доктору Бенджулиа деньги, полученные им от его любовницы, деньги ее мужа, следует прибавить.

— Ее мотивы могли быть невинными, мистрис Галилей. Показывал ли человек этот ее письма?

— Нет. Она была слишком осторожна... или, лучше сказать, слишком образованна, чтобы писать.

— Смею спросить: имеются ли у вас еще другие доказательства?

— Вам этих доказательств мало?

— При всем моем уважении к вам, я их не признаю.

Мистрис Галилей не желала вдаваться в неприятные подробности. Всегдашний покорный слуга ее на этот раз осмеливался возражать ей, и она поэтому сочла нужным кончить разговор.

— Если вам угодно верить в невинность этой женщины, — сказала она, — верить, не зная некоторых обстоятельств...

Мистер Муль прервал ее.

— Извините меня, мистрис Галилей, мне кажется, вы забываете, что несколько лет тому назад я тоже был в Италии. Я был в Риме после женитьбы вашего брата. Его жена, сколько мне известно, была принята в обществе. Репутация ее была безукоризненна, и муж ее был очень привязан к ней.

— Говоря попросту, — сказала мистрис Галилей, — брат мой был слабохарактерный человек... а о поступке жены его тогда ничего не было известно.

— Вот в этом-то и задача, — возразил мистер Муль. — Отчего же это открылось только теперь? Сколько лет прошло с тех пор, как она умерла! А с тех пор как доктор Бенджулия узнал о ее поведении, прошло еще более лет. Он ваш старинный друг. Почему же он только сегодня рассказал вам это? Я надеюсь, что не оскорбляю вас, задавая эти вопросы?

— Нисколько! На ваши вопросы так легко отвечать. Я никогда не расспрашивала доктора о своем брате и о его жене. Предмет этот возбуждал во мне слишком большое отвращение — и я не сомневаюсь, что доктору Бенджулия точно так же было противно говорить об этом.

— До сегодняшнего дня, — спокойно заметил нотариус. — Сегодня доктор Бенджулия выразил полную готовность разъяснить этот вопрос.

— При особенных обстоятельствах, мистер Муль. Может быть, вы не допускаете, чтобы могли существовать какие-нибудь особенные обстоятельства?

Мистер Муль вполне допускал их и ждал, чтобы ему разъяснили, что это за обстоятельства.

Но у мистрис Галилей были свои причины хранить молчание. Нельзя же было ей, не задевая чувства собственного достоинства, рассказать, как она была принята доктором Бенджулия. Он, не приглашая ее сесть, сказал:

— Привезли вы письма Овида? Ну, так оставьте их тут. Мне некогда теперь просматривать их.

Это были его первые слова. В письмах ничего не было такого, чего не мог бы читать знакомый; поэтому она согласилась оставить их. Доктор вместо благодарности предложил проводить ее до коляски.

— Меня сегодня страшно взбесили; я вышел из себя; я весь дрожу от ярости. Уезжайте, уезжайте, уезжайте!

Не для того же мистрис Галилей ехала в такую даль, чтобы, не добившись ничего от доктора, уехать от него: ей надо было спросить его кое о чем и она с чисто женской настойчивостью настояла на своем. Ему оставалось или силою выпроводить ее, или освободиться как-нибудь приличным образом. Бенджулиа не любил пустозвонства и сплетен. Он пожалел (не ради Кармины, а ради самого себя), что высказал намек на происхождение девушки в разговоре с Овидом в саду. В другое время он напрямик отказался бы разговаривать о таком предмете с женщиной. В настоящем же случае он мог избавиться от мистрис Галилей только исполнением ее желания, и потому готов был сделать решительно все, что ей угодно. Она услышала позорную историю, которую повторила потом нотариусу.

Мистер Муль ждал напрасно. Он напомнил своей клиентке о том, что она хотела сказать.

— Вы упоминали о каких-то обстоятельствах. Могу я узнать, что это за обстоятельства? — спросил он.

Мистрис Галилей встала.

— Вам время дорого и мне также, — сказала она. — Не будем надоедать друг другу разговором. Я приехала к вам, мистер Муль, чтобы навести справку относительно закона. По моему мнению, девушка, живущая теперь у меня в доме, не будучи дочерью моего брата, не имеет права на его состояние. Скажите мне, пожалуйста, в нескольких словах — права я или не права?

— Я скажу вам в двух словах: не правы.

— Как?

— Если муж и жена живут вместе, — продолжал нотариус, — то закон принимает, что все дети, родившиеся в браке, дети мужа. Даже если бы мать мисс Кармины не была вполне невинной женщиной...

— Довольно, мистер Муль. Вы хотите сказать, что эта девушка имеет право на завещание...

— Вашего брата, которое остается в полной силе...

— И я принуждена держать ее у себя?

— Или же, — отвечал мистер Муль, — отказаться от опеки, уступив ее леди Норзлэк...

— Беспокоить вас более я не желаю, сэр. Прощайте!

Она повернулась, чтобы выйти из конторы, но мистер Муль удержал ее.

— Еще одно слово, мистрис Галилей.

— Нет, уж мы довольно наговорились.

Смелость мистера Муля дошла до невероятных пределов. Он взялся за ручку двери и не отворял ее.

— О молодой особе, мистрис Галилей! Я уверен, что вы никогда слова не скажете об этом прелестной молодой девушке? Даже если бы этот слух был верен... Но Бог свидетель, что это не так...

— Прощайте, мистер Муль.

Он отворил дверь и пропустил ее; он по лицу ее видел, что настаивать было более чем бесполезно. Испокон веков этот милый человек не произносил ругательств. Теперь он разразился проклятиями.

— Черт бы побрал этого доктора Бенджулиа! — воскликнул он, оставшись в пустой конторе.

Дома ждал его обед. Вместо того чтобы надеть шляпу, он пошел обратно к письменному столу, взял перо и начал писать письмо мистеру Галилею. «Дорогой сэр, — писал он, — вследствие обстоятельств, разоблачать которые я не имею права, я принужден отказаться от занятий по вашим делам, как и по делам вашего семейства». Он остановился и задумался.

— Нет, — решил он, — я, может быть, могу быть полезен в качестве заведующего семейными делами этой бедной девушки.

Он разорвал недоконченное письмо.

Когда в этот вечер мистер Муль явился домой, то за обедом было замечено, что он лишился аппетита. С другой стороны, он более обыкновенного пил вина.

### XXXIII

— Не знаю, что со мною. Иногда мне кажется, что я в самом деле расхварываюсь.

Так ответила на другой день после свидания мистрис Галилей с ее стряпчим Кармина гувернантке, когда та вошла в ее комнату после утренних занятий и спросила, как она себя чувствует.

— Вы все еще принимаете лекарства? — спросила мисс Минерва.

— Да. Мистер Ноэль говорит, что лекарство принесет мне пользу. Но до сих пор пользы никакой не вижу. Я чувствую такую страшную слабость, Френсез. Я плачу от всяких пустяков и не в силах ничего делать. Помните, что говорила я вам о Терезе? Она будет здесь через несколько дней. Мне надо найти для нее квартиру, а я сижу здесь, вместо того чтобы искать.

— Я найду, — сказала мисс Минерва.

Лицо Кармины просияло.

— Как вы добры! — сказала она.

— Пустяки! Сегодня после обеда я пойду гулять с детьми. Поиск квартиры займет и их, и меня.

— А где Зо? Отчего не привели вы ее с собой?

— Она берет урок музыки, и мне надо идти туда, чтобы она не шалила. Какую же квартиру? Гостиной

и спальни ведь довольно, я полагаю? По соседству цены, я думаю, будут высоки.

— Ничего. Выберите комнатки светленькие... и чтобы была добрая хозяйка. Тереза не должна знать, что за квартиру будет дорого платиться.

— Позволит ли она вам платить за нее?

— Отец мой оставил ей небольшой доход, но не надо, чтобы она тратила много своих денег. Мы скажем ей плату вдвое меньшую настоящей, а другую половину платить буду я. Не жестоко ли со стороны моей тетки не позволить моей старой няне жить в одном доме со мной!

В эту минуту от особы, о которой шла речь, явилась посланница. Мистрис Галилей желала немедленно видеть мисс Кармину.

— Дорогая моя! — сказала мисс Минерва по уходе горничной. — Отчего вы так дрожите?

— Не знаю, Френсез, но при мысли о тетке меня дрожь пробирает

— Ну, пока прощайте, — сказала гувернантка, направляясь наверх, в классную комнату.

В прихожей Кармину ждал лакей. Он отворил дверь в библиотеку, где мистрис Галилей занималась. Она встретила девушку словами:

— Я говорила о тебе с мистером Ноэлем.

Накануне вечером Кармина не выходила из своей комнаты. Завтракала она в постели и теперь видела свою тетку в первый раз после того, как мистрис Галилей уехала из дому к доктору Бенджулиа. Девушка тотчас же почувствовала какую-то перемену в обращении тетки. Сердце у нее сильно забилося. Она молча села на ближайший стул.

— Доктор, — продолжала мистрис Галилей, — считает необходимым для твоего здоровья, чтобы ты



по возможности была на воздухе. Он желает, чтобы ты, пользуясь хорошей погодой, ездила каждый день. Я приказала запрячь после завтрака коляску. Занятия не позволяют мне ехать с тобой. Ты поедешь с моей горничной и будешь кататься два часа. Мистер Ноэль надеется, что ты окрепнешь. Не надо ли тебе чего-нибудь?

— Ничего, благодарю вас.

— Может быть, ты хочешь заказать новое платье?

— Нет, нет!

— Может быть, недовольна прислугой?

— Прислуга со мной вежлива.

— Ну, так я не удерживаю тебя более... я жду к себе одного господина...

Кармина вошла в библиотеку со страхом и сомнением в душе, а вышла из нее со смешанным чувством не то удивления, не то успокоения. Она слышала о существовании исправительных заведений и о лицах, заведующих ими. Ей почему-то казалось, что эти лица должны говорить с провинившимися совершенно так, как мистрис Галилей говорила с нею.

Проходя через прихожую, она почувствовала чуть не отчаяние при мысли о будущем и вспомнила о Терезе, которая скоро должна приехать.

Дойдя до первой площадки, она услышала чьи-то шаги и, подняв голову, очутилась лицом к лицу с мистером Ле-Френком, выходящим после урока из классной комнаты. При такой неожиданной встрече она вскрикнула в испуге. Мистер Ле-Френк отвесил низкий официальный поклон и проговорил:

— Прошу извинить меня.

Руководимая естественным раскаянием в словах, которые он имел несчастье слышать, бедная девушка преодолела себя и выразила желание помириться.

— У меня очень мало друзей, мистер Ле-Френк, — скромно сказала она. — Могу я считать вас в числе их? Можете ли вы простить мне и забыть? Можете пожать мне руку?

Мистер Ле-Френк отвесил еще более низкий поклон.

— Вы делаете мне честь...

Он взял протянутую ему руку и поднес к своим губам.

Кармина едва могла скрыть свое отвращение при этом прикосновении. В эту минуту раздался голос мистрис Галилей, которая стояла у открытой двери библиотеки.

— Я жду вас, мистер Ле-Френк.

Кармина поспешила наверх с сознанием, что поступила неосторожно. Она думала:

«Неужели я сделала опять ошибку?»

Мистрис Галилей приняла учителя музыки с такой любезностью, на какую была только способна.

— Садитесь поудобнее, мистер Ле-Френк. Вы не боитесь открытого окна?

— О, Боже мой! Конечно, нет, люблю даже, — отвечал он, развертывая ноты, принесенные им сверху. — Это романс, о котором я имел честь говорить...

Мистрис Галилей указала на стол.

— Положите ноты пока на стол. Мне надо сначала поговорить с вами. Отчего вы испугали мою племянницу? Я слышала, как она вскрикнула; она говорила с вами, в чем-то извинялась, просила забыть. Что все это значит?

Мистер Ле-Френк хотел вежливо уклониться от объяснения, но тщетно. Мистрис Галилей держала уже его в своих когтях и не выпустила до тех пор, пока он

в подробности не рассказал ей, какого о нем мнения как о человеке и музыканте Кармина, и не сообщил, при каких обстоятельствах удалось ему это слышать. Мистрис Галилей слушала его с таким вниманием, что при других обстоятельствах мистер Ле-Френк мог бы остаться совершенно доволен.

Она ни на минуту не была обманута притворной веселостью учителя, рассказывавшего всю эту историю. Она видела, что он питал неприязненное чувство к Кармине, которым она в случае нужды могла воспользоваться. Мистрис Галилей разыграла роль вполне сочувствующей ему женщины.

— Теперь я понимаю, мистер Ле-Френк, почему вы отказались давать уроки музыки моей племяннице. Позвольте мне извиниться перед вами в том, что я невольно поставила вас в неловкое положение. Я вполне ценю деликатность вашего образа действий... я понимаю вас и восхищаюсь вами.

Розовые щеки мистера Ле-Френка сделались совершенно пунцовыми.

— Мотивы, понудившие племянницу мою просить о примирении, совершенно ясны, — продолжала мистрис Галилей. — Позвольте мне думать, что она устыдилась недостатка в себе вкуса, деликатности и вежливости. Но мисс Минерва виновата в том, что оставила меня в неведении. Ее поступок, к сожалению, еще раз доказывает, как небрежно исполняет она свои обязанности в моем доме. Между моей племянницей и гувернанткой существуют близкие отношения, в высшей степени для меня неприятные. Но об этом говорить нечего. Вы говорили о вашем романсе... Вероятно, последнем произведении вашего гения?..

«Гения»! Пламя тщеславия все сильнее и сильнее разгоралось в мистере Ле-Френке. Он взял со стола ноты.

— Это мое последнее и, надеюсь, самое лучшее произведение. Позвольте мне посвятить его вам.

— Мне? — с восторгом вскричала мистрис Галилей. Мистер Ле-Френк низко поклонился.

— Не могу сказать, с какой радостью принимаю я эту честь.

С этими словами мистрис Галилей встала со своего места.

— Первый напечатанный экземпляр будет прислан вам, — сказал музыкант, берясь за шляпу и как бы спеша отдать произведение свое в печать.

— И я прошу вас продать мне еще двадцать пять экземпляров, — вскричала великодушная покровительница, протягивая ему руку.

Мистер Ле-Френк хотел выразить ей свою признательность, но великодушная мистрис Галилей и слышать о ней не хотела. Он простился, дошел до прихожей и затем был позван обратно — позван тихо, фамильярно.

— Еще один вопрос, — сказала мистрис Галилей. — Будьте так добры, притворите дверь; мисс Кармина может быть еще на лестнице. Не знаете ли вы, какими мотивами она руководилась, когда говорила о вас такие странные вещи?

У мистера Ле-Френка тотчас же родилось подозрение.

— Понятия не имею, — отвечал он. — А вы знаете?

— Я также не имею понятия, — проговорила мистрис Галилей. — Время покажет все. Еще раз прощайте. Желаю произведению вашему успеха.

XXXIV

Уединение было невыносимо для Кармины при ее настоящем расположении духа. Она пошла в классную комнату.

Мисс Минерва была одна. Обе девочки, повинаясь домашним правилам, одевались перед обедом. Кармина рассказала о своем свидании с мистрис Галилей и о встрече с мистером Ле-Френком.

— Не браните меня, — сказала она, — глупость моя непростительна.

— Если бы после ваших слов мистер Ле-Френк ушел из дома, — отвечала мисс Минерва, — то я не тревожилась бы, но теперь я тревожусь. А тут еще эта перемена в обращении с вами мистрис Галилей. Уверены ли вы, что вам не показалось?

— Совершенно уверена.

Мисс Минерва покачала головой.

— Позвольте и мне настолько же увериться в этом, как уверены вы, — сказала она. — Мистрис Галилей обыкновенно заходит сюда во время детского обеда. Побудьте здесь и при мне скажите ей что-нибудь. Я хочу судить сама.

В это время вошли девочки. Безукоризненный туалет Марии вполне соответствовал ее безукоризненным манерам. Она заговорила по своему обыкновению отборными выражениями:

— Дорогая Кармина, как приятно снова видеть вас в классной комнате. Мы, конечно, очень тревожились насчет вашего здоровья. Настоящая прелестная погода, конечно, принесет вам большую пользу; кроме того, как папа говорил, мистер Ноэль человек очень умный.

Зо стояла подле и, нахмурившись, слушала вежливые речи сестры. Кармина спросила, что это с ней. Зо мрачно посмотрела на собак.

— Я бы хотела быть Тинкером, — сказала она. Мария нежно улыбнулась.

— Дорогая Зо, какое странное желание! Ну, а что бы ты делала, если бы была Тинкером?

Собака, услышав свою кличку, встала и встряхнулась.

— Ему не надо чесаться, — сказала Зо, указывая на Тинкера, — перед выходом или выездом. И еще, — прошептала она на ухо Кармине, — у него нет гувернантки.

Детям подали обед, а вслед затем явилась и мистрис Галилей. Мария прочла молитву. Зо, обыкновенно рассеянная за едой, забыла сказать «аминь». Кармина, стоя у нее за стулом, напомнила ей. Зо проговорила: «Аминь; ну его!..» Первое слово она сказала громко, а два последних шепотом. Мистрис Галилей взглянула на Кармину, как взглянула бы на надоедливого человека.

— Тебе не мешало пойти одеться перед завтраком, — сказала она, — а то мы заставим ждать экипаж.

Услышав это, Зо отложила в сторону ножик и вилку и обернулась к Кармине.

— Спросите, нельзя ли мне ехать с вами, — сказала она.

— Нет, — отвечала мистрис Галилей, — детям следует идти гулять. С тобой поедет горничная.

Горничная, отправленная мистрис Галилей с Карминой в качестве шпиона, чувствовала себя весьма стесненной, так как, подобно всей прислуге, любила свою молодую госпожу. Ей было приказано передать мистрис Галилей, если Кармина прикажет кучеру ехать не туда, куда ему велено. Но горничной нечего было рассказывать.

Мисс Минерва не забыла своего обещания. Когда она вернулась с детьми с прогулки, квартира для Терезы была нанята. Она находилась в пяти минутах ходьбы от дома мистрис Галилей. В тот же вечер Кармина послала телеграмму в Рим в надежде, что няня ее еще не успела выехать. В телеграмме просто говорилось, что комнаты ее готовы, и был приложен адрес.

### XXXV

К немалому удовольствию Кармины, погода на следующий день изменилась к худшему, вследствие чего ей нельзя было кататься.

День этот был тем не менее богат событиями. Мистер Галилей решил явиться к жене своей в качестве посетителя.

— Какой сегодня пасмурный день, друг мой, — начал он.

На слова эти не было обращено внимания, что дало мистеру Галилею смелость продолжать.

— Позволь мне сказать тебе, что Кармине нужно какое-нибудь развлечение. — Мистрис Галилей подняла голову от книги. Мистер Галилей поспешил договорить: — Сегодня днем фокусник дает представление, и знаешь, право, мне кажется, что Кармине следует посмотреть на фокусы. Мы, друг мой, были бы очень рады, если бы ты поехала с нами; ты, вероятно, уже слышала, что многие из этих фокусов делаются на научном основании?

Он тревожно посмотрел на жену, ожидая, что она скажет. Она с досадой указала ему на дверь. Мистер Галилей вышел с легкостью молодого человека.

«Можем теперь повеселиться!» — думал он, идя в комнату Кармины.

Они только что хотели тронуться, когда учитель музыки подъехал к подъезду.

Мистер Галилей тотчас же высунулся в окно кэба.

— А мы едем смотреть фокусы! — весело крикнул он. — Кармина, разве ты не видишь мистера Ле-Френка? Он тебе кланяется. Любите вы фокусы, мистер Ле-Френк? Не говорите детям, куда мы поехали! Они, бедняжки, огорчатся, а между тем им надо брать урок музыки. Не так ли? Прощайте! Позвольте, на одну минуту. Если вам надо будет отдать в починку зонтик, то у меня есть мастер, который сделает вам дешево и хорошо. Скверная погода! Не правда ли? Ну, едем!

Спускаясь после урока вниз, мистер Ле-Френк нашел дверь комнаты Кармины полуотворенной. Девушка уехала с мистером Галилеем. Мисс Минерва оставалась наверху с детьми. Мистрис Галилей занималась своими учеными исследованиями. В этот час дня прислуге незачем было пойти наверх, в другой конец дома. Мистер Ле-Френк подумал, постоял и вошел в комнату.

У Кармины мог быть дневник; кроме того, она, конечно, писала и получала письма. Если бы ее стол и ящики оказались отворенными, то самые сокровенные ее тайны стали бы ему известны.

Он попробовал отворить стол, попробовал отворить шкафчик. И тот и другой были заперты. Комод был отворен, но поиски в нем не привели ни к какому открытию. Он развернул книги, лежавшие на столе, и вытряхнул их. Из них не выпало ни письма, ни заметки. Он осмотрелся кругом, прислушался и вошел в спальню. Тут он стал рыться в туалете, отворил гардероб, — поиски все-таки оказались безуспешными.



Вернувшись в гостиную, он ткнул пальцем в письменный стол.

«Ты не был бы заперт, если бы в тебе не хранились какие-нибудь тайны! — подумал он. — Мне представится еще когда-нибудь случай побывать здесь, и не всегда же все здесь будет под замком».

Он потихоньку прошел вниз, не встретив никого.

На следующий день погода опять была дурна. Кармина оставалась дома и вторичного случая порывиться в ее комнате учителю не представилось.

Представление фокусника скорее повредило Кармине, чем принесло ей пользу. У нее разболелась голова от спертых воздуха, и она так была утомлена, что не могла досидеть до конца представления. Бедный мистер Галилей с горя отправился к себе в клуб. За обедом даже он оказался не в духе и выразил неудовольствие на шампанское, в чем потом ему пришлось как бы извиниться перед дворецким.

— Я был с вами немного резок. Но дело в том, что я не совсем в духе. Вино-то хорошо, но погода такая отвратительная. Подайте бутылку, — сказал он.

Почта заставила Кармину забыть и болезнь, и дурную погоду: она принесла ей письмо от Овида, в котором была фотографическая карточка, снятая с него в Монреале. Письмо было так вежливо, что оживило упавшую духом Кармину и на время сделало ее по-прежнему счастливой. Воздух канадских лугов был, по мнению Овида, живительным для него. С каждым часом он чувствовал, что потерянные им в Лондоне жизненные силы возвращались к нему. Он спал на земле, под открытым небом, гораздо крепче, чем когда-либо спал на своей постели. Беспокоила его только одна мысль: при передвижении и при настоящей скитальческой жизни он не мог получать аккуратно писем, а между тем ему с

каждым днем все более и более хотелось узнать, не устала ли Кармина ждать его и все ли благополучно дома.

«Индеец, — писал он далее, — везет это письмо на почту в Квебек. Он, кроме того, везет с собой записку к моим банкирам, которые вручат ему письма, адресованные на мое имя. Я завтра еду в путешествие по воде; сговорившись с экипажем судна, мы назначили время и место для того, чтобы нарочный мой нашел меня, возвратившись из Квебека. Признаться ли мне в своей слабости? Милая моя, я чуть было не изменил своего плана, чуть было не поехал с индейцем обратно в Квебек, для того чтобы взять место на первом же пароходе, отходящем в Англию.

Не думайте, чтобы меня тревожила мысль, что дома у нас что-нибудь нехорошо! Лучшим признаком моего выздоровления может служить то, что на жизнь я смотрю весело, как в настоящем, так и в будущем. Я чувствую желание возвратиться по той же причине, по которой с нетерпением жду писем: я жажду возвратиться, потому что люблю вас. Вся душа моя полна желанием. В ней нет ни сомнения, ни страха. Но прежде всего я доктор. Мои медицинские познания говорят мне, что в руках у меня полнейшая возможность поправить свое здоровье и с помощью Божьей приобрести настолько силы и крепости, чтобы прожить счастливо до старости. Дорогая моя, вы должны быть моей женой, а не нянькой. Вот эта-то мысль и побудила меня на самопожертвование, и индейца я отпустил одного».

Кармина отвечала на это письмо, лишь только прочла его, и затем прилегла на диван с фотографией в руке. Чувство одиночества не тяготило ее теперь: портрет был с нею. Она смотрела на своего возлюбленного и целовала его преданное лицо.

Звук открывающейся двери нарушил ее спокойствие. В комнату вбежала Зо. Она была совсем красная и с растрепанными волосами, а выпачканные в чернилах пальцы ясно говорили, что она только что писала.

— Я сердита, — заявила она, — и та тоже.

Кармина подозвала ее к дивану и спросила, кто это та.

— О, да вы знаете! — с досадой отвечала Зо. — Она ударила меня по рукам... а я скажу, что она скотина.

— Зо, так выражаться нельзя.

— Она и вас била бы по рукам, — продолжала Зо, — да только вы большая. Если бы не шел дождь, я бы убежала!

Кармина сделала серьезное лицо и стала выговаривать Зо. Но девочка не обратила внимания на это и указала еще одну причину, по которой она желала бы убежать.

— Вот что, — сказала она, — знаете вы того мальчика?

— Какого мальчика, милая?

— Он иногда приходит сюда. Он ходит с шарманкой и обезьянкой. Он скалит зубы. Он говорит: «Дайте мне полпенни!» Я хочу уйти к этому мальчику.

Кармина не могла удержаться и расхохоталась. Зо с негодованием вскричала:

— Я еще не все рассказала! Мальчик и пляшет. Вот так! — Она наклонила в сторону голову и шлепнула себя по бедрам, копируя мальчика. — А иногда он и поет! — с новым порывом восторга вскричала она. — Га! Га! Га! Бел-ла-ви-та-га! Это ведь по-итальянски, Кармина?

В самом разгаре представления дверь отворилась и в комнату вошла мисс Минерва.

Лишь только она переступила порог, Кармина тотчас же заметила, что она действительно сердита. Густые брови мисс Минервы были нахмурены, губы бледны, а голова сердито откинута назад.

— Кармина, — резко сказала она, — напрасно вы балуете эту девочку.

Она обернулась к непокорной ученице, но Эо успела уже улизнуть из комнаты.

Мисс Минерва взяла стул и опустилась на него с видом крайнего утомления. Кармина ласково спросила, не больна ли она.

— Нет, — отвечала гувернантка, — но я не спала ночь, да тут еще возня с этой упрямой девочкой. Кроме того, все это время я не в духе... Но вы сегодня совсем поздоровели. Неужели этот глупый мистер Ноэль действительно принес вам пользу? — Она взглянула на письменный стол и увидала письмо. — Или пользу принесли хорошие вести?

— Я получила письмо от Овида, — отвечала Кармина. Фотография была у нее все еще в руке, но из чувства деликатности она спрятала ее.

Бесцветное лицо гувернантки покрылось мертвенной бледностью. Руки ее сжались. Через несколько секунд она успокоилась. Кармина решилась заговорить.

— Френсез, — сказала она, — вы еще не протянули мне руки.

Мисс Минерва тихо обернулась к ней, не разжимая рук.

— Когда он вернется? — спросила она.

Сказано это было совершенно спокойно.

— Не скоро, о чем я очень сожалею, — отвечала Кармина.

— И я тоже.

— Как вы добры, Френсез.

— Я думаю о себе, а не о вас. — Она вдруг понизила голос. — Я бы желала, чтобы вы уже обвенчались с ним.

Наступило молчание. Мисс Минерва первая прервала его.

— Вы понимаете меня? — спросила она.

— Может быть, вы поможете мне понять, — отвечала Кармина.

— Если бы вы уже были обвенчаны с ним, я, может быть, скорее бы успокоилась. Борьба бы окончилась.

Она встала и прошла по комнате. Страшное волнение, так решительно подавляемое ею, начало брать над нею верх.

— Я сегодня ночью думала о вас, — вдруг сказала она. — Вы кроткая девушка, но я видела, что вы можете быть с душком: я это видела, когда вас возмутила хладнокровная наглость вашей тетки. Я не стала бы ждать, пока он приедет, а поехала бы к нему. Кармина, Кармина! Уезжайте вы из этого ужасного дома! — Она остановилась у самого дивана. — Как бы мне хотелось придать вам своей энергии!

Ее сверкавшие глаза затуманились, лицо приняло кроткое выражение. Она опустилась на колени и, обвив девушку руками, поцеловала ее.

— Кроткое дитя! — сказала она. — Мне надо высказаться вам. Может быть, Кармина, я в последний раз плачу вам благодарностью за вашу доброту.

Она села на свое место.

— Я не виновата, если испутаю вас, — продолжала она, — но я должна откровенно сказать, что будущее мне не представляется в привлекательном свете. Во-первых, чем скорее мы с вами расстанемся — конечно, только на время, — тем лучше для вас. После того что я перечув-

ствовала сегодня ночью... Нет, нет, я не буду вдаваться в подробности... Кармина, когда вы будете счастливой замужней женщиной и он будет для меня еще более недосыгаем, чем даже теперь, то вспомните обо мне и позвольте мне приехать к вам. Ну, довольно об этом! Мне надо предупредить вас относительно ожидающих вас неприятностей. Вы, конечно, хорошо знаете свою старую няню, тогда как я видела ее только дня два-три. По моему мнению, ее привязанность к вам можно довести до любви тигрицы. Вы постоянно переписываетесь с нею: знает ли она, что вы тут перенесли? Говорили ли вы ей всю правду?

— Да.

— Не скрывая ничего?

— Положительно ничего.

— Когда старушка приедет в Лондон, Кармина, и увидит вас и мистрис Галилей, не думаете ли вы, что это может иметь серьезные последствия? Не станет ли ваше положение между ними двумя невыносимым, даже если бы вы были в десять раз крепче, чем какова вы в действительности?

Кармина приподнялась с дивана.

— Я не понапрасну тревожу вас, — продолжала гувернантка. — Я имею кое-что предложить вам. Ваш друг Тереза — женщина энергичная. Воспользуйтесь этой энергией. Она сделает для вас все, чего бы вы ни потребовали. Возьмите ее с собой в Канаду.

— Что вы, Френсез!

Мисс Минерва указала на письмо, лежавшее на письменном столе.

— Пишет он, когда думает приехать?

— Нет. Он желает поправить свое здоровье — он едет все дальше и дальше и послал в Квебек за письмами.

— Следовательно, вам не предстоит опасности разъехаться дорогой. Поезжайте в Квебек и ждите его там.

— Я испугаю его.

— Не испугаете!

— Что же я могу сказать ему?

— То, что вы должны будете сказать, если будете настолько слабы, что останетесь ждать его здесь. Неужели вы думаете, что мать его пощадит его чувства, когда он приедет сюда, чтобы жениться на вас? Еще раз повторяю вам, что я говорю не наобум. Все это я уже обдумала; я знаю, как вы можете уехать, избегнув преследования. Денег у вас вдоволь, Тереза будет с вами, Тереза, которая всем сердцем, всей душой любит вас. Уезжайте. Как ради своего блага, так и ради его, уезжайте!

Часы начали бить. Мисс Минерва встала.

— Тсс! — прошептала она. — Слышите шуршанье платья на лестнице?

Она взяла пузырек с лекарством, делая вид, что она за этим и пришла к Кармине. Шуршанье все приближалось. Мистрис Галилей отворила дверь. Она тотчас же поняла, что лекарство в руках гувернантки служило только предлогом.

— Это моя обязанность давать Кармине лекарство, — сказала она. — Ваша же обязанность находиться в классной комнате.

Она взяла лекарство и подошла к Кармине. Гувернантка, не сказав ни слова, вышла из комнаты.

Девочки уже ждали обеда. Мария ждала совершенно спокойно, а Зо, подсматривая под крышки блюд, с наслаждением вдыхала в себя запах кушаний.

Мария встретила запоздавшую гувернантку со своей всегдашней улыбкой и изысканной речью.

— Дорогая мисс Минерва, мы уж начали беспокоиться о вас. Мы надеемся, что ничего неприятного с вами не случилось. Извините меня, если я замечу, что у вас такой решительный вид...

Мисс Минерва как-то машинально, точно говоря сама с собою, а не с Марией, отвечала:

— Да, я решилась.

### XXXVI

Было теплое, ясное воскресное утро. Гладкая местность вокруг дома Бенджулия была ярко освещена. Даже мрачный дом доктора принял более веселый вид. Когда Бенджулия встал в это утро, то явился своим домашним таким, каким его не привыкли видеть: добродушным и общительным. Он удивил своего молчаливого слугу попыткой пошутить:

— Если вы можете когда-нибудь быть веселым, — сказал он лакею, — то будьте веселы сегодня. Сегодня у меня праздник.

Работая без усталости, никогда не покидая свою лабораторию, обедая за своим ужасным столом, отдыхая на голом полу, он добился наконец таких результатов своих опытов, которыми мог вполне удовлетвориться. Он подвинулся к разрешению трудной задачи по болезням мозга, которую никак не могут разрешить медики всего образованного мира. Если опыты его будут идти так же удачно еще в продолжение одного месяца, то его имя будет причислено к именам знаменитых научных исследователей.

Он так был поглощен своими занятиями, что вспомнил о письмах, оставленных ему мистрис Галилей, только после завтрака в воскресенье. Просмотрев их, он не нашел



никаких указаний на таинственную болезнь, которую Овиду пришлось лечить в Монреале. Бенджулиа оставалось только одно средство избавиться от мучившего его сомнения, а именно — прямо обратиться к мистеру Морфью в Канаду. Он решился ознаменовать свой свободный день прогулкой в лондонское центральное телеграфное бюро.

Но прежде чем выйти из дому, он занялся домашними делами и отдал приказания кухарке.

В три часа он вернется домой к обеду. В этот день он предполагал в первый раз после двух суток правильно пообедать, а потому требовал безусловной точности. Кухарка, недавно нанятая, была маленькая расторопная особа с густыми волосами и свежим цветом лица. Она, как и лакей, тотчас же почувствовала перемену в расположении духа барина. Он взглянул на нее в первый раз с тех пор, как она поступила к нему в дом. В его сердитых серых глазах сверкнул огонек; он вынул из шкафа старый веер и подарил его ей.

— Вот, — сказал он ей, — чтобы вы не портили вашего цвета лица перед плитой.

По дороге в телеграфное бюро Бенджулиа занес письма Овида в дом мистрис Галилей.

Если бы он лично вручил их, то нашел бы ученую женщину очень не в духе. Накануне она застала Кармину и мисс Минерву в интимном разговоре и никак не могла узнать, о чем у них шла речь. В это утро они опять были вместе. Мария и Зо отправились в церковь с отцом; мисс Минерва осталась дома под предлогом головной боли. В такое время и при таких обстоятельствах мистрис Галилей не могла найти благовидного предложения помешать беседе. Она серьезно начинала помышлять пожертвовать месячным жалованьем и без дальнейших рассуждений отпустить гувернантку.

Когда лакей отворил дверь, Бенджулиа передал ему пакет с письмами. После последнего свидания с мистрис Галилей он не желал видаться с нею, и потому, не сказав ни слова, пошел дальше.

Телеграф передал мистеру Морфью депешу такого содержания: «Что был за больной у Овида в Монреале? Не болезнь ли мозга? Да или нет?» Распорядившись, чтобы ответ был послан в клуб, он пешком отправился домой.

В три часа без десяти минут он был уже дома. Когда часы начали бить три часа, он позвонил. Вошедший лакей доложил, что обед еще не готов.

— Я заказал жареную баранину к трем часам, — с убийственным спокойствием произнес Бенджулиа. — Где же она?

— Обед будет готов через десять минут, сэр.

— Отчего же он не готов теперь?

— Кухарка надеется, сэр, что вы извините ее. Сегодня она немного запоздала.

— Что же задержало ее?

Молчаливый слуга — вообще спокойнейший человек в мире — начал дрожать. Недавно доктор выгнал в шею человека, вздумавшего заглянуть через верхнее окно к нему в лабораторию. Он велел горничной убираться через полчаса за то, что та забыла запереть дверь. Почему же теперь он так спокоен?

— Может быть, вы любезничали с кухаркой? — по-прежнему спокойно спросил доктор.

Такое предположение задело лакея за живое.

— Я не способен на такую вещь, сэр! — с негодованием отвечал он. — Кухарка читала роман.

Бенджулиа кивнул головою, как бы в знак того, что вполне удовлетворен этим ответом.

— Что же делать! — сказал он. — Я подожду.

Прошло десять минут, потом еще четверть часа, потом еще пять минут. Когда лакей явился с обедом, доктор сидел в глубокой задумчивости и его тонкие губы сложились в улыбку.

Баранина оказалась сыроватой. В другое время, по домашним законам Бенджулиа, это было бы непростительным преступлением. Теперь же он только сказал: «Уберите ее». Он поел картофеля и хлеба с сыром и сказал:

— Пришлите ко мне кухарку.

Кухарка явилась, держа одну руку на своем трепещущем сердце, а другой прижимая носовой платок к глазам.

— О чем вы плачете? — спросил Бенджулиа. — Ведь я не бранил вас.

Кухарка начала извиняться; доктор указал ей на стул.

— Садитесь и успокойтесь.

Кухарка села и сквозь слезы улыбнулась. Такой непостижимо снисходительный прием можно было объяснить только одним. Не у каждой женщины были такие хорошие волосы и такой свежий цвет лица! И зачем это она не догадалась сбегать сначала наверх и посмотреть на себя в зеркало?

— Я слышал, что вы читали какую-то книгу, — сказал доктор, закуривая трубку, — что это за книга?

— «Памела, или Вознагражденная добродетель», сэр.

Бенджулиа продолжал курить. Кухарка, несколько оправившись, вопросительно посмотрела на него. Он продолжал глядеть на нее. Кухарка сочла нужным дать некоторые литературные сведения.

— Фамилия автора стоит на обложке книги, сэр. Это Ричардсон.

Сведение это было милостиво выслушано.

— Я слышал об этом авторе. Интересная книга?

— Ах, сэр, это такая прелестная история! Этим я и могу только оправдываться, что опоздала с обедом...

— А кто эта Памела?

— Молоденькая служанка, сэр. Уверяю вас, что я хотела бы походить на нее!

Бенджулия остановил ее. Он продолжал наблюдать, как будто делать опыты над животным.

— А что же делается с нею в конце истории? — спросил он.

Кухарка улыбнулась.

— Памела-то, сэр, и есть добродетельная молодая особа, и история называется «Памела, или Вознагражденная добродетель».

— Кто же вознаградил ее?

Что могло быть счастливее этого? Положение Памелы было совершенно одинаково с ее положением. Грудь полной маленькой кухарки начала подниматься от волнения. Она томно закатывала глаза. Бенджулия выпустил изо рта еще клуб дыма.

— Ну, так кто же вознаградил Памелу?

— Ее барин, сэр.

— Что же он сделал?

Глаза кухарки скромно опустились вниз, и лицо покраснело еще более обыкновенного.

— Барин женился на ней, сэр.

— А!

Он вытряхнул трубку, набил и снова закурил. Устремленные на него глаза кухарки говорили: «Женитесь на мне, дорогой сэр, и у вас никогда более не будет недожаренной баранины».

— Когда вы поступали ко мне, вы говорили, что у вас родных нет? — спросил Бенджулиа.

— Я сирота, сэр.

— И перед тем, как я нанял вас, вы, кажется, долго были без места?

— Да, сэр, я прожила почти все, что накопила. Я была так же бедна, как Памела.

— И так же добродетельна, — прибавил доктор.

Он положил трубку и подвинулся к ней.

— Сегодня у вас дела нет и у меня тоже, — сказал он. — Я вижу, что вы любите истории, и потому расскажу вам одну историйку.

Выражение лица доктора изменилось, и кухарка не могла понять, что бы это значило. Если бы она видела когда-нибудь доктора за его тайными занятиями, то испугалась бы такой перемены. На субъект, сидевший теперь перед ним, он смотрел как на субъекта, разложенного на вивисекционном столе.

— В некотором царстве, в некотором государстве, — начал Бенджулиа, — жили барин и служанка. Барин был мистер А., служанка мисс Б. У всех есть неприятности в жизни; были они и у мисс Б. Долго она была без места, а родных, которые помогли бы ей, у нее не было. Мисс Б. была сирота. Все, что она прикопила, она прожила.

Кухарка от души пожалела мисс Б. Доктор продолжал:

— Но ведь добродетель, как мы знаем, читая «Памелу», всегда вознаграждается. Домашние обстоятельства заставили мистера А. нанять кухарку. Он прочел в газетах объявление, что мисс Б. ищет места, нашел, что она прелестная молодая особа, и нанял ее. — Тут Бенджулиа приостановился. — И что же потом сделал

мистер А.? — спросил он. — Он полез в карман, отдал мисс Б. жалованье за месяц и выгнал ее из дома... Ах вы, неряха! Дура! Вы опоздали с обедом, испортили баранину и еще делаете мне глазки... Вот ваши деньги. Убирайтесь!

Разинув рот, кухарка смотрела на него, как окаменелая. Бенджулия, совершенно довольный, залился хохотом.

В это время лакей вошел с докладом, что какой-то джентльмен желает видеть доктора. Посетитель с испугом взглянул на расстроенное лицо кухарки, когда та пробежала мимо него в кухню.

— Я, кажется, пришел не вовремя, — сказал он, обращаясь к Бенджулия, — извините меня, пожалуйста, я могу прийти в другой раз.

— Ничего, сэр.

Доктор проговорил это как-то машинально, точно думая о чем-то другом.

— Фамилия моя Муль, — продолжал посетитель. — Я имел честь встречаться с вами на вечерах мистрис Галилей.

— Очень может быть. Только я этого не помню. Прошу садиться.

Он все думал о чем-то другом. Скромный мистер Муль сел в некотором смущении. Доктор прошел через комнату и отворил дверь.

— Прошу извинить меня на минуту, — сказал он. — Я тотчас же вернусь.

Он подошел к лестнице, ведущей в кухню, и крикнул горничной:

— Кухарка там?

— Да, сэр.

— Что она там делает?

— Плачет.

Бенджулиа повернулся, как человек разочарованный. Сильный нравственный удар имеет иногда серьезное влияние на мозг — в особенности на женский мозг. Как раз в ту минуту, когда незнакомый господин появился на пороге, Бенджулиа пришло в голову, что кухарка может быть субъектом, достойным изучения. Но она нашла утешение в слезах: мозг ее был здоров и она перестала интересоваться его. Он вернулся в столовую.

### XXXVII

— Вам, кажется, жарко, сэр. Не хотите ли прохладиться? Старое английское пиво, только что из бочонка.

Доктор налил в большой стакан пенящееся пиво. Мистер Муль был приятно удивлен. Он тоже ощутил на себе влияние хорошего расположения духа доктора.

— Если я сделал неловкость, явившись к вам в воскресенье, сэр, то в оправдание свое могу только сказать, что в будни я занят, — проговорил он.

— Не все ли равно, в какой день прийти, только бы не помешать; а теперь вы мне не мешаете. Вы курите?

— Нет, благодарю вас.

— Я не побеспокою вас дымом трубки?

— Сделайте одолжение.

— С вашей стороны это очень любезно. Позвольте узнать, как ваша фамилия?

— Муль.

Бенджулиа подозрительно посмотрел на него.

— Вы не доктор ли? — сказал он.

— Я нотариус.

Доктор Бенджулиа не любил юристов, и не будь он в хорошем расположении духа, мистеру Мулю пришлось

бы вернуться домой ни с чем. Но на этот раз любезность доктора дошла до того, что он не только предложил юристу стул, но даже вступил с ним в разговор.

— Люди вашей профессии, — сказал он, — никогда не являются к незнакомым людям без каких-нибудь целей. Вам что-нибудь нужно от меня. Что вам нужно?

Опытность научила мистера Муля не тратить в таких случаях времени на пустые вступительные фразы.

— Я решился обратиться к вам, — начал он, — вследствие одного заявления, недавно сделанного мне мистрис Галилей.

— Позвольте! — вскричал Бенджулия. — Мне начало ваше не нравится. Разве нужно было поминать эту старую... — Он употребил тут слово, неудобное в печати. Это поразило мистера Муля.

— Нужно, доктор Бенджулия!

— И вам необходимо говорить о ней?

— Предположим, что необходимо, — улыбаясь, ответил мистер Муль.

— Ну, так говорите — нечего делать. Так она заявила вам о чем-то? Говорите же, почтеннейший. Я-то тут при чем?

Мистер Муль коротко и ясно рассказал, что происходило между мистрис Галилей и им.

В конце рассказа Бенджулия сердито отставил свою трубку, однако дослушал речь нотариуса молча.

— Я надеюсь, сэр, — сказал мистер Муль в заключение, — что вы не посетуете на меня за мою смелость. Я должен сказать, что сильно интересуюсь мисс Карминой. Я уважал и любил ее родителей. Вы знали их тоже. Они были люди хорошие. Подумав, вы, вероятно, пожалеете, что передали ложные слухи. Не поможет ли



вы мне очистить память этой бедной матери от ужасного подозрения?

Бенджулиа молча продолжал курить.

— Вы ведь то, что называется человек средних лет, — сказал он наконец. — Я полагаю, что женщин вы немного знаете?

Мистер Муль покраснел.

— Я женатый человек, сэр, — серьезно отвечал он.

— Отлично. Вы, значит, знаете, что если женщина пристанет с чем-нибудь к человеку, то от нее невозможно отвязаться и человек готов будет сделать все что угодно, лишь бы его оставили в покое. Вот таким образом я и сказал мистрис Галилей то, что она сообщила вам.

Он замолчал и снова принялся курить.

— Вот что я вам скажу, — продолжал он, — я нисколько не интересуюсь этой девушкой и никогда не чувствовал ничего к ее родным. Но если мои сведения могут вам пригодиться, то это очень хорошо. Скандал начался хвастовством одного моего товарища в Риме. Он рассердился на меня и на другого товарища за то, что мы расхохотались, когда он заявил, что он любовник мистрис Роберт Грейвиль, и предложил нам пари, что в ту же ночь мы увидим эту женщину в его комнате. Мы спрятались за занавеску и увидели ее у него в комнате. Я заплатил деньги, которые проиграл, и вскоре после этого уехал из Рима. Другой товарищ отказался платить.

— На каком основании? — живо спросил мистер Муль.

— На том основании, что женщина эта была в густой вуали и лица своего не показала.

— Возражение неопровержимое, доктор Бенджулиа!

— Может быть. Я не разделял этого мнения. За два часа перед этим я встретил мистрис Роберт Грейвиль на улице. Она была в платье цвета в то время очень редкого — нечто вроде цвета морской волны. Шляпа у нее была такого же цвета и обращала на себя всеобщее внимание, потому что была вдвое менее тогдашних огромных шляп. Я не мог ошибиться, увидев в комнате студента ту же высокую фигуру в том же платье. Вот почему я и заплатил проигранное пари.

— Помните вы фамилию человека, отказавшегося платить?

— Да. Его фамилия Эгисто Баккани.

— С тех пор вы имели о нем какие-нибудь сведения?

— Да. Он был замешан в политических беспорядках и эмигрировал в Англию. Здесь он живет уроками. Он прислал мне свое объявление, и я вспомнил тут о нем.

— Это объявление у вас?

— Нет, я его бросил.

Мистер Муль записал у себя в записной книжке фамилию.

— Более вам нечего сказать мне?

— Нечего.

— Примите мою искреннюю благодарность, доктор. Прощайте.

— Если вы отыщете Баккани, то дайте мне знать. Не хотите ли еще пива? Вы скоро увидите с мистрис Галилей?

— Увижусь, как только найду Баккани.

— Ну, так когда вы будете у мистрис Галилей, позовите младшую девочку. Ее зовут Зо. Приложите палец к ней на спину, вот тут под затылком, и прижмите вот таким образом. Когда же она сделает гримасу, то скажите, что ей кланяется доктор.

Возвратившись к себе домой, мистер Муль был немало удивлен, увидав у калитки открытую коляску. Женщина, одетая весьма просто, сидела на передней скамейке и с тревогой смотрела на него.

— Будьте так добры, сэр, — сказала она, — скажите мисс Кармине, что дальше оставаться нам нельзя.

Приезд Кармины к нему на квартиру, а не в контору, не мог не иметь серьезного мотива. Он прежде всего испугался, что мистрис Галилей рассказала ей о ее матери.

Но боязнь эта исчезла, прежде чем он отворил дверь в гостиную. Он услышал, что Кармина разговаривала с его женой и дочерью.

— Могу я поговорить с вами, мистер Муль?

Он провел ее к себе в кабинет. Она показалась ему смущенной, но не огорченной.

— Тетка всегда в хорошую погоду посылает меня кататься, — сказала она. — Проезжая мимо, я вздумала спросить у вас кое о чем.

— Спрашивайте, дорогая моя. Спрашивайте сколько угодно.

— Это касается закона. Тетка моя говорит, что имеет надо мною такую же власть, какую имел при жизни надо мной мой отец. Правда ли это?

— Правда.

— До которых пор она будет моей опекуншей?

— Пока вам не минет двадцати одного года.

Легкая краска сошла с лица Кармины.

— Так терпеть осталось еще более трех лет! — печально проговорила она.

— Терпеть? Что это значит, дорогая моя?

Она еще более побледнела и ничего не отвечала.

— Мне надо спросить вас еще об одном, — упавшим голосом проговорила она. — Останется ли тетка моей опекуницей, если... я выйду замуж?

— В таком случае власть над вами будет иметь только один ваш муж. Все это, Кармина, странные вопросы. Разве вы не можете довериться мне?

Девушка поднялась в очевидном волнении.

— Мне пора домой! — сказала она. — Я и без того задержала коляску.

Она выбежала, ни разу не обернувшись.

### XXXVIII

Когда коляска отъехала от дома мистера Муля, горничная, сопровождавшая Кармину, сказала, взглянув на часы:

— Мы опоздали домой на целый час.

— Это уж моя вина, Джен. Скажите барыне всю правду, если она будет вас спрашивать. Я не буду на вас в претензии за то, что вы исполните свою обязанность.

— Я лучше лишусь места, мисс, чем сделаю вам неприятность.

Они быстро покатали домой; горничная смотрела на свою барышню с тревожным участием, доказывавшим, что высказанные ею чувства совершенно искренни.

Кармина была молчалива и печальна. Свидание с мистером Мулем заставило ее решиться на отчаянный поступок, необходимый по мнению мисс Минервы.

Если бы заявление мистрис Галилей о ее неограниченных правах, как опекуни, не подтвердилось мистером Мулем, то Кармина намеревалась предложить тетке пойти на сделку. Она согласилась бы остаться под опекой мистрис Галилей до приезда Овида только на том

условии, чтобы ей было позволено жить с Терезой, когда та приедет в Лондон, и жить отдельно. Но теперь всякая надежда на подобный компромисс исчезла. Кармине оставался только один исход: тотчас же бежать под покровительство любящего ее Овида, если она не хотела обрекать себя на безжалостные преследования.

Приготовления к бегству были уже все сделаны.

Мисс Минерва предложила такой план бегства, который мог вполне обмануть бдительность мистрис Галилей. Денежный вопрос не мог быть препятствием. Карманные деньги Кармины за первую четверть, определенные по завещанию в пятьсот фунтов в год, мистер Мул уже доставил. Этого было достаточно — даже не прибегая к средствам старой няни — на путешествие обеих женщин в Квебек. На другой день после приезда Терезы, рано утром, когда прислуга еще спит, Кармина и няня ее могли бы уйти из дому пешком и не оставить после себя никаких следов.

За пять минут до возвращения коляски, к мистрис Галилей, согласно обещанию, приехала из деревни одна ее знакомая, тоже занимающаяся наукой. Во вторник должно было произойти событие, весьма знаменательное в научном отношении. Один новый профессор предложил прочесть публичную лекцию и высказать не совсем лестные мнения о «материи». После лекции должны были происходить дебаты, и мистрис Галилей предложила явиться в качестве оппонента. Обе женщины были заняты беседой о предстоящем диспуте, когда Кармина и горничная вернулись, и это спасло их от расспросов о причине запоздания.

В понедельник утром из Рима были получены серьезные известия, подтвердившие опасения мисс Минервы.

Кармина получила письмо с итальянской почтовой маркой, но адресованное к ней не рукой Терезы. Оно

было от старого священника, отца Патрицио. Он писал так:

*«Дорогое дитя мое. Наша добрая Тереза выезжает сегодня в Лондон. Она с нетерпением ожидала окончания судебных хлопот, оказавшихся необходимыми вследствие того, что муж ее умер, не оставив завещания. Денег он оставил только на покрытие издержек на похороны и на уплату его небольших долгов. Тереза предполагает ехать день и ночь, чтобы скорее быть с вами. Несмотря на всю ее крепость, я думаю, что старуха будет принуждена отдохнуть в дороге хоть одну ночь. Рассчитывая на это, я предполагаю, что письмо мое дойдет до вас прежде ее приезда. Мне хотелось сказать вам кое-что о вашей старой няне, так как знать это вам, по моему мнению, необходимо. Письма ваши произвели на нее такое впечатление, какого мы с вами никак не могли желать. Тетку вашу она положительно возненавидела, и это, при горячности и вспыльчивости Терезы, может наделать вам хлопот. Имейте это в виду. Желаю вам всего хорошего и посылаю вам свое благословение. Если бедный и старый священник может быть вам полезен, то не забывайте отца Патрицио».*

Если бы Кармина чувствовала какие-нибудь сомнения, то по прочтении этого письма они все бы исчезли. Добрый отец Патрицио, точно так же как добрый мистер Муль, совершенно того не подозревая, укрепили ее решение.

### XXXIX

По окончании утренних уроков Кармина показала мисс Минерве письмо священника. Гувернантка прочла и молча возвратила его.

— Что же вы скажете на это? — спросила Кармина.

— Ничего. Мое мнение вы уже знаете. В этом письме говорится то, что я уже сказала, но говорится с большим авторитетом.

— Оно заставило меня последовать вашему совету, Френсез.

— Это хорошо.

Она говорила тихим, слабым голосом, откинувшись на спинку стула. Кармина осведомилась о ее здоровье.

— Я не спала эту ночь, — отвечала гувернантка, — и измучилась с детьми. Не знаю, что мне более противно — бестолковость Зо или невыносимая безукоризненность Марии.

Она еще никогда не говорила так о Марии. Даже голос ее, по-видимому, изменился; в нем не было прежнего раздражения, а слышалось одно холодное презрение.

— Вы тоже бледнее обыкновенного, — продолжала мисс Минерва. — Разве и вы плохо спали эту ночь?

— Я заснула только к утру, и... Ах, я видела такой чудный сон! Я жалела, что проснулась.

— Что же вам снилось? Расскажите.

— Сон совершенно обыкновенный, Френсез. Я видела свою мать точно такую, какою видела ее у себя в детской, — высокой, красивой, с длинными черными волосами, падающими по плечам на белое платье. Она подошла ко мне, поцеловала меня и точно удивилась. Она сказала: «Зачем ты, мой ангельчик, здесь, в чужом доме? Я пришла, чтобы увести тебя назад в твою кроватку, около моей постели». Я же вовсе не удивилась и не испугалась; я охватила ее шею своими руками, мы полетели по холодному ночному воздуху и прилетели домой. Я увидела свою кроватку с белым хорошеньким

пологом и пунцовыми лентами. Я слышала, как мать моя рассказывала мне интересную историйку из книги, которую подарил ей отец... Ее милый голос слышался все тише и тише, а я засыпала все крепче и крепче, как в счастливые былые дни. Я проснулась со слезами... А вы видите когда-нибудь во сне свою мать?

— Я? Боже меня упаси!

— Ах, Френсез, можно ли так говорить!

— Отчего же нет? Я была последним ребенком в очень большой семье... и была безобразна, зла... Мое появление только увеличило домашние расходы. Отец ругал мою мать за то, что я родилась, а она ругала его за то же самое и затем вымещала свою злобу на моем несчастном теле, не жалея рук. Время сна было временем, когда она меня била. Говорите уж лучше о своей матери, а не о моей! Ведь вы, кажется, были очень молоды, когда она умерла?

— Слишком мала, чтобы понять свое несчастье, но достаточно велика, чтобы помнить прелестнейшую женщину, какая когда-либо существовала. Позвольте показать вам еще раз портрет моего отца и ее. Разве это не ангельское лицо? Она была так привлекательна, что пленяла решительно всех детей. Я помню некоторых из своих товарищей, приходивших к нам в сад играть. Все они теснились около моей матери. Все они требовали, чтобы она играла с ними; они дрались из-за места около нее, когда она рассказывала им истории. Дети обыкновенно плакали и кричали, когда их уводили от нее... Ах, зачем мы родимся! Зачем мы умираем! У меня иногда бывают такие же мрачные мысли, как и у вас, Френсез. В одном стихотворении я читала, что смерть — ужасная вещь. Мне смерть кажется жестокой вещью... в особенности в последние дни, с тех пор как я узнала Овида.



Если бы мать моя была жива теперь, как мы были бы счастливы! Как любил бы ее Овид, как она любила бы Овида!

Мисс Минерва слушала молча, с нескрываемым интересом и симпатией, пока Кармина говорила о своей матери. Но когда к детским воспоминаниям присоединилось имя ее жениха, с гувернанткой произошла перемена. Лицо ее приняло суровое выражение. Она опять откинулась на спинку стула. Ее пальцы конвульсивно перебирали кончик черного передника.

Кармина слишком углубилась в свои мысли и потому не замечала этой перемены.

— У меня сохранились все письма моей матери к отцу, — продолжала она, — которые она ему писала, когда он уезжал куда-нибудь. Сегодня ночью я читала одно из них: от этого, может быть, я и видела такой сон. В этом письме говорится о предмете, который имеет общечеловеческий интерес. В отсутствие моего отца с одним из его близких друзей случилось несчастье, и мать моя готовила его жену к этому несчастью... Ах, это напоминает мне... Мне хотелось кое о чем спросить вас сначала.

— О себе? — спросила мисс Минерва.

— Об Овиде. Мне нужен ваш совет.

Мисс Минерва молчала.

— Я хотела посоветоваться относительно того, писать ли мне Оvidу? — продолжала Кармина.

— Конечно, пишите!

Ответ был короткий и резкий.

— Не оскорбила ли я вас чем-нибудь? — спросила Кармина.

— Какой вздор!.. Позвольте мне прочесть письмо вашей матери.

— Хорошо... Но только я расскажу вам сначала свои обстоятельства.

— Да ведь вы уже все рассказали мне.

— Нет, нет! Я говорю о своем деле. — Она ближе подвинулась к мисс Минерве. — Я буду говорить шепотом, чтобы кто-нибудь не услышал с лестницы. Чем более я думаю об этом, тем более убеждаюсь, что прежде чем ехать, мне надо подготовить к свиданию со мною Овида. Когда мы толковали с вами, вы говорили...

— Не все ли равно, что я говорила...

— Нет, не все равно! Вы говорили, что я могла бы явиться к банкиру Овида в Квебек и потом, узнав где он, написать ему. Я много думала об этом и нахожу, что это рискованно. Он может вернуться из своего путешествия в тот же день, как я приеду, и может встретить меня на улице. При его слабом здоровье... Я боюсь и подумать, какие могут быть последствия от такой неожиданности! И тут я буду поставлена в страшную необходимость сказать ему, что к бегству побудила меня его мать. Не полагаете ли вы, что лучше было бы написать ему сначала?

— Да.

— Я могла бы, например, написать ему завтра. Завтра отходит американская почта. Письмо мое пришло бы в Канаду несколькими днями раньше. Я заперлась бы в каком-нибудь отеле в Квебеке, а Тереза могла бы ходить ежедневно к банкиру за справками, нет ли от Овида писем или известий о том, когда он приедет. А когда мы встретимся...

Гувернантка вдруг поднялась со стула.

Кармина встревожилась.

— Вы нездоровы? — спросила она.

— Да, у меня, должно быть, невралгия. У меня в комнате есть лекарство. Не удерживайте меня, дорогая

моя. Нехорошо, если мистрис Галилей застанет меня здесь опять.

Выражение сострадания, замеченное Карминой на ее лице, снова появилось. Она пересилила себя и вышла из комнаты.

Мистрис Галилей не вышла к завтраку из своей комнаты и прислала сказать, чтобы ее не ждали. Кармина, которая должна была после завтрака, по предписанию доктора, отправиться на прогулку, не хотела уехать, не повидавшись предварительно с мисс Минервой. Она пошла в классную комнату.

Мисс Минерва писала. Девочки были одеты для прогулки. Прилежная Мария сидела с книгой, ленивая же Зо сидела на высоком стуле и болтала ногами.

— Если вы скажете хоть слово, — прошептала она проходившей мимо Кармине, — вас выругают чертенком и посадят на стул.

— Что, лучше вам, Френсез? — спросила Кармина.

— Гораздо лучше, дорогая.

Но лицо ее противоречило этим словам; выражение его было совершенно страдальческое. Она разорвала письмо, которое писала, и клочья бросила в корзинку для бумаг.

— Вы рвете уже второе письмо, — заметила Зо.

— Если вы скажете еще хоть слово, я посажу вас на хлеб и на воду! — вскричала гувернантка.

— Мне хотелось бы, чтобы вы прокатились со мной в коляске, — сказала Кармина. — Воздух принес бы вам пользу.

— Невозможно! Но вы можете иным способом успокоить мои нервы.

— Каким же?

— Избавьте меня от этих девочек. Возьмите их с собой.

Зо в один миг прыгнула со своего стула, и даже Мария подняла глаза от книги.

— Я возьму с удовольствием. Но ведь надо спросить позволения у тети?

— Мы обойдемся и без ее позволения. Она сидит у себя в кабинете и входить туда запрещено. Я беру это на свою ответственность. — И она с раздражением крикнула девочкам: — Уходите!

Мария встала с достоинством и сказала:

— Мне очень жаль, дорогая мисс Минерва, что я могла возбудить ваше неудовольствие.

При этом она искоса взглянула на сестру. Зо скакала по комнате, исполняя танец итальянского мальчика.

— Постыдись! — сказала Мария.

Зо громко запела.

— Ах, как весело! Как весело! Мы едем кататься!

Катанье было превеселое. Зо смешила всех. Горничная была от души довольна. Даже Мария снисходила до того, что улыбалась. В коляске была мрачна только одна особа.

— Мисс Кармине не очень-то было весело, — заметила горничная, когда они приехали домой.

В сенях их встретила сама мистрис Галилей.

— Не извольте вперед брать детей без моего позволения, — сказала она Кармине. — Особа, в сущности виновная во всем, что вы делали, не будет более возвращать вас.

С этими словами она вошла в библиотеку и затворила за собою дверь.

Мария и Зо при виде матери опрометью бросились наверх. Кармина осталась в прихожей одна. Мистрис

Галилей точно холодной водой окатила ее. Постояв, она пошла тоже наверх, к себе в комнату, и крикнула:

— Френсез!

Ответа не было. Она пошла в комнату гувернантки. Там на столе лежало небольшое запечатанное письмо, адресованное на ее имя. Она распечатала письмо, в котором лежало кольцо с небольшим рубином. Кармина узнала камень — это было кольцо мисс Минервы.

В записке было всего несколько строк:

«Я пыталась изложить вам всю душу в письме, но разорвала его. Лучше перечтите мою исповедь, и вы поймете, почему я оставила вас. Вы услышите обо мне, когда я стану более достойной вас, чем какова я теперь. А пока носите мое кольцо. Ф. М.».

Кармина взглянула на кольцо и вспомнила, что Френсез хотелось заставить ее принять это кольцо в виде залога за взятые двадцать фунтов стерлингов.

Она перечла исповедь. Две фразы в ней были подчеркнуты: «Слабость, на которую рассчитывает мистрис Галилей, может быть, еще существует во мне». И потом: «Даже теперь, когда вы узнали все, я все-таки люблю его. Не доверяйтесь мне».

Кармина никогда не доверяла ей больше как в эту горькую минуту.

## XL

Теперь классная комната не имела своего обычного вида.

В качестве временной власти сидела горничная за шитьем. Мария стояла у окна в непривычном положении ленивой девочки, между тем как ее книга валялась на полу. Зо лежала навзничь на каминном коврике,

держа собаку в своих объятиях. По временам она тихо переворачивалась с боку на бок и удивленным взглядом смотрела на комнату.

Мария наконец прервала молчание.

— Не знаю, где это Кармина? — сказала она.

— У себя в комнате, вероятно, — сказала горничная.

— Не сходить ли мне к ней?

Осторожная горничная отказалась дать какой-нибудь совет. Мария вопросительно взглянула на сестру. Зо продолжала тихонько переворачиваться с боку на бок; собака у нее на груди крепко заснула.

Пока Мария размышляла, что ей делать, Кармина сама вошла в комнату. Она походила на «заблудившуюся девушку», как рассказывала потом горничная. Мария выразила свои чувства, безмолвно подняв платок к глазам. Не замечая этого движения, Кармина обратилась к горничной.

— Вы видели мисс Минерву перед ее отъездом? — спросила она.

— Да, я ходила с ее поручением, мисс.

— С каким поручением?

— Она посылала сказать, что желает видеть барыню на несколько минут.

— Ну, и что же?

— Ну, и мне поручено было просить гувернантку в библиотеку. Она пошла уже в шляпе, совершенно одетая для выезда. С барыней она не пробыла и пяти минут, как вышла, позвонила в прихожей и сказала Жозефу: «Вещи мои уложены и заадресованы, я пришлю за ними через час. Прощайте, Жозеф». И она вышла.

— А за вещами она уже присылала?

— Да, мисс.

— Куда же отправили ее сундуки?

— В цветочный магазин, тут за углом, и там они будут лежать до востребования.

— И другого адреса вы не знаете?

— Нет.

Последняя слабая надежда найти следы Френсез исчезла. Кармина грустно направилась из комнаты. Зо, лежа на коврике, позвала ее. Кармина остановилась.

— Что такое? — спросила она.

Зо вскочила на ноги.

— Я все думала о гувернантке, — сказала она. — Помните, я раз говорила вам, что хочу бежать? Я ведь хотела сбежать из-за нее. Да! Этого скрывать уж мне незачем... А теперь она сбежала из-за меня. Я, впрочем, не сержусь. Напротив, я очень рада. Чистить ногтей мне не будут, на хлеб и на воду сажать не будут. Вот и все. Прощайте!

Кармина вернулась к себе.

Теперь было совершенно ясно, что мистрис Галилей была лишена возможности выпнать гувернантку, когда ей заблагорассудится: мисс Минерва уехала потому, что сама пожелала этого. Это было Кармине совершенно ясно, но только это одно. Сознание своей беспомощности охватило ее всецело с этим отъездом. План ее бегства теперь расстраивался.

Когда наступило время обедать, она послала сказать, что не может явиться к столу.

Почти тотчас же вслед за этим к ней вошла более чем когда-либо суровая мистрис Галилей. Она холодно спросила девушку, что с ней, и вышла из комнаты, сказав:

— Позвоните, если вам будет надо чего-нибудь.

Спустя некоторое время появился мистер Галилей с небольшим запасом вина, припрятанного под сюртуком, и пирожками, засунутыми в карман.

— Контрабанда, дорогая моя, — прошептал он, — приобретенная в ту минуту, когда никто не мог заметить. Когда мы расстроены, Кармина, то всего лучше есть и пить. Херес этот старый, а пирожки так и тают во рту. Не побыть ли мне с вами? Не хотите? Совершенно как я! Замечательно сходимся мы с вами во мнениях... Не правда ли? Мне жаль бедной мисс Минервы. Не лучше ли вам лечь в постель?

Кармина вовсе не была расположена последовать этому превосходному совету. Она без усталости ходила взад и вперед по комнате до тех пор, пока не наступила пора запираť все двери. В одно время со звуком запиравшихся крючков и задвижек раздался громкий звонок, и вслед затем произошло нечто необыкновенное. Мистер Галилей пришел к Кармине еще раз и пришел в несвойственном ему волнении. Его полное лицо пылало: глядя на него, положительно можно было сказать, что он был способен испытывать сильные ощущения, независимо от шампанского и своего клуба. Он подал Кармине телеграмму, и в голосе его слышалось волнение.

— Дорогая моя, случилось что-нибудь очень неприятное. Я встретил Жозефа, который нес это к моей жене. В высшей степени неприлично, по моему мнению... Что вы на это скажете?.. Нести телеграмму к мистрис Галилей, когда она адресована вам. Это было не по ошибке; он имел дерзость сказать, что ему так приказано. Я выругал Жозефа (мистер Галилей сам удивлялся последнему обстоятельству, вовсе не свойственному его тихому характеру). Ничего неприятного? — с беспокойством продолжал он, когда Кармина распечатала телеграмму.



— Напротив! Отличное известие! — с восторгом вскричала девушка.

Телеграмма была от Терезы. Она была послана из Парижа в этот же вечер, и содержание ее заключалось в следующем: «Слишком устала, чтобы прямо ехать в Англию. Поеду завтра с ранним поездом и в Лондоне буду в шесть часов».

Кармина находилась в таком положении, когда присутствие друга детства было ей всего необходимее. Она точно ожила и снова чувствовала в себе силу рискнуть бежать.

На следующий день, в знаменательный вторник, когда назначена была лекция о материи, Кармине пришлось особенно много писать.

Прежде всего она написала к Френсез. Письмо было серьезное и сердечное. Она просила мисс Минерву назначить место, где они могли бы видаться, и в самых ласковых выражениях уверяла ее, что она по-прежнему любима и пользуется полным ее доверием и дружбой. Горничная немедленно отнесла письмо в цветочный магазин и сама положила его за веревку, которою был перевязан один из сундуков, еще не взятых.

Второе письмо заключало в себе несколько страниц и писалось все остальное утро.

До крайности деликатно, но вместе с тем с полнейшей искренностью Кармина сообщила своему жениху, какие серьезные причины заставляют ее уехать от его матери. Заключительные слова письма вполне соответствовали доброму, кроткому и великодушному характеру Кармины:

«Вы, может быть, скажете, зачем я раньше не говорила вам о том, что мне пришлось здесь вытерпеть? Дорогой мой, мне очень хотелось все это сообщить вам! Не раз я бралась уже за перо, чтобы написать вам, но вспоминала о вас и клала перо снова. Было бы эгои-

стично и безжалостно говорить вам о своих бедствиях, огорчать вас, а может быть, даже заставить приехать в Англию до полного вашего выздоровления. Я не жалею о том усилии, которого мне стоило сохранение этой тайны. Мне обидно только то, что в настоящем письме мне приходится говорить о вашей матери в таких выражениях, которые могут уронить ее в мнении ее сына».

Горничная принесла завтрак в комнату Кармины. Барыня не выходила еще из кабинета, а барин ушел уже в клуб. Что же касается девочек, то единственным их учителем в настоящее время был учитель музыки. После лекции мистрис Галилей грозила, что сама займет место мисс Минервы, пока не придет новой гувернантки. На этот раз Мария и Зо выразили совершенно одинаковые чувства. Трудно было решить, которая из них чувствовала больший ужас при мысли о своей ученой матери.

После завтрака Кармина, взяв письмо и запечатав его, стала спускаться с лестницы, чтобы отправить его вместе с другими письмами. Сердце ее сильно билось и колени дрожали, когда она спускалась по лестнице.

В прихожей взад и вперед ходил какой-то мужчина. Заслышав ее шаги, он обернулся, и она увидела отвратительную физиономию мистера Ле-Френка.

— Я ждал, чтобы поговорить с вами, прежде чем вы поедете кататься, — решительно начал он.

Кармина увидела теперь, какую ошибку она сделала, допустив своим извинением перед учителем возможность объяснения между ними. Она наклонила голову в смущении и молча продолжала идти к выходу.

Он заслонил ей дорогу.

— Я принужден напомнить вам, что произошло между нами, когда мы недавно встретились, — проговорил он.

Он рассчитывал запугать ее. Но наглость его привела ее только в негодование.

— Пропустите меня, пожалуйста, — сказала она, — меня ждет коляска.

— Коляска может еще подождать, — хриплым голосом отвечал он. — В тот раз, о котором я осмеливаюсь напомнить вам, вы были так добры, что высказали мне такое внимание, на какое я не мог даже надеяться. Может быть, вы объясните мне мотивы?

— Я не понимаю вас, сэр.

— О, вы не понимаете!

Она отшатнулась назад и протянула руку к колокольчику, проведенному в людскую.

— Я позвоню! — сказала она.

Он отступил, бросив на нее такой взгляд, от которого она задрожала. Проходя мимо стола, она бросила в корзинку свое письмо. Он следил глазами за ее рукой, пока письмо не выпало из нее, и вдруг сделался необыкновенно вежлив.

— Мне очень жаль, если я встревожил вас, — сказал он, отворив выходную дверь, но так, чтобы не быть замеченным ни кучером, ни горничной.

Когда коляска отъехала, он тихо запер дверь, вернулся к столу и заглянул в почтовую корзинку.

Была ли какая-нибудь опасность быть захваченным прислугой врасплох? Лакей сопровождал барыню на лекцию. Ни одной из горничных на лестнице не было. Он вынул письмо Кармины и прочел на адресе: Доктору Овиду Веру.

Глаза его сверкнули; он вспомнил, что доктор Овид осмелился открыто предупреждать мистрис Галилей насчет него. Окинув комнату последним взглядом, он взял письмо и поспешно вышел.

На обратном пути домой коляску обогнал кэб, ехавший со страшной быстротой и чуть с ней не столкнувшийся. Горничная вскрикнула, Кармина побледнела, а кучер удивился, что кэб ехал так скоро. В кэбе сидел главный конторщик мистера Муля, ехавший к доктору Бенджулиа.

## XLI

Мистера Муля мучили серьезные сомнения, после того как Кармина уехала от него в воскресенье.

Ее волнение, ее странные вопросы и внезапный отъезд — все говорило мистеру Мулю, что она что-то замыслила, может быть, даже внезапное бегство. Всякий другой счел бы необходимым прежде всего поговорить с мистрис Галилей. Но стряпчий слишком живо помнил свое последнее свидание с нею, помнил, с каким отвратительным злорадством мистрис Галилей марала память матери Кармины, и это отбивало у него всякую охоту входить с нею в какие-либо переговоры. Очень может быть, что после всего случившегося Кармина объяснится с ним письменно. Он решил ждать до следующего дня, в надежде услышать о ней что-нибудь.

В понедельник письмо, однако же, не пришло. Приехав к себе в контору, мистер Муль нашел там столько дела, что не имел ни минуты свободной. Он хотел написать Кармине, но так заработался, что совсем забыл об этом. Только к концу работы он вспомнил, что ему надо бы разыскать приятеля Бенджулиа, итальянца Баккани. Он приказал одному из своих конторщиков расспросить об этом итальянце в иностранных книжных магазинах. Только книгопродавцы могли знать, где живет в Лондоне Баккани.

Розыски оказались успешными. Во вторник утром адрес Баккани был уже в руках мистера Муля.

Несмотря на кучу занятий, мистер Муль считал своим святым долгом отложить в сторону все дела и взяться за отыскание средств разбить лживые измышления мистрис Галилей. Он отправился к Баккани. Прямо и ясно изложил он причину своего визита и в заключение обратился к Баккани, прося его содействия, как честного человека.

Итальянец долго молчал, всматриваясь в мистера Муля. Наконец он проговорил:

— Мои сношения с людьми, сэр, привели меня к горькому выводу. С тех пор как вы вошли ко мне в комнату, мое мнение о них улучшилось. В мои года и в моем положении это не пустяки.

Он серьезно поклонился и пошел к своей кровати. Из-под нее он вытащил железный сундучок. Отворив с некоторым трудом заржавленный замок, он достал старую записную книжку, а из нее вынул бумажку, походившую на старое письмо.

— Вот, — сказал он, подавая бумажку мистеру Мулю, — доказательство, восстанавливающее репутацию этой леди. Прежде чем вы прочтете это, я должен вам сказать, каким образом бумага попала ко мне.

Он, по-видимому, несколько смущался говорить об этом предмете с мистером Мулем.

— Я несколько знаком с обстоятельствами, о которых вы хотите говорить, — сказал стряпчий. — Мне известно пари, вследствие которого вышли все эти неприятности. Теперь мне надо узнать только о событиях, которые за ним последовали.

Баккани был, очевидно, рад, что мистер Муль помог ему объясниться.

— Я очень хорошо понимаю, — отвечал он, — как непристойно держать пари, касающееся репутации женщины. От кого получили вы сведения?

— От лица, указавшего мне на вас: от доктора Бенджулия.

Баккани в негодовании поднял руку.

— Не говорите мне о нем, сэри! — вскричал он. — Этот человек оскорбил меня. Когда я бежал по политическим причинам с родины, я послал ему свое объявление. При моем скромном положении учителя языков, я без зависти смотрел на его известность среди докторов; я полагал, что мог напомнить ему о нашей прежней дружбе, тем более что в прежние времена я оказывал ему бездну услуг. Он не захотел возобновить со мною знакомства и даже внимания не обратил на мое объявление. Скверный человек! Не говорите мне о нем.

— Извините меня, если я все-таки упомяну о нем в последний раз, — сказал мистер Муль. — Продолжали ли вы с ним знакомство после пари?

— Нет, сэри! — серьезно отвечал Баккани. — Когда через несколько дней после пари я отправился в клуб, где мы обыкновенно встречались, то его не было уже в Риме. С той поры и доныне, к моему величайшему удовольствию, я не встречался с ним.

Обстоятельства, вследствие которых Бенджулия не мог знать, что клевета насчет матери Кармины опровергнута, были теперь ясны мистеру Мулю. Оставалось узнать только, каким образом явилось это опровержение.

— Не вернуться ли нам теперь, — сказал он, к записке, которую вы позволили мне прочесть.

— Охотно, — отвечал Баккани. — Моя роль в этом деле совершенно ясна. Я не мог поверить, чтобы

порядочная замужняя женщина решилась компрометировать себя с негодяем, который хвастался, что она его любовница, пока не увижу ее лица. Я ждал на улице выхода этой женщины, потом пошел за нею и увидел, что она встретилась с каким-то мужчиной. Оба пошли вместе в театр. Я сел подле них. Она, конечно, подняла вуаль. Мое подозрение, что мы были обмануты, тотчас же подтвердилось. По окончании спектакля я проследил ее до дома мистера Роберта Грейвиля. И он, и жена его были где-то в гостях. Я был слишком взбешен, чтобы ждать пока они вернутся. Под угрозой, что я расскажу всю эту историю, я заставил женщину написать вот это признание, что у вас в руках. Она была горничной; за грубость ей уже было отказано от места, и из мести она решилась принять участие в обмане, устроенном негодяем, державшим с нами пари.

Мистер Муль прочел признание и получил позволение взять с него копию, чтобы употребить его по своему усмотрению. Ему оставалось только узнать, что случилось с человеком, устроившим всю эту преступную комедию.

— Конечно, — спросил он, — этот негодяй не ушел от наказания?

Баккани со свойственной ему горечью отвечал:

— Ах, дорогой сэр, как можно предлагать такой вопрос? Такого сорта люди всегда уходят от наказания. Они всегда находят людей, позволяющих обманывать себя. Из уважения к мистрис Роберт Грейвиль я молчал, а только я один и знал все эти обстоятельства. Я написал в наш клуб, что этот человек обманщик, и мое заявление было понято так, что он обманывал в карты. Он знал очень хорошо, в чем дело, и, не требуя дальнейшего объяснения, исчез. Я уверен, что он жив до сих пор и живет

где-нибудь с какой-нибудь несчастной женщиной. Люди хорошие умирают преждевременной смертью; такие же живут и гнетут собой других.

У мистера Муля не было ни охоты, ни времени оспаривать такой мрачный взгляд на жизнь. Он высказал свою благодарность и стал прощаться.

— Это мне надо благодарить вас, — сказал Баккани. — Как я уже говорил, ваше посещение прибавило ясный день в мой календарь. При нашей скитальческой жизни по миру, наполненному негодяями и дураками, мы, может быть, никогда не встретимся; так уж позвольте мне сказать, что я всегда буду с удовольствием вспоминать этот день. Прощайте.

Вернувшись к себе в контору, мистер Муль написал письмо к Бенджулиа, в котором изложил, каким образом он раскрыл истину. В заключение он говорил: «Вы пустили в ход клевету. Предоставляя вашему чувству справедливости решить, следует ли вам немедленно отправиться к мистрис Галилей и сказать ей, что сплетня, переданная вами, оказывается ложью. Если вы этого не находите, то мне надо будет самому отправиться к мистрис Галилей. В таком случае возвратите, пожалуйста, бумаги с подателем сего».

Конторщик, получивший приказание возвратить документ как можно скорее, нашел мистера Муля ожидавшим его возвращения в конторе. Он передал мистеру Мулю ответ доктора Бенджулиа.

Доктор находился в отличном расположении духа. Он получил телеграмму из Монреаля с вполне удовлетворительным ответом на его вопрос: «Болезнь не мозговая». Совершенно успокоившись на этот счет, он мог теперь мыслить как порядочный человек и написал мистеру Мулю следующую записку: «Я вполне с вами



согласен и еду вместе с клерком, который подвезет меня к мистрис Галилей».

Мистер Муль обратился к клерку.

— Вы не слышали, дома ли мистрис Галилей? — спросил он.

— Мистрис Галилей не было дома: она была на лекции.

— Что же сделал доктор Бенджулиа?

— Он вошел в дом с тем, чтобы ждать ее.

## XLII

Мальчик, отворявший двери в отсутствие лакея, только что провел доктора Бенджулиа в библиотеку, как раздался опять звонок. Новый посетитель оказался мистером Ле-Френком. Он, по-видимому, страшно спешил. Узнав, что мистрис Галилей нет дома, он с нетерпением взглянул на стенные часы. Часы только что пробили половину шестого.

— Скоро ли вы ждете мистрис Галилей?

— Не знаем, сэр. Лакею с коляской велено приехать за нею в пять часов.

Подумав с минуту, Ле-Френк вынул из кармана письмо.

— Мне некогда. Отдайте это письмо мистрис Галилей, лишь только она вернется.

С этими словами он вышел из дому. Мальчик взглянул на письмо. Оно было запечатано и над адресом были написаны два слова: «Конфиденциально и немедленно». В ту минуту как он положил письмо на стол, дверь в библиотеку отворилась и в ней появился Бенджулиа, утомившийся ожиданием мистрис Галилей.

— В библиотеке курить можно? — спросил он.

Мальчик отвечал уклончиво:

— Вам не угодно ли пройти в курительную комнату?

— Там есть кто-нибудь?

— Там барин.

Бенджулия тотчас же отклонил приглашение.

— Кто же еще у вас дома? — спросил он.

Мальчик отвечал, что мисс Кармина наверху.

— И кажется, — прибавил он, — у нее мистер Ноэль.

— Кто это мистер Ноэль?

— Доктор, сэр.

— А где Зо?

— Здесь! — крикнул сверху звонкий голосок. —

А кто вы такой?

К немалому удивлению мальчика, доктор совершенно серьезно басом отвечал:

— Я Бенджулия.

— Идите сюда! — крикнула Зо.

Бенджулия стал подниматься по лестнице.

— Пойдите! — крикнул голос сверху. — С вами ваша большая палка?

— Да.

— Принесите ее наверх.

Бенджулия вернулся в прихожую. Мальчик почтительно подал ему палку. Зо выразила нетерпение, крикнув:

— Да ну, скорей!

Бенджулия ускорил шаг. Зо вышла из классной комнаты, несмотря на тихо высказанный протест горничной, и встретила его на лестнице. Они встретились на площадке у комнаты Кармины. Зо завладела бамбуковой тростью и пошла вперед.

— Кармина! Вот большая палка, о которой я вам рассказывала! — вскричала она.

— Чья палка, милочка?

Зо вернулась на площадку.

— Идите же, Бенджулиа! — сказала она, потянув его за полы сюртука.

Мистер Ноэль невольно встал. Неужели это его знаменитый коллега? Кармина появилась в дверях с некоторой нерешительностью, вспоминая о том дне, когда Овиду сделалось дурно и когда эта знаменитость обошлась с нею так сурово. Боясь какой-нибудь грубости, она сконфуженно просила его войти.

Стоя на площадке, Бенджулиа молча смотрел на нее. Ему явился тот же самый вопрос, который тревожил мистера Муля: неужели мистрис Галилей повторила в присутствии Кармины ту ложь, которая марала память ее матери, ложь, которую он пришел опровергнуть?

Почтительно глядя на Бенджулиа, мистер Ноэль усмотрел в его серьезном взгляде возможность представиться ему в благоприятном свете. Он указал рукою на Кармину.

— Нервное расстройство, сэр, что вы, конечно, сами видите, глядя на мою интересную пациентку, — начал он. — Она не так быстро поправляется, как я надеялся. Я думаю предписать ей морские купания.

Холодные серые глаза Бенджулиа тихо обернулись к нему. Взор этот точно насквозь пронзил мистера Ноэля. Он почтительно поклонился и распрощался.

— Я жду мистрис Галилей, — сказал Бенджулиа, спокойно обращаясь к Кармине. — Извините меня, я не желаю тревожить вас и потому опять пойду вниз.

Бледное лицо девушки вспыхнуло при этих словах. В невинности души предполагая, что она не достаточно

любезно пригласила его, она взглянула на Бенджулиа и скромно улыбнулась.

— Пожалуйста, посидите у меня до возвращения тети, — сказала она. — Я уверена, что Зо забавит вас.

Зо поддержала это приглашение; положив палку, она снова ухватилась за полы доктора.

Глаза доктора вопросительно смотрели на Кармину, в эту минуту улыбающуюся. Он по долголетнему опыту тотчас же нашел в ней сильное нервное расстройство.

Он сел, но разговор долго не вязался. Зо вмешалась.

— А вы ведь меня еще не пощекотали, — сказала она. — Покажите Кармине, как вы это делаете.

Он серьезно прижал пальцем затылок Зо, и та, сделав гримасу, засмеялась.

— Теперь заставьте собаку поднять хвост, — продолжала Зо.

Бенджулиа опять повиновался, но юный тиран не удовольствовался этим.

— Ну, теперь пощекочите Кармину, — сказала она.

Он выслушал это, не улынувшись, и, к немалому смущению Кармины, стал с большим вниманием, чем прежде, смотреть на нее, когда она засмеялась. Его холодно-проницательные глаза производили на нее непонятное действие: они не то сердили, не то пугали ее. Наступило неловкое молчание. Кармина решилась заговорить.

— Вы очень любите Зо? — спросила она.

Вопрос этот был самый обыкновенный, а между тем он, по-видимому, поразил его.

— Люблю? — спросил он.

— Я уверена, что Зо вас любит, — продолжала Кармина.

Он взглянул на Зо.

— Ты любишь меня? — спросил он.

Зо пристально посмотрела на него, соскочила с его колен, отбежала на некоторое расстояние и снова начала пристально смотреть на него.

Он спокойно повторил вопрос. На этот раз Зо дала свой обычный ответ:

— Я не знаю.

Он обернулся опять к Кармине и тихо проговорил:

— И я тоже не знаю.

Зо подошла опять к нему и вдруг захлопала ручонками под впечатлением новой мысли.

— Давайте играть во что-нибудь, — сказала она Бенджулия. — Знаете вы какие-нибудь игры?

Он покачал головой.

— Разве вы не знали никаких игр, когда были таким маленьким, как я?

— Я забыл их.

— У вас нет детей?

— Нет.

— А жены у вас нет?

— Нет.

— А друга у вас нет?

— Нет.

— Ах вы несчастный!

— Я не могла бы вести такую одинокую жизнь, как вы, — сказала Кармина, начиная испытывать какую-то неприятную нервную напряженность.

— Я тоже не мог бы жить так, если бы не занимался медициной, — сказал он, — а для занятий мне нужна такая жизнь.

— Но предположите, что эти занятия вам надоедят? — спросила она.

— Они мне никогда не надоедят.

— А если вы не в состоянии будете продолжать занятия?

— В таком случае я перестану жить.

— Вы хотите сказать, что это вас убьет?

— Нет.

— Так что же вы хотите сказать?

Он приложился своим большим, мягким пальцем к ее пульсу. Она вздрогнула от его прикосновения, но он просто взял ее за руку.

— Как вы взволнованы, — сказал он. — Не все ли равно, что я хотел сказать.

Зо, оставленная без внимания и не любившая оставаться в стороне, вмешалась в разговор.

— Я знаю, отчего Кармина взволнована, — сказала она. — В шесть часов приедет старуха.

Он все-таки не обращал внимания на девочку и продолжал смотреть на Кармину.

— Что это за старуха? — спросил он.

— Прелестнейшая в мире женщина! — вскричала Кармина. — Моя старая кормилица. Смотрите, уже без десяти минут шесть. Через десять минут я обниму Терезу. Не смотрите на меня так! Вы сами виноваты, если я нахожусь в таком возбужденном состоянии. Это все наделали ваши ужасные глаза. Поди сюда, Зо! Я хочу поцеловать тебя.

### XLIII

Часы на камине пробили шесть. Зо вдруг отшатнулась от окна и подбежала к дивану.

— Карета подъехала! — крикнула она.

— Тереза! — вскричала Кармина.

— Нет, это мама. — Она на цыпочках прошла к двери в спальню. — Я спрячусь.

— Зачем же, милая?

— Мама не велела мне ходить сюда, — проговорила Зо шепотом. — Она так быстро ходит, что может поймать меня на лестнице.

С этими словами Зо юркнула в спальню, оставив дверь отворенной.

Прошло несколько минут. На лестнице ничего не было слышно. Бенджулиа занял место девочки у окна. Он сидел и думал. Кармина, при своем нервном расстройстве, начала тревожиться, что няня так долго не едет. Она достала из кармана телеграмму Терезы и снова стала ее читать. Ошибки не было; пассажирский поезд приходил в шесть часов, а теперь как раз было десять минут седьмого. Не зная железнодорожных случайностей, она была твердо уверена, что поезда приходили всегда аккуратно, хотя в то же время из книг она знала, что с поездами случаются несчастья.

— Как вы думаете, может опоздать поезд, — сказала она Бенджулиа, — хотя несчастья с ним не случилось?

Прежде чем он успел ответить, мистрис Галилей внезапно вошла в комнату.

Она так тихо отворила дверь, что они оба не слышали. Ее лицо и движения показывали, что она страшно раздражена, но старается сдержаться. Кое-где на лице ее белила и румяна слиняли и вместо них появились глубокие морщины. Совершенно равнодушный ко всем проявлениям, не касающимся его науки, Бенджулиа спокойно встал и подошел к ней. Она, по-видимому, не замечала его присутствия.

— Когда вы в состоянии будете слушать меня, я желал бы поговорить с вами, — проговорил доктор.

Она движением руки показала ему молчать. Он взял шляпу и палку, чтобы выйти, но, взглянув мимоходом на Кармину, тотчас же вернулся обратно к окну. Безмолвное и грозное появление тетки испугало ее, и Бенджулиа остановился, чтобы взглянуть с точки зрения физиолога, чем кончится это нервное раздражение.

До этой минуты мистрис Галилей держала одну руку за спиной. В ней она держала письмо и теперь махнула им перед лицом племянницы.

В эту минуту к крыльцу подъехал кэб с вещами.

Вероятно, это была старая няня, которую ждали в шесть часов. Лакей вышел, чтобы отворить дверцы кэба. Вслед за ним вышел мистер Галилей, желавший высадить особу, подъехавшую в кэбе. Подъехавшая оказалась старой женщиной, довольно плохо одетой. Мистер Галилей дружески пожал ей руку, похлопал ее по плечу и провел в дом. Кэб с вещами остался у подъезда.

Кармина откинулась назад на диван, когда листочки письма коснулись ее лица. Первые слова мистрис Галилей произнесла шепотом: злоба душила ее.

— Знакомо тебе это письмо? — спросила она.

Кармина взглянула на почерк. Это было то письмо, которое она в это утро писала Овиду; письмо, в котором говорилось о коварстве его матери и о ее жестокости, говорилось о том, что терпеть она более не хочет и только ждет Терезу, чтобы уехать к нему в Квебек.

После первой минуты смущения она вдруг поняла, какое оскорбление нанесено ей перехватыванием и перечитыванием ее писем. Не моргнув, выдержала она взгляд сверкавших злобой глаз тетки и серьезно и твердо проговорила:



— Это письмо мое. Каким образом оно попало к вам?

— Как смеешь ты спрашивать меня об этом?

— Как смели вы украсть мое письмо?

Мистрис Галилей, задыхаясь, рванула пуговицы своего платья.

— Бесстыдный ублюдок! — в ярости крикнула она.

Бенджулиа быстро подошел к ней.

— Сдерживайте свой проклятый язык! — вскричал он. — Она ваша племянница.

Мистрис Галилей обернулась к нему и в ярости захохотала.

— Моя племянница! — повторила она. — Вы лжете и сами знаете, что лжете. Она дитя развратницы, она дочь любовника ее матери!

Дверь отворилась в то время, как эти ужасные слова вылетали из ее уст. Няня Кармины и муж мистрис Галилей вошли в комнату.

Она не могла их видеть, не могла слышать их. Дьявол совершенно овладел ею. Она снова готова была разразиться ругательствами, но первое же слово замерло у нее на языке: длинные черные пальцы итальянки вцепились ей в горло.

Все присутствующие оцепенели. Наконец старуха выпустила свою жертву и упала на колени у ног своей дорогой Кармины.

Полуоткрытые глаза девушки смотрели бессмысленно, как глаза покойницы. Слова тетки страшно подействовали на Кармину. Она точно окаменела: ничего не говорила, не плакала, не чувствовала даже прикосновения и сидела со свешенными по бокам руками.

Тереза металась и рыдала у ног ее. Беспощадными руками, опрокинувшими на пол ее врага, она ударяла себя в грудь и в седую голову.

— О, святые угодники Божьи! Пресвятая Дева, мать Божья, спаси мое дитя, мою дорогую голубку! — Она в ярости вскочила на ноги и ухватилась за Бенджулия. — Кто вы такие? Как смеете вы трогать ее? Отдайте мне ее, или я задушу вас. Ах, Кармина! Зачем ты уснула? Проснись же, проснись!

— Послушайте; — серьезно сказал Бенджулия.

Она опустила руку на диван подле Кармины и подняла ее безжизненную руку к своим губам. Слезы медленно катились по ее расстроенному лицу.

— Я страшно люблю ее, сэр, — кротко сказала она. — Я ведь уже старуха, и вот как нашла свою родную. Тяжело ведь это! Тяжело!

— Вы знаете, кто я такой? — спросил Бенджулия. — Я доктор. Предоставьте ее мне.

— Так вы доктор? Ну, это хорошо. Доктор... Да, да. А старик знает этого доктора... добрый старик? — Она посмотрела на мистера Галилея. Он стоял, наклонившись к жене, лежавшей без движения.

— Не поможете ли вы мне? — спросил он, обращаясь к доктору. Тон его голоса поразил Бенджулия: в нем не слышно было слабости и он не дрожал; в нем слышалось только спокойное горе.

— Сейчас я посмотрю, — отвечал Бенджулия и затем обратился к Терезе: — Где ваша квартира? Далеко?

— А вот там, в записке, — в смущении отвечала она, — в записке написано.

Она показала ему на мешок, упавший на пол. Он нашел телеграмму Кармины с адресом квартиры. Дом этот был близехонько. Подумав немного, он послал няню в спальню, чтобы принести одеяло. Вслед затем он наклонился к мистрис Галилей.

— Ничего опасного нет. Позовите горничную.

Мистер Галилей опять удивил Бенджулиа. Он отвернулся от жены и стал смотреть на Кармину, лежавшую без движения.

— Ради бога не оставляйте ее здесь! — проговорил он. — После того, что она слышала, ей нельзя оставаться в этом доме. Отдайте ее старой няне.

Бенджулиа отвечал то же, что ответил раньше.

— А вот я сейчас посмотрю.

— Не опасно ли будет перенести ее? — продолжал мистер Галилей.

— Менее опасно, чем оставить здесь. Не спрашивайте ничего более. Займитесь вашей женой.

Мистер Галилей молча повиновался. Когда он поднял голову и встал, чтобы позвонить горничной, в комнате не было никого. Из дверей спальни выглядывало испуганное личико Зо. Отец обнял ее и поцеловал, как еще никогда не целовал. Глаза его были влажны от слез.

#### XLIV

Мистрис Галилей скоро пришла в себя. Она дико осмотрелась кругом. Первая ее мысль была о самой себе.

— Принесите мне зеркало, — сказала она.

Горничная нашла в спальне маленькое зеркало и подала его. Мистрис Галилей посмотрелась и, успокоившись, перевела дух. После этого она обратилась к своему мужу.

— Где Кармина?

— Не здесь... слава богу.

Этот ответ, по-видимому, удивил ее, и она обратилась к горничной:

— Он, кажется, сказал «слава богу»?

— Да, мадам.

— Вы не можете ли сказать мне что-нибудь? Кто знает, куда уехала Кармина?

— Жозеф знает, мадам. Он слышал, как доктор Бенджулиа давал адрес кучеру.

— Пришлите Жозефа сюда.

— Не надо! — сказал мистер Галилей.

Жена с удивлением взглянула на него.

— Отчего не надо? — спросила она.

Он спокойно отвечал:

— Я запрещаю.

Мистрис Галилей обратилась к горничной:

— Пойдите ко мне в комнату и принесите мою шляпу и вуаль. Постойте! — прибавила она, попытавшись встать и снова опрокинувшись назад. — Мне надо подкрепить себя. Принесите капли.

Горничная вышла из комнаты. Мистер Галилей проводил ее до дверей, не выпуская руки своей маленькой дочери.

— Иди, душа моя, в классную комнату к сестре, — сказал он. — Я расстроен, Зо; будь умницей, и ты меня успокоишь. Скажи это и Марии. Вам, пожалуй, будет скучно. Но потерпи, дитя мое, потерпи хоть немного.

— Могу я спросить одну вещь, — прошептала Зо. — Кармина умрет?

— Боже упаси!

— Привезут ее сюда опять?

Хотя девочка говорила шепотом, но мистрис Галилей услышала вопрос и ответила на него.

— Кармину привезут обратно, — сказала она, — лишь только я в состоянии буду встать.

Зо взглянула на отца.

— И вы это тоже говорите? — спросила она.

Он серьезно покачал головой и снова велел ей идти в классную комнату. На первой площадке она остановилась и обернулась.

— Я буду умницей, папа, — сказала она и пошла наверх. Войдя в классную, она молча села в уголок, не отвечая на расспросы Марии.

Мистер Галилей по уходе Зо запер дверь и сел на стул, не глядя на жену и не говоря с ней.

— Зачем ты тут? — спросила она.

— Я хочу посмотреть, что ты станешь делать.

Вернувшаяся горничная подала мистрис Галилей лекарство. Она выпила и почувствовала, что может встать.

— У меня кружится голова, — сказала она, взяв под руку горничную, — но я думаю, что с вашей помощью я сойду вниз.

Мистер Галилей молча следовал за ними. Около лестницы головокружение мистрис Галилей усилилось. Как ни тверда была ее воля, но она должна была уступить перед немощью тела. Помощь мужа снова понадобилась, чтобы проводить ее в спальню. Она остановилась в своей уборной, упорно продолжая думать об исполнении своих намерений.

— Мне сейчас будет легче, — сказала она, — посадите меня пока на диван.

Горничная почтительно сняла с нее вуаль и шляпку и спросила, не будет ли еще каких приказаний. Она недоверчиво посмотрела на мужа и повторила приказание:

— Пошлите ко мне Жозефа.

Разумное сопротивление еще иногда можно поколебать, но пассивное упорство слабохарактерного человека непоколебимо. Мистер Галилей отослал горничную, сказав ей:

— Я сам поговорю с Жозефом внизу.

Жена его выслушала с удивлением.

— В здравом ли ты уме? — спросила она.

Он остановился в дверях и грустно проговорил:

— Ты всегда была сурова и упряма. Человек, более умный, чем я, давно бы увидал, какая ты дурная женщина. Не стыдно ли тебе?

С этими словами мистер Галилей вышел.

Спускаясь в прихожую, он встретил Жозефа.

— Доктор Бенджулиа возвратился. Он желает видеть вас, — проговорил Жозеф.

— Где он?

— В библиотеке.

— Постойте, Жозеф, мне надо кое-что сказать вам.

Если барыня будет у вас спрашивать, куда перевезли мисс Кармину, то я запрещаю вам говорить ей. Если же вы говорили об этом кому-нибудь из прислуги, то я запрещаю им сообщать об этом барыне:

Отдав это приказание, мистер Галилей вошел в библиотеку.

— Ну, как здоровье Кармины? — спросил он.

— Хуже, вследствие переезда, — отвечал Бенджулиа. — А как себя чувствует ваша жена?

Отвечая на этот вопрос, мистер Галилей сообщил о том, какие он принял предосторожности, чтобы скрыть адрес Терезы.

— Об этом беспокоиться нечего, — сказал Бенджулиа. — Я отдал там приказание не пускать мистрис Галилей. Я имею серьезные причины не позволять ей быть там. В таких нервных болезнях нельзя сказать, какая может произойти перемена. Если тетка с племянницей встретятся, я не отвечаю за рассудок больной девушки. Пошлите за вашим доктором. Эта девушка его

пациентка, и на нем лежит ответственность за больную. Пошлите сейчас же к нему лакея с этой карточкой. Мы можем там устроить консилиум.

Он написал несколько слов на своей карточке, которую тотчас же послали мистеру Ноэлю.

— Мне надо еще сказать вам кое-что, — продолжал Бенджулиа. — Вот бумаги, полученные мною от вашего стряпчего, мистера Муля. Они касаются одной сплетни, которую жена ваша, к несчастью, повторяет...

Мистер Галилей вскочил со стула.

— Не напоминайте мне об этом... пожалуйста, не напоминайте! — серьезно проговорил он. — Я не могу выносить этого. Пожалуйста, извините меня... Но я не властен над собою... Я сам не знаю, что со мною делается. Я жил всегда очень мирно и к таким вещам не привык. Не думайте, что я говорю из эгоизма. Я исполню все, что вам угодно, только не напоминайте мне об этом.

Он с таким же успехом мог ждать сочувствия от стола, за которым они сидели. Бенджулиа не мог понять того состояния духа, которое могло вызвать эти слова.

— Можете вы отдать бумаги эти вашей жене? — спросил он. — Я пришел сегодня сюда, чтобы исправить свою вину. Ввиду же настоящих обстоятельств я не желаю иметь более дела с вашей женой. Не имеете ли вы еще чего-нибудь сказать мне?

— Да, имею. Могу ли я зайти к Кармине справиться о ее здоровье?

— Заходите сколько вам угодно, только бы вместе с вами не заходила мистрис Галилей. Если же ваша жена будет упорствовать, то не мешает поговорить с ней построже. По моему мнению, старая няня в следующий раз не выпустит ее живой из рук. Я говорил с этой любопытной дикаркой. Я сказал ей: «Вы совершили

то, что в Англии мы называем нападением с целью убийства. Если мистрис Галилей не побоятся гласности, то вы легко можете очутиться в тюрьме». Она подняла пальцы к моему лицу. «Предположите, что палач накинёт мне веревку на шею, — сказала она. — Вы думаете, что меня это встревожит! Главное, раз что Кармина будет освобождена от своей тетки!» — После такого ответа она уселась около постели больной и залилась слезами.

Мистер Галилей слушал доктора без особенного внимания: он продолжал думать о Кармине.

— Я с добрым намерением просил вас увезти ее отсюда, — сказал он. — Неудивительно, если я ошибся. Но странно то, что, по-видимому, вы ошиблись, позволив перевезти ее.

Бенджулия слушал его, улыбаясь; тревога мистера Галилея забавляла его.

— Разве я не сказал, что перевести ее будет меньшим из двух зол? — проговорил он. — Я ясно сказал, какая опасность грозит мисс Кармине, если, придя в себя, она увидит вашу жену. Возможно ли будет избежать этого, если обе они будут жить в одном доме? Если я что-нибудь делаю, мистер Галилей, — не считайте меня самоуверенным, — то я знаю, почему я это делаю.

Говоря таким образом о себе, он мог бы сказать гораздо более.

Он мог бы прибавить, что боится потери рассудка Кармины потому, что это было бы самым обыкновенным исходом в высшей степени интересного случая. Он мог бы также сообщить, что он не преступил профессиональных обычаев, предоставив больную ее постоянному врачу только в силу соображения, что мистер Ноэль будет лечить так незамысловато, что ни в чем не изменит



хода болезни. Мистер Ноэль будет лечить симптомы, не подозревая их нервного происхождения. Цели Бенджулиа в это случае, как и всегда, были чисто научные.

Он взял палку и шляпу.

— Могу я быть вам полезным еще чем-нибудь? — небрежно спросил он. — О больной вы будете слышать от мистера Ноэля.

— Вы разве оставите бедную Кармину? — спросил мистер Галилей. — Разве не будете навещать ее иногда?

— Буду, не беспокойтесь.

Он говорил совершенно серьезно. Болезнь Кармины подала ему новую идею. Даже цивилизованный дикарь новейшей физиологии может иногда чувствовать благодарность.

Мистер Галилей вернулся в верхние комнаты, держа в руках бумаги, оставленные Бенджулиа. Подойдя к двери уборной, он остановился в нерешимости. Бумаги были запечатаны в конверт, адресованный на имя его жены. Такая предосторожность избавляла его от необходимости вручить их лично. Он направился в классную и вызвал горничную на площадку.

Отдав ей приказание вручить этот конверт барыне, он сказал, что его принес доктор Бенджулиа, и прибавил:

— Вы можете не возвращаться сюда, я сам посмотрю за детьми.

Мария читала какую-то книгу. Зо писала и при входе отца в смущении подняла голову. Ничего не подозревая, мистер Галилей был уверен, что его любимая дочь занята чистописанием — следуя доброму примеру Марии.

— Милые дети! — сказал он, с любовью взглянув на одну и на другую. — Я не стану мешать вам, продолжайте.

Он сел, очень довольный, даже счастливый тем, что находится в одной комнате с девочками. Если бы он поместился поближе к столу, то увидал бы, что Зо думала теперь о Кармине.

Зо давно уже лишилась надежды выучиться правильно писать. В длинных словах она считала нужным писать только первый слог, а остальные выбрасывала. Овид по этой оригинальной системе превращался в «ов», а мисс Минерва в «мисмрн». Точки же и прописные буквы она оставляла на благоусмотрение того, кто читал ее работу.

События, сопровождавшие приезд Терезы, произвели на девочку такое же впечатление, как и на отца ее.

Сначала она смутилась и испугалась, но потом у нее осталось одно преобладающее чувство, чувство сожаления к Кармине. Вслед за этим чувством явилось естественное желание как-нибудь помочь Кармине. Процесс соображения, действовавший у Зо весьма медленно, остановился на мысли, что в этом случае надо обратиться к чьей-нибудь помощи, к помощи человека, который не сказал бы ей: «Моя милая, это слишком серьезно для такой девочки, как ты», и она естественно подумала об Овиде, в котором усмотрела не только друга, брата, но и союзника, нужного ей. С детской злопамятностью она вспомнила, как большие над ней смеялись, когда она выражала желание писать Оvidу. Она, может быть, сообщила бы о своем намерении отцу, если бы опыт не убедил ее, что в доме он вовсе не занимает положения главы: она видела, что он «боялся мамы». Оставалось прямо обратиться к Оvidу.

Когда мистер Галилей вошел в комнату, Зо как раз кончила письмо.

*«дорог Овид приезж Карм болна тебя надо скор скор не гавар мисмин што я пишу она ушла ненавиж книги любя тебя Зо».*

Не выпуская пера из рук, девочка осмотрелась кругом и взглянула на своего отца. Надписанный конверт, оставленный ей при отъезде Овидом, весь измятый, лежал у нее в кармане; но она боялась достать его. «Мария, — думала она, — знала бы, как поступить на моем месте. Противная Мария!»

Судьба явилась на помощь к Зо. Через какую-нибудь минуту в комнату к ним вернулась горничная. Она с таинственным видом, свойственным английской прислуге, когда ее посылают с каким-нибудь поручением, обратилась к мистеру Галилею.

— Жозеф желает сообщить вам что-то, сэр.

— Где он?

— За дверями, сэр.

— Пошлите его сюда.

Благодаря этикету, не позволявшему Жозефу являться самому в какие-нибудь комнаты, кроме гостиной, без предварительного спроса через горничную, всеобщее внимание было отвлечено от Зо. Она сложила письмо, вложила его в конверт и спрятала в карман.

Жозеф явился.

— Извините, сэр, но я не знаю, можно ли беспокоить барыню. Мистер Ле-Френк желает видеть мистрис Галилей.

Мистер Галилей обратился к горничной.

— Спала ли барыня, когда я посылал вас к ней?

— Нет, сэр. Она приказала мне зажечь лампу и велела подать чаю.

В тех редких прежних случаях, когда мистрис Галилей бывала больна, ее внимательный муж никогда не позволял тревожить ее. Но те времена миновали на веки.

— Можете сказать барыне, Жозеф, что мистер Ле-Френк желает ее видеть.

XLV

Клевета, на основании которой мистрис Галилей составила план разлучить Овида и Кармину, была опровергнута самым непреложным доказательством, и человек, устроивший все это, был ее собственный стряпчий.

Отношения между нею и мистером Мулем должны были закончиться. Теперь она чувствовала себя беспомощной: авторитет ее не признавался и даже личность ее была оскорблена. Она, однако, питала твердое намерение показать, что власть у нее в руках и что она сумеет постоять за себя.

Она встала на ноги, но ей сделалось опять дурно, голова у нее закружилась, и она снова упала на диван. Отдохнув немного, она позвонила в колокольчик, стоявший около нее на столе.

— Пошлите за мистером Ноэлем, — сказала она горничной. — Если его нет дома, то пусть узнают, где он, и сходят за ним.

Посланный явился обратно с запиской. Мистер Ноэль обещал прийти, лишь только он освободиться. Он в настоящую минуту находился при мисс Кармине.

Узнав это, мистрис Галилей потеряла всякое терпение. Даже доктор мог явиться к ней только тогда, когда не будет нужен Кармине! Адрес, который ей хотелось так узнать, стоял на заголовке записки: до квартиры Терезы было не более пяти минут ходьбы, а она не могла даже пройти по комнате! Первый раз в жизни властолюбивая мистрис Галилей созналась в своем поражении. Первый раз в жизни она задала себе вопрос: кого взять ей себе в помощь?

Кто-то постучался в дверь.

— Кто там? — крикнула она.

Голос Жозефа отвечал ей:

— Мистер Ле-Френк, мадам, спрашивает, можете ли вы принять его.

Она никогда не любила долго раздумывать. Она не позвала даже горничную поправить свой туалет. Ужас ее беспомощного положения слишком сильно охватил ее. К ней являлся человек, который вовремя успел предупредить ее, что Кармина собиралась ехать к Овиду. К ней являлось орудие, только ожидавшее ее руки.

— Я приму мистера Ле-Френка, — сказала она. — Просите его.

Учитель музыки осмотрелся в полумраке комнаты и поклонился фигуре, лежавшей на диване.

— Не беспокою ли я вас, мадам, являясь в такое неурочное время?

— Я нездорова, мистер Ле-Френк, но, как видите, могу принять вас.

Теперь, когда она увидала его, в ней начало появляться сомнение. Теперь, когда было уже слишком поздно, она стала пытаться встать в оборонительное положение. Какой упадок энергии (она сама это чувствовала) в такой решительной женщине, никогда не знавшей, что такое слабость!

— Чему могу я приписать честь вашего посещения? — продолжала она.

Даже голос изменял ей, несмотря на ее старание говорить громко.

— Сегодня я оставил вам записку с приложением письма, — сказал Ле-Френк. — Получили вы письмо?

— Да.

— Прочли его?

Мистрис Галилей молчала в нерешимости. Мистер Ле-Френк улыбнулся.

— Я не буду более беспокоить вас вопросами, — сказал он, — я буду говорить с вами откровенно. Будьте так добры, скажите и вы мне откровенно, кем я кажусь вам: человеком, опозорившимся тем, что он украл письмо, или же человеком, оказавшим вам услугу?

— Не могу отрицать, — проговорила мистрис Галилей устало, — что вы оказали мне услугу.

Мистер Ле-Френк встал и поклонился.

— Мы понимаем друг друга, — проговорил он и сел. — Если я мог оказать вам еще пользу наблюдением за вашей племянницей, то вы можете положиться на меня.

— Вы говорите это, мистер Ле-Френк, из преданности ко мне?

— Моя преданность к вам может иссякнуть, — смело отвечал он. — Но вы можете быть уверены, что чувства мои к вашей племяннице никогда не умрут: оскорбления я никогда не забуду. Не нескромно ли будет спросить: каким образом думаете вы удерживать мисс Кармину от поездки в Квебек? Власть опекуниши дает ли вам право запретить молодую особу в комнате?

Мистрис Галилей почувствовала оскорбительную фамильярность в этих вопросах.

— Племянницы моей нет более у меня в доме, — холодно отвечала она.

— Уехала! — вскричал мистер Ле-Френк.

Она поправила его.

— Переехала, — сказала она, как бы желая прекратить разговор.

— Переехала, вероятно, к няне? — спросил он.

Няне? Откуда мог он это знать?

— Позвольте узнать... — начала мистрис Галилей.

Он снисходительно улыбнулся.

— Сегодня вы не совсем здоровы, — сказал он. — Позвольте мне напомнить вам, что письмо вашей племянницы к мистеру Овиду Веру было совершенно ясно, и я имел смелость сначала прочесть его, а потом уже занести к вам.

Мистрис Галилей слушала молча, сознавая в то же время, что она опять сделала ошибку. Она не хотела довериться человеку, который владел, однако же, ее тайнами. Мистер Ле-Френк настолько был любезен, что не захотел воспользоваться преимуществами своего настоящего выгодного положения.

— Я буду иметь честь зайти к вам еще раз, — сказал он, — когда вы будете более в состоянии оценить предложение моих скромных услуг. Я ни за что на свете не желал бы утомлять вас, мистрис Галилей! В то же время позвольте мне предложить вам вопрос, отложить который нельзя: взяла ли мисс Кармина, переезжая от вас, свой бювар и свои ключи?

— Нет.

— Позвольте мне напомнить вам, что она всякую минуту может прислать за ними.

В эту минуту снова явился Жозеф с докладом, что внизу ждет мистер Нозль. Мистрис Галилей распорядилась, чтобы он пришел к ней, когда она позвонит. Когда они остались одни, мистер Ле-Френк подошел к дивану и шепотом повторил свой вопрос.

— Мистрис Галилей, может быть, в бумагах вашей племянницы найдется что-нибудь в высшей степени важное. Ведь мы не знаем, какую вела она переписку, и можем найти что-либо касающееся няни и гувернантки. После того что одно письмо уже нами перехвачено, колебаться безрассудно. Сами вы этого сделать не можете.

Я знаю комнату. Не бойтесь, что меня там застанут. У меня такая неслышная походка, и отговорка готова, если кто-нибудь также потихоньку войдет. Предоставьте это мне.

Говоря это, он зажег свечу.

— Завтра я зайду к вам, — прибавил он, выходя из комнаты.

При входе мистера Ноэля, мистрис Галилей прибавила огня в лампе. У нее были свои причины желать побольше света.

Скромный и смущенный вид, с каким доктор высказывал ей свои извинения, тотчас же объяснил ей, что Тереза уже сообщила ему, что случилось. Никогда прежде не бывал он таким внимательным и кротким. Но он забыл — или боялся — просить о причине болезни, а просто пощупал пульс, измерил температуру и написал рецепт. Пока он все это делал, мистрис Галилей не произнесла ни слова.

— Не угодно ли вам еще чего-нибудь? — спросил он.

— Можете вы сказать мне, когда я выздоровею? — спросила она.

Мистер Ноэль был человек вежливый. По его мнению, мистрис Галилей могла дня через два быть здорова, но могла и дольше пролежать у себя в комнате. Он надеялся, что средство, им прописанное, принесет ей пользу, но советовал тотчас же лечь в постель. На следующее утро он обещал зайти.

— Садитесь, — сказала мистрис Галилей.

Мистер Ноэль побледнел, но повиновался. Он предвидел, что будет.

— Вы осматривали мисс Кармину? Я желаю знать, чем она больна.



Мистер Ноэль хотел отвечать уклончиво.

— Мы серьезно опасаемся за нее. Болезнь сильно осложнилась. Даже доктор Бенджулиа...

— Говорите прямо, мистер Ноэль, можно ее перевезти сюда?

— Совершенно невозможно.

— За ней ходит эта иностранка, няня... одна няня?

— Ах, не говорите о ней, мистрис Галилей! Ужасная женщина, грубая, вспыльчивая, настоящая дикарка. Когда я упомянул о второй сиделке...

— Понимаю. Вы сейчас спрашивали, не надо ли мне чего-нибудь. Вы можете оказать мне большую услугу: рекомендуйте мне хорошего стряпчего.

Мистер Ноэль немало этому удивился. Как давнишний врач дома он знал, кто был стряпчим семейства Галилей.

— Мистер Муль обманул мое доверие, — продолжала мистрис Галилей. — Можете вы или нет рекомендовать другого стряпчего?

— Конечно. У меня тоже есть стряпчий.

— На столе вы найдете все, что нужно для письма. Я не задержу вас больше пяти минут. Я попрошу вас написать под мою диктовку.

— В вашем настоящем положении...

— Делайте, что я вам говорю! Голова моя совершенно свежа. Кто ваш стряпчий?

Мистер Ноэль назвал фамилию и взялся за перо.

— Пишите формальное письмо от моего имени, — продолжала мистрис Галилей, — и в нем просите стряпчего снестись с мистером Мулем и удостоверить, что в силу завещания мистера Роберта Грейвиля я назначена опекуной над Карминой. Написали?

Мистер Ноэль написал.

— Теперь напишите, каким образом и куда племянница моя была от меня увезена.

Мистер Ноэль написал и это.

— Теперь, — сказала мистрис Галилей, — напишите, что я намерена делать.

Мистер Ноэль перевернул лист, и рука его несколько дрожала, пока он писал следующие строки:

«В силу своей власти я запрещаю Терезе быть в качестве сиделки при мисс Кармине. Запрещаю даже входить в ту комнату, где лежит теперь больная. Далее я предупреждаю эту особу, что племянница моя будет возвращена ко мне дом, лишь только врачи дадут позволение перевезти ее. Я желаю, чтобы уполномоченные мною стряпчие завтра же утром начали свои действия по этой инструкции».

Мистер Ноэль с безмолвным негодованием дописал эту бумагу. Он достал носовой платок и вытер себе лоб.

— Завтра утром, когда вы приедете ко мне, привезите расписку, что стряпчие получили инструкции, — продолжала мистрис Галилей. — Прощайте.

## XLVI

Даже в тиши классной комнаты мистер Галилей не мог успокоиться. Его тревожил вопрос совершенно для него новый — вопрос о себе как муже и отце. В продолжение многих лет привыкнув смотреть на свою жену, как на существо высшее, он сознавал теперь, что она не стоит его уважения. Раздумывая, что ему делать с Марией и Зо, он все более и более терялся и смущался. Предоставить их (как он предоставлял

до сих пор) в полное распоряжение матери значило оставить детей под влиянием женщины, которой он перестал верить и которую перестал уважать. Он раздумывал об этом в классной комнате, раздумывал, ложась спать. На следующее утро он таки додумался: он решился обратиться за советом к другу своему мистеру Мулю.

В конторе ему сказали, что мистер Муль у себя в кабинете и очень занят. Клерк, передавший мистеру Мулю о его приходе, принес ему листок бумажки, на котором мистером Мулем было написано: «Что-нибудь очень важное?» Простосердечный мистер Галилей написал в ответ: «Нет, я могу зайти потом». Кроме познаний по части шампанского, у доброго старика было еще одно достоинство: превосходный почерк. Мистер Муль, увидав, что ответ ему был нацарапан какими-то кривульками, вывел из этого свое заключение и просил своего старого приятеля подождать.

Через какие-нибудь десять минут они уже сидели вместе, и стряпчий узнал все, что произошло накануне при Бенджулиа.

Оба собеседника замолчали на некоторое время, обдумывая, что им делать. Они, сами того не подозревая, оказались под влиянием друг друга. Образ действия мистрис Галилей обоим показался отвратительным, и сочувствие к Кармине произвело то, что из них двоих создался один решительный человек.

— Дорогой мой Галилей, это дело серьезное.

— Дорогой мой Муль, я чувствую это сам, а иначе я не стал бы вас беспокоить.

— Ну, какое тут беспокойство! Но только я усматриваю тут такую путаницу, что не знаю с чего начать.

— Так же как и я. Я рад, что мы с вами сходимся.

Мистер Муль встал и прошелся по комнате, как бы собираясь с мыслями.

— Бедняжка! — проговорил он. — Лучше ли ей?

— Зачем вы это спрашиваете?! — вскричал мистер Галилей. — Вы точно не думаете, что она может поправиться... Не так ли? Будьте поосторожнее, хоть ради меня.

— Извольте, — сказал мистер Муль. — Ну, так скажите, когда она может выздороветь? Этим мы, впрочем, не устраним затруднений. Если мистрис Галилей захочет воспользоваться своими правами, что мы станем делать?

Мистер Галилей встал в свою очередь и прошелся взад и вперед по комнате.

— Что могло заставить брата назначить ее опекуницей Кармины? — спросил он с непривычным ему раздражением.

Стряпчий сидел и о чем-то думал. Он ответил мистеру Галилею только тогда, когда тот повторил свой вопрос.

— Я искренне уважал мистера Роберта Грейвиля, — сказал он. — Лучшего мужа и отца представить себе нельзя. Но он был слаб, ужасно слаб. Если позволите мне сказать, настойчивость вашей жены — увы, вовсе не похожей на своего брата, — не могла не повлиять на него. Будь леди Норзлэк менее апатична и скромна, дело это могло бы кончиться совсем иначе. Но мистрис Галилей оказывала на Роберта Грейвиля постоянное давление, и вот таким образом девушка оказалась под ее властью. Но что бы там ни было, нам надо оградить мисс Кармину. Нам надо действовать.

— Нам надо действовать! — повторил мистер Галилей, чуть-чуть сжав кулак и слабо стукнув им по столу.

— Мне думается, что у меня явилась хорошая мысль, — продолжал стряпчий, — родившаяся вследствие того, что мисс Кармина сама мне говорила. Позвольте спросить вас, вы близки с ней?

Лицо мистера Галилея просияло.

— Еще бы! — отвечал он. — Прощаясь, я всегда целую ее, и здороваюсь тоже.

Такое доказательство близости с Карминой не удовлетворило, однако, стряпчего.

— Говорила ли она вам когда-нибудь, что хочет поспешить с браком? — спросил он.

Такой простой вопрос удивил мистера Галилея. Его честное лицо отвечало за него: он не настолько был близок с Карминой.

— Мы можем сделать только одно, — продолжал мистер Муль, — можем поторопить мистера Овида возвратиться. Вот это-то и есть моя мысль.

— Так давайте исполним это сейчас же! — вскричал мистер Галилей.

— Вы только скажите: сочувствуете ли вы моей мысли? — спросил мистер Муль.

— Она вполне успокоила меня! — громко проговорил мистер Галилей. Он с каждым словом все больше и больше приобретал твердости.

Один из них достал телеграфный бланк; другой взял перо.

— Пошлем мы телеграмму от вашего имени? — спросил мистер Муль.

Если бы у мистера Галилея было сто имен, то он подписал бы их все. «Джон Галилей, 14 Ферфильд-Гарден, Лондон, в...» Тут перо остановилось. Овид был еще где-то на канадских просторах. Переписываться с ним можно было только через посредство квебекских

банкиров. Поэтому банкирам была послана следующая телеграмма: «Как только вы узнаете адрес Овида Вера, то тотчас же телеграфируйте о нем».

Когда телеграмма была послана, энергия мистера Галилея несколько спала.

— Ждать нам придется долго, — сказал он.

Друг его с ним согласился. Мистер Муль по положению своему мог опираться только на закон, а закон был не на их стороне, что он и сообщил мистеру Галилею.

— Мы ничего не можем сделать, — заметил он, — пока не возвратится мистер Овид. А пока для мисс Кармины нет иного выхода, как только подчиниться опекунке, если только... — Он пристально посмотрел на мистера Галилея, — если только вы можете преодолеть свое настоящее нерасположение к вашей жене.

— Преодолеть? — повторил мистер Галилей.

— Я понимаю, что теперь это невозможно, — согласился стряпчий. — На вас это происшествие произвело слишком тяжелое впечатление. Конечно, конечно! Но ведь у вас должна была явиться привычка... вы столько лет женаты... и так кротки...

— Что вы хотите сказать? — спросил мистер Галилей с удивлением и даже досадой.

— Несколько убедительных слов с вашей стороны, мой добрый друг, в минуту заключения мира могли бы принести большую пользу. Мистрис Галилей, может быть, согласится не предъявлять своих прав, пока отношения не станут более дружелюбными. Конечно, компромисс возможен, если только вы преодолете себя и простите вашей жене.

— Прощу ей? Да я рад бы был простить ей! — в страшном волнении вскричал мистер Галилей. — Но как мне простить? Господи, как мне простить? Ведь

вы-то не слышали этих позорных слов. Вы не видели отчаянного взора бедной девушки. Уверяю вас, что у меня дрожь пробегает по телу, когда я думаю о жене! Мои дети, мои милые, хорошие дети... У меня сердце ноет, как я подумаю, что они воспитываются такой матерью... Что они скажут, когда она возьмет Кармину обратно домой и будет обращаться с кроткой девочкой по-своему? Вчера вечером были минуты, когда мне приходило в голову убежать куда-нибудь и взять с собой девочек... Скажите мне, что могу я сделать для своих детей?..

— Относительно ваших детей, — ласково сказал мистер Муль, — вам беспокоиться нечего. В этом вопросе, слава богу, мы стоим на твердой почве.

— Что это значит, Муль?

— Это значит, что относительно ваших дочерей власть находится у вас в руках. Будьте тверды, Галилей, будьте тверды!

— Буду! Только подавайте мне пример. Вы ведь тверды, не так ли?

— Я думаю, что детей надо бы пока куда-нибудь увезти.

— Сейчас же, Муль!

— Сейчас же! — повторил стряпчий.

— Что бы там жена моя ни говорила!

— Что бы там она ни говорила, — подтвердил мистер Муль. — Отец — глава.

— Вы закон знаете?

— Я закон знаю. Вам надо только предъявить свои права:

— А вам следует поддержать меня.

При помощи таких взаимных подстреканий они решились, наконец, действовать. Это усилие утомило их

обоих. Мистер Муль предложил стакан вина. Мистер Галилей решил спросить:

— А нет ли у вас шампанского?

Стряпчий позвонил. Через пять минут перед ними стояли шипящие бокалы. Еще через пять минут они снова принялись толковать о делах. Вопрос о том, куда всего лучше было перевезти детей, был снова поднят, и мистер Муль предложил свой дом, заявляя, что тут есть только одна невыгодная сторона: дом его легко доступен для мистрис Галилей.

Последнее обстоятельство заставило друга его вспомнить о леди Норзлэк, бывшей в Шотландии. Леди Норзлэк постоянно приглашала Марию и Зо к себе, но мистрис Галилей из зависти никогда не пускала их.

— Напишите сейчас, — посоветовал мистер Муль. — Жена ваша больна, мисс Кармина больна, вы не можете уехать из Лондона, а детям необходим чистый воздух.

Мистер Галилей написал письмо в этом духе и настаивал, чтобы оно было тотчас же отправлено.

— Я знаю, что почта пойдет еще нескоро, но я желаю успокоиться.

Стряпчий, подняв стакан с вином ко рту, остановился.

— Послушайте, уж вы не колеблетесь ли?

— Нисколько, — отвечал мистер Галилей.

— И действительно отправите девочек?

— Девочки уедут в тот же день, как только леди Норзлэк пригласит их.

— Это я запишу, — сказал мистер Муль.

Он записал, и они встали, чтобы проститься. Мистер Галилей опять вспомнил о Кармине.

— Подумайте хорошенько! — сказал он, прощаясь. — Уверены ли вы, что закон не может помочь в этом случае?



— Я могу просмотреть завещание ее отца еще раз, — отвечал мистер Муль.

Надежда явилась в воображении мистера Галилея.

— Отчего не подумали вы об этом раньше? — спросил он.

Мистер Муль вежливо отвечал:

— Не забывайте, сколько дел у меня в голове. Мне только теперь пришло в голову, что завещание может указать нам на что-нибудь... в случае, если со стороны опекунши есть открытое сопротивление против опекаемой.

Тут он остановился, зная очень хорошо, что мистрис Галилей никогда не станет сопротивляться открыто.

Возвращаясь домой, мистер Галилей встретил горничную своей жены. Она опускала письмо в почтовый ящик на углу сквера и, увидав барина, покраснела.

«Переписывается, должно быть, с дружком», — подумал мистер Галилей.

Войдя в дом с бесконечной сигарой во рту, он прошел прямо в курительную комнату мимо своей младшей дочери, которая стояла у лестницы в кухню и ждала кого-то.

— Опустила? — прошептала Зо горничной, вернувшейся по черному ходу.

— Теперь благополучно пойдет, дорогая. — Она заглянула в сени и, удостоверившись, что там никого нет, с довольным видом обратилась к Зо: — Ну, теперь расскажите мне, что вы видели вчера, когда сидели, спрятавшись в спальне мисс Кармины?

## XLVII

Было около полудня, когда мистер Ле-Френк, согласно своему обещанию, явился к мистрис Галилей.

Он вошел в комнату, мрачно осмотрелся, предложил несколько общих вопросов и, как огорченный музыкант, запел в минорном тоне:

— Очень жалею, мадам, что нахожу вас все еще на диване. Неужели здоровье ваше не поправляется?

— Нет еще.

— Что же говорит ваш доктор?

— То, что все они говорят, — советует быть терпеливой. Но довольно обо мне! Вы, кажется, расстроены?

Мистер Ле-Френк движением головы показал, что она не ошиблась.

— Я очень расстроен, — сказал он. — Я задет как артист. Но зачем буду я беспокоить вас своей ничтожной особой?

Эти слова сопровождались взором, которым он ясно выражал желание быть спрошенным. В этот день мистрис Галилей убедилась, что нуждается в услугах мистера Ле-Френка, и потому, пересилив себя, спросила:

— Я надеюсь, что вы не имеете причин жаловаться на своих учениц?

— В настоящее время года у меня нет учениц. Все разъехались по дачам.

Она слишком была занята собой, чтобы обдумывать свои слова, и потому прямо спросила:

— Так что же беспокоит вас?

На этот раз он отвечал тоже прямо:

— Я горько унижен, мистрис Галилей! Мне пришлось раскаться, что я просил вас о позволении посвятить вам свой романс. Купы, от которых зависит продажа, не взяли и десятой доли того числа экземпляров, на которое я рассчитывал. Неужели вкусы публики изменились? Мое сочинение было тщательно основано

на принципах фешенебельности, то есть на принципах новейшей германской школы: как можно менее мелодии и более аккомпанемента. И какой же результат? Вместо выгоды один убыток, так как по условию мне следует выплатить половину издержек по изданию. И более всего меня тут огорчает то, что ваше имя стоит на вещи, которая потерпела такое фиаско!

Он вынул из кармана надушенный платок и закрыл им свое лицо. Положительно мистрис Галилей вполне понимала, чем огорчен композитор.

— Не огорчайтесь, мистер Ле-Френк, — сказала она. — Раз имя мое выставлено на нотах, то романс принадлежит мне. Если продажа идет плохо, то потрудитесь прислать счета вашего издателя ко мне.

Мистер Ле-Френк открыл лицо и вскочил на ноги. Его снисходительная покровительница решительно не хотела его выслушать: она считала достоинство искусства вещью священной.

— Ни слова более об этом, — сказала она. — Скажите мне, что вы сделали вчера вечером? Ваши поиски не были нарушены, а иначе я бы знала об этом. Нашли вы что-нибудь достойное внимание в комнате моей племянницы?

Мистер Ле-Френк понял, что может явиться героем.

— А вот судите сами, — сказал он и подал мистрис Галилей письмо.

Это было письмо отца Патрицио. Мистрис Галилей молча прочла его. В нем патер говорил, что няню придется серьезно удерживать. Она молча сложила письмо.

— Вас оно встревожило? — спросил мистер Ле-Френк.

— Оно меня удивило, — проговорила она. — Дайте мне время подумать.

Мистер Ле-Френк вернулся к своему столу. Он имел причины быть собою очень довольным.

После некоторого раздумья мистрис Галилей показала ему письмо.

— Какое оно произвело на вас впечатление? — спросила она.

— Это письмо говорит само за себя. У вас есть враг, который ни перед чем не остановится.

Мистрис Галилей некоторое время молчала, как бы колеблясь.

— Вы видите меня тут, — продолжала она, помолчав, — лишенную возможности выходить из комнаты и, может быть, лишенную надолго. Как стали бы вы беречься этой женщины на моем месте?

— Я бы подождал.

— Чего?

— Чтобы эта женщина показала себя.

— Она уже показала.

— Когда же?

— Вчера вечером. Вы видите, что я больна, и теперь мне надо сказать вам, почему я больна.

Она сообщила все, что было, без всяких комментариев и без какого-либо волнения.

— Пока я лежала без чувств, — продолжала она, — племянница моя была увезена от меня. С ней сделался нервный припадок; теперь она находится в квартире няни и так больна, что перевезти ее нельзя. Вот что произошло вчера вечером.

— Можно, пожалуй, сказать, — заметил Ле-Френк, — что всего лучше было бы притянуть эту старуху к суду.

— Конечно, это было бы легче, — отвечала мистрис Галилей. — Но при своем положении я считаю гласность немислимой.

Мистер Ле-Френк должен был с этим согласиться.

— В таком случае, — сказал он, — не легко дать вам ответ. Как можете вы, лежа здесь, заставить повиноваться эту женщину?

— Стряпчие мои заставили ее уже повиноваться сегодня утром.

Мистер Ле-Френк так был удивлен, что, забывшись, вскричал:

— Черта в ступе заставили они!

— Они от моего имени запретили ей, — продолжала мистрис Галилей, — исполнять обязанность сиделки у племянницы. Они уведомили ее, что мисс Кармина будет отдана под мой надзор, лишь только ее можно будет перевезти. И они прислали мне ее согласие на безусловное повиновение, подписанное ею. — Она достала из стола письмо и прочла его вслух. «Я униженно прошу прощения у мистрис Галилей в своем дерзком и незаконном поступке. Я признаю и подчиняюсь ее власти, как опекунке над мисс Карминою Грейвиль. Я обращаюсь к ее состраданию и умоляю ее избавить меня от несчастья быть разлученной с мисс Карминою, на каких условиях ей будет угодно».

— Ну, что вы на это скажете? — спросила она, окончив чтение письма.

Мистер Ле-Френк удивил ее своим ответом.

— Подчинитесь, — сказал он. — Исполните ее просьбу. А когда вы поправитесь настолько, что будете в состоянии отправиться к ней, то отказывайтесь от еды и питья, которые она вам предложит.

Мистрис Галилей приподнялась на диване.

— Вы смеетесь надо мной, сэр, — сказала она. — Теперь, кажется, не время для шуток.

— Я никогда в жизни не говорил серьезнее, мадам.

— Вы думаете... Неужели вы серьезно думаете, что она способна отравить меня?

— Думаю.

Мистрис Галилей опустила на подушки.

Мистер Ле-Френк по пальцам стал перечислять причины, заставившие его прийти к этому заключению.

— Кто такая она? — начал он. — Она итальянка простого звания. Добродетели народа, в среде которого она воспитывалась, не достигают до того, чтобы считать человеческую жизнь священной. Что мы о ней знаем? Она напугала священника, своего духовника, близко ее знающего; набросилась на вас с такой яростью, что вы едва остались живы. Что после этого вы послали ей сказать? Вы сообщили этой тигрице, что можете разлучить ее с ее воспитанницей и властью своей воспользуетесь. Ввиду всех этих фактов, какое можем мы вывести заключение? Поверим ли мы, что она подчиняется вашему решению, или что она хочет только выиграть время и способна на попытку отравить вас?

— Что же мне делать? — спросила мистрис Галилей.

— Не надо спускать глаз с врага, — отвечал мистер Ле-Френк. — Надо устроить за ней присмотр в ее собственной квартире и обыскать ее комнату, как я обыскал вчера комнату мисс Кармины.

— Ну и что же? — сказала мистрис Галилей.

— Как что же? — повторил мистер Ле-Френк.

Она вспыхнула с досады.

— Говорите же прямо, можете вы это для меня сделать? — спросила она. — А если можете, то скажите, как вы это устроите.

Мистер Ле-Френк отвечал особенно любезно.

— Успокойтесь, пожалуйста, — сказал он. — Я очень рад, что могу служить вам, а сделать это совсем не трудно.

— Не трудно?

— Конечно, не трудно. Разве живет она не в меблированных комнатах? А в настоящее время года разве у меня нет свободного времени? — Он встал и взялся за шляпу. — Вы теперь, конечно, понимаете в чем дело? Холостому человеку нужна комната. Он человек спокойный и может доставить отличные рекомендации. Адрес, мистрис Галилей... позвольте просить вас дать адрес.

## XLVIII

Часов в семь вечера в четверг Кармина в первый раз узнала Терезу.

Ее полузакрытые глаза открылись как бы после долгого сна и остановились на старой няне, по-видимому, без всякого удивления.

— Как я рада, дорогая, что вижу тебя, — сказала она. — Устала ты с дороги?

Кроме этого она ни о чем не спрашивала. Она не выразила и тени намека начет мистрис Галилей, не спрашивала, где мисс Минерва, и нисколько не удивилась, что очутилась в незнакомой комнате. Совершенно спокойно она спрашивала временами:

— Ведь ты останешься теперь со мной?

Иногда она жаловалась, что у нее тяжела голова, и просила Терезу взять ее руку.

— Мне кажется, что я точно улетаю от тебя, — говорила она. — Держи меня за руку, и тогда я не буду бояться уснуть.

С самого раннего утра пассивно-спокойное состояние ее было нарушено. У нее началась страшная рвота, беспрестанно возобновлявшаяся. Тереза послала за мистером Ноэлем. Мистер Ноэль послал за своим знаменитым собратом. Бенджулиа явился, не теряя времени.

— Серьезное расстройство желудка, сэр, — встретил его мистер Ноэль, показывая прописанный им рецепт. Бенджулиа одобрил средство.

— Не желаете ли вы сделать какое-нибудь замечание, сэр? — продолжал мистер Ноэль.

Бенджулиа не желал сделать никакого замечания.

Он подождал, пока Кармина будет в состоянии говорить с ним.

— Помните вы, когда в последний раз меня видели? — спросил он девушку.

Подумав немного, она отвечала:

— Да, с нами была тогда Эо; мы говорили... О чем это мы говорили? Разве это непременно нужно?

— Нет, не нужно, — отвечал Бенджулиа. — Спите себе.

Он некоторое время глядел на засыпавшую девушку.

— Страшно слаба, — прошептал мистер Ноэль.

— Да, — отвечал Бенджулиа. — Я зайду еще.

Выходя, он отозвал Терезу в сторону.

— Не предлагайте ей больше вопросов, — сказал он, — и не позволяйте ей самой расспрашивать.

Он поспешил домой: там его ждали опыты. На вивисекционном столе лежала собака. Несчастное страдающее существо слабо замахало хвостом и пыталось даже лизнуть жестокую руку, поразившую ее мозг. Бенджулиа приподнял морду собаки, внимательно посмотрел на нее и положил обратно на стол. Он думал о Кармине. В ней



происходил какой-то скрытый процесс, который время должно было разъяснить.

«Я думаю, что я не понадобится этому ослу, — подумал он о мистере Ноэле, — не понадобится по крайней мере целую неделю».

Действительно, неделя прошла, и Бенджулия никто не потревожил. В течение этой недели мистер Ноэль старался бороться с частными, отдельными проявлениями болезни. Но в общем, как упорно утверждала Тереза, не было ни малейшего улучшения, хотя нельзя было не заметить, что голова Кармины начинала понемногу работать. Прежде всего она начала говорить об Овиде.

Она страшно тревожилась, что он как-нибудь может узнать о ее болезни. Она запретила Терезе писать ему и послала просить мистера и мистрис Галилей и даже мистера Муля скрыть от него ее болезнь.

Няня взялась передать это поручение и не передала. Впрочем, это не имело никаких последствий. Мистрис Галилей никак не могла желать писать обо всем происшедшем сыну, а муж ее и мистер Муль послали телеграмму банкирам Овида. Сама Тереза вовсе не желала иметь дело с Овидом. Его отсутствие — как бы оно ни было необходимо для поправления его здоровья — с ее точки зрения было непростительным. По мнению няни, он должен был во что бы то ни стало остаться дома ради Кармины.

События, совпадавшие с началом болезни Кармины, совершенно исчезли из ее памяти; она удивлялась, отчего это мистрис Галилей никогда к ней не приходит; она тоже вспомнила о мисс Минерве.

— Не знаешь ли ты, куда она переехала? Неужели она не напишет мне? — спрашивала она Терезу. Старуха хотела спросить ее о чем-то, но она с утомлением

повернулась на другую сторону, устало проговорив: —  
Все равно!

В другой раз она спросила о Зо, сказав при этом, что ей было бы приятно, если бы мистер Галилей зашел к ней и привел с собою девочку. Но она тотчас же замолчала и не возвращалась более к этому предмету. По-видимому, она могла думать более продолжительное время только о своем последнем письме к Овиду.

Она представляла себе его удивление, когда он получит это письмо, и досадовала, что болезнь мешает ей уехать в Канаду; она рассказывала Терезе, как ловко составлен их план бегства, и при этом была почему-то убеждена, что план составлен не мисс Минервою, а Терезою. Тут в первый раз мысль ее коснулась опасной почвы. В ряду воспоминаний теперь стояли кража письма и события, за этим следовавшие. Но слабость ее спасла ее. Она не могла припомнить что-либо кроме того, что написала письмо. Потрясенная, ослабевшая голова ее постоянно искала отдыха во сне. Иногда она начинала чувствовать какое-нибудь местное расстройство; всего чаще возвращалась рвота. Мистер Ноэль представлял собою превосходный пример терпения и скромности. Он по-прежнему свято верил в свои предписания и полагал все свои надежды на время и уход. Он, впрочем, перестал тревожиться состоянием Кармины с той минуты, как ее перевезли к Терезе. Усматривая только видимые проявления болезни и не разбирая причин их, он со спокойной совестью сказал Терезе, что настоящий случай ему совершенно понятен. Он умел всегда успокоить страстную итальянку, переходившую моментально от надежды к отчаянию.

— Моя добрая старушка, мы не бродим впотьмах, а это очень важно, уверяю вас, — говорил он.

— Что вы хотите сказать этим? — спросила итальянка. — Вы скажите мне, когда Кармина выздоровеет?

Медицинские познания мистера Ноэля не были настолько велики, чтобы он мог отвечать на такой вопрос.

— Мисс Кармина поправляется медленно, но все-таки поправляется, — отвечал он уклончиво.

— А тетка ее тоже поправляется? — спросила Тереза. — Когда она будет в состоянии прийти сюда?

— Через несколько дней...

Лицо Терезы передернулось. Она достала из кармана письмо.

— Вы человек рассудительный, — сказала она мистеру Ноэлю. — В жизни вам немало приводилось видеть дурных английских женщин. Скажите мне прямо, что означает эта чепуха?

Она подала ему письмо; он с некоторым отвращением прочел его:

«Мистрис Галилей отказывается входить в какие-либо соглашения с особой, занимавшей в доме покойного мистера Роберта Грейвиля должность няни. Снисходя к извинению и просьбам этой особы, мистрис Галилей не принимает немедленных мер. Кроме того она не принимает их вследствие необходимости избавить племянницу от волнения, которое может помешать ее выздоровлению. Когда же обстоятельства переменятся, она, не колеблясь, предъявит свои права».

По почерку мистер Ноэль увидел, что письмо написано не рукою мистрис Галилей. Лицо, занявшее у мистрис Галилей его место по части писанья, очевидно, было способно дать ей здравый совет. Доктор никак, конечно, не подозревал, что таинственный секретарь был одно и то же лицо с пианистом, на концерт которого ему был навязан билет стоимостью пять шиллингов.

— Ну, что же? — сказала Тереза.

Мистер Ноэль не решался говорить. Няня нетерпеливо топнула ногой.

— Вы вот что мне скажите: когда она явится сюда, то разлучит меня с Карминой? Это она и хочет сказать?

— Вероятно, — уклончиво отвечал мистер Ноэль. Тереза указала на дверь.

— Ну, прощайте. Мне больше ничего не надо. Оставьте меня в покое.

Оставшись одна, она упала на колени. Ее губы шептали: «Господи, не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого! Господи! Иисусе Христе, услышь меня! Матерь Божия, услышь меня! Ах, Кармина, Кармина!»

Тереза встала и открыла дверь в спальню. Дрожа всем телом, в продолжение нескольких минут глядела она на мирно спавшую Кармину и потом направилась в угол комнаты, где стояла деревянная шкатулка. Она взяла шкатулку и вернулась в гостиную, тихонько заперев двери в спальню.

После некоторого колебания она решилась открыть шкатулку. Там лежали в беспорядке мелкие принадлежности дамского туалета как приготавливать различные краски. Порывшись, она достала со дна маленькую жестяную коробочку. На коробочке была наклеена бумажка с итальянской надписью: «Если в этой коробочке останется порошок, из которого мы делаем наши лучшие краски, то я прошу мою добрую жену, или кого-нибудь из надежных людей запечатать коробочку и тотчас же снести на фабрику. Порошок этот похож на мелкий сахар. Не пробуйте его, а то отравитесь».

Она хотела открыть коробочку, но не решилась и только потрясла ее. Потом, взяв ножик, она села в угол между дверью в спальню и стенным шкафом и стала

соскабливать надпись. В эту минуту она услышала, что кто-то вошел в спальню через дверь, выходящую в коридор. Вслед за этим дверная ручка щелкнула. Она едва успела отворить шкаф и сунуть в него жестянку, как в комнату вошла хозяйка.

Хозяйка взглянула на шкаф: он был ее гордостью.

— Прекрасный шкаф! — самодовольно проговорила она. — По соседству ни в одной квартире нет таких удобств. Правда, замок сломан, но я тут не виновата. Это дело последней жилицы... Вы не слышали, как я стучалась в спальню? Очень рада, что молодая особа так крепко спит. Ее куриный суп будет готов к тому времени, как она проснется, хотя сегодня я немного запоздала. Знаете, у меня было столько хлопот по уборке комнаты для нового жильца. Это настоящий джентльмен, и так снисходительно ждал целую неделю, пока я не приготовила комнаты. В первом этаже у меня комнаты свободны, знаете, но он говорит, что для него слишком дороги. Я, конечно, не забыла ему упомянуть, что у нас в доме больная. В такое время, сказала я, конечно, я ставлю первым условием, чтобы всякий новый жилец был спокойным человеком. Он понял. «Я сам был болен, — сказал он, — и оставляю свою теперешнюю квартиру только потому, что на ней не очень спокойно». Ну, а нам ведь такого человека и нужно. И знаете, какой красивый человек. Хотя он и лысый, надо признаться, но зато какая борода и какой мягкий голос!.. Пойдите, кажется, вас зовут.

Действительно, Кармина проснулась и звала Терезу. Старуха поспешила в спальню.

Оставшись в гостиной, хозяйка — «чисто из любопытства», как она выразилась потом в разговоре с ее новым жильцом, — отворила шкаф и заглянула в него.

Коробочка стояла тут на верхней полке. Итальянскую надпись она не поняла. Она открыла жестянку, помолила пальцы, попробовала порошок и плюнула в платок. Язык у нее точно огнем сожгло... Она поставила обратно жестянку и заперла шкаф. «Верно, какое-нибудь лекарство, — подумала она. — Но зачем старуха так торопливо спрятала его, когда я вошла?»

## XLIX

Через неделю после второго свидания с мистрис Галилей мистер Ле-Френк занял нанятую им комнату.

Первый свой доклад мистрис Галилей он изложил письменно. Личные сношения с нею, если бы они были случайно открыты, могли возбудить подозрение Терезы по той простой причине, что она знала его в лицо. Они не раз встречались в то время, как Кармина приехала в Англию и няня была с ней.

Он адресовал письмо на имя одного своего друга, которому было поручено передать его мистрис Галилей.

«Я не терял ни времени, ни случая, как вы увидите. Спальня моя находится как раз над комнатами, занимаемыми мисс Карминой и ее няней. Так как мне надо было обделать кое-какие свои дела, то я переехал довольно поздно вечером. Прежде чем потушили огонь на лестнице, я спустился на площадку вниз. Я не хотел ложиться спать, не сделав предварительных исследований. Не прошло и пяти минут, как я увидел няню, открывшую дверь. Она посмотрела вверх и вниз и, не заметив меня, вернулась к себе в комнату.

Дождавшись, чтобы она затворила дверь, я сошел вниз и стал прислушиваться у двери.

Кто-то из моих соседок (вы знаете, что я не верю в болезнь мисс Кармины) разводил огонь в такой теплый вечер, что даже на лестнице окно было открыто. Я твердо уверен в том, что говорю: я слышал, как трещали дрова, чувствовал запах каменного угля. Причину такого действия трудно разгадать. Если бы им надо было сжечь какие-нибудь компрометирующие документы, то для этого достаточно было бы зажечь свечу. Если им нужно было горячей воды, то для этого было бы совершенно довольно большого чайника на спиртовой лампочке, которая всегда имеется в комнате больной. Может быть, ваша более тонкая проницательность разгадает то, что меня ставит в тупик. Все это было в первый вечер.

Сегодня я имел маленький разговор с хозяйкой. Мои профессиональные занятия заставляют меня стараться быть приятным прекрасному полу, и я без тщеславия могу сказать, что произвел весьма благоприятное впечатление. Мне было сказано о болезни молодой особы, вследствие чего был предложен вопрос, довольно ли я спокойный жилец, лишь только я выразил желание нанять комнату. Не естественно ли было такому доброму соседу, как я, спросить о здоровье больной? Этого было совершенно достаточно, чтобы заставить говорить хозяйку.

Из целого потока слов только один факт показался мне весьма серьезным.

Вчера хозяйка застала иностранку, когда та прятала что-то в шкаф в гостиной. Она воспользовалась первым благоприятным случаем, заглянула в шкаф и нашла маленькую жестянку с бумажкой, написанной на неведомом ей языке. В жестянке оказался белый порошок, который хозяйка решила попробовать. Он точно обжег ей рот, и она тотчас же выплюнула его. Этот порошок,

по ее мнению, должен быть каким-нибудь сильно действующим лекарством. Но зачем няня так поспешно спрятала жестянку, хозяйка объяснить не умела.

Я, может быть, так же мало понимал бы, как и хозяйка, если бы не вспомнил одной вещи.

В прошлую неделю, прежде чем освободилась моя комната, вы были так любезны, что приняли меня. Я высказал вам свое убеждение, что итальянка способна отравить вас, если вы доведете ее до крайности. Между прочим, я говорил, что предшествующая жизнь ее, может быть, подтвердит мое предположение, и я предлагал вам некоторые вопросы, касавшиеся ее жизни в Италии и жизни лиц, с которыми она была связана. Помните, на вопрос мой, знаете ли вы что-нибудь о ее муже, вы отвечали мне, что он был подмастерьем на заводе красок для живописи?

Женщине ваших познаний нечего говорить, что на фабриках красок употребляются яды. Припомните, что говорил священник в своем письме о чувствах Терезы к вам, и потом скажите: разве нет вероятия, чтобы она привезла с собой в Англию какой-нибудь яд, употреблявшийся ее мужем в его мастерстве? И разве нельзя предполагать, что при появлении хозяйки она спрятала в шкаф жестянку с мыслью о вас?

С другой стороны, очень может быть (и я горжусь тем, что с двух сторон рассматриваю вопрос), что этот белый порошок — просто хина, а не мышьяк. Я намерен самолично исследовать это. Хозяйка высказывала свое неудовольствие на прежнюю жилищу, попортившую у нее много вещей, и упоминала, что та испортила замок в стенном шкафу. Я этим, конечно, воспользуюсь и в следующем отчете надеюсь сообщить вам о том, что достал частичку загадочного порошка. Всего проще



будет снести его к химику. Если он скажет, что это яд, то я предложу вам действовать решительно.

Лишь только вы поправитесь настолько, чтобы выйти из дому, вам надо будет дать старухе возможность отравить вас.

Пожалуйста, не тревожьтесь! Я буду с вами и отвечаю за последствия. Мы придем во время чая. Пусть она предложит вам чашку чая, а я, под предлогом передать вам, завладею отравленной чашкой и, прежде чем старуха успеет крикнуть, я уже буду на пути к химику. Если вам не захочется разглашать эту историю, то все-таки у нас в руках будет химический отчет и свидетельство, что мы и сообщим вашему сыну, когда он возвратится. Как он отнесется к своему браку, когда узнает, что ближайший друг и товарищ мисс Кармины пытался — может быть, с ведома молодой особы — отравить его мать?»

Запечатав письмо, мистер Ле-Френк позвонил и приказал снести его на почту.

Идя вниз, горничная была остановлена на площадке мистером Ноэлем. Он тоже нес письмо, адресованное доктору Бенджулиа. Старая няня вышла вслед за ним и сказала: «Несите сейчас же!» Вежливая горничная осведомилась, лучше ли мисс Кармине.

— Хуже! — резко ответила итальянка и взглянула на мистера Ноэля так, точно он был в этом виноват.

Между тем мистер Ле-Френк сидел у себя в комнате за письменным столом, хмурил брови и кусал ногти. Очевидно, он был расстроен.

Чувство оскорбленного самолюбия заставило его предложить свои услуги мистрис Галилей. Обыскав комнату Кармины, он удостоверился, что подозрения его не подтверждаются ничем. Он последовал за нею в квартиру Терезы, ради своих собственных целей, как

и ради целей мистрис Галилей; ему более всего хотелось узнать тайну образа действий Кармины с ним. Он в сотый раз говорил себе: «Она с дьявольским лукавством смеется надо мной за спиной, а в глаза пожимает мне руку и просит меня быть ее другом». Мелочность доводила его до самых чудовищных и бессмысленных подозрений. После их встречи в прихожей он действительно начал предполагать, что Кармина притворяется больной только для того, чтобы избежать встречи с ним; Терезу же он считал ее сообщницей. Он готов был предположить, что романс его потерпел фиаско благодаря интриге этих двух женщин. Если бы какой-нибудь приятель сказал ему: «Какой же имеете вы повод к такому подозрению?» — он только улыбнулся бы и счел бы своего приятеля дураком.

Он пробрался вниз и стал подслушивать у дверей разговор Кармины; но она говорила так тихо, что нельзя было разобрать слов. Более громкий голос Терезы отвечал:

— Милочка моя, тебе вредно говорить. Я зажгу ночник; постарайся уснуть.

Услыхав это, он ушел к себе в комнату, думая, что когда Кармина уснет, то Тереза, может быть, уйдет вниз поболтать с хозяйкой.

Выкурив сигару, он опять вышел. Огонь на лестнице был потушен: было одиннадцать часов.

Кармина еще не уснула: няня читала ей какую-то душеспасительную книгу. На эту ночь он должен был отказаться от дальнейших исследований. Голова у него болела; он был возбужден до того, что у него начался жар. Он всегда страшно трусил всякой болезни. Он пощупал себе пульс, решил, что ему надо успокоиться, и лег спать.

Через десять минут хозяйка, отправляясь спать, поднималась по лестнице. Она тоже услышала голос, читавший вслух, и тихонько постучала в дверь. Тереза отворила.

— Неужели бедняжка не спит?

— Нет.

— Кто-нибудь разбудил ее?

— Кто-то над нами ходит, — отвечала Тереза.

— Ах, это новый жилец! — вскричала хозяйка. —

Я поговорю с мистером Ле-Френком.

В ту минуту как она, простившись, собиралась притворить дверь, Тереза остановила ее и стала что-то соображать.

— Так это он ваш новый жилец?

— Да. А вы знаете его?

— Я видела его, когда была в последний раз в Англии.

— Ну и что же?

— Ничего, — отвечала Тереза. — Прощайте.

## L

Сидя в продолжение ночи у постели Кармины, Тереза раздумывала о мистере Ле-Френке. Ей очень хотелось угадать причины, заставившие его поселиться в доме.

Очень могло быть, конечно, что ему просто хотелось переменить квартиру. В этом случае он мог совершенно случайно сделаться соседом Терезы. Она готова уже была прийти к этому заключению, но тут ей припомнилось кое-что. В первый раз она встретилась с мистером Ле-Френком в доме мистрис Галилей и так неприятно была поражена его наружностью, что заметила об этом

Кармине. Первое неприятное впечатление теперь возродилось с новой силою и вместе с серьезным поводом не доверять мистрис Галилей заставило ее отвергнуть мысль о случайном присутствии Ле-Френка в одном доме с Карминой. Всякая другая женщина в положении Терезы непременно задала бы себе вопрос: действует ли учитель музыки по своему собственному побуждению или служит мистрис Галилей? Тереза, по своему увлекающемуся и горячему характеру, не способна была задавать себе подобных вопросов и прямо пришла к положительному заключению, что учитель музыки действовал в качестве шпиона мистрис Галилей. В то время как мистер Ле-Френк ломал себе голову, составляя планы на следующий день, относительно него тоже строились планы.

Это была самая долгая и самая скучная ночь, какую только проводила добрая старая няня. Кармина почему-то вдруг стала боязлива и капризна, так что ее с трудом можно было уговорить принять лекарство. Даже когда ей самой хотелось пить, она сердилась, что ее беспокоят и дают невкусный лимонад, который в другое время она находила очень вкусным. Раз или два она вдруг приподнималась на своей постели и с нею начинался бред. Бедной девушке представлялось, что завтра будет ее свадьба, и она настоятельно спрашивала у Терезы, что та сделала с ее новым платьем. Потом ей представлялось, что мать ее еще жива, и она начинала болтать как маленькая.

— Да что же такое я сказала, что ты огорчилась? — с удивлением спрашивала она, видя, что Тереза плачет.

После восхода солнца наступил некоторый отдых. Когда приехал Бенджулиа, Кармина была уже спокойна и ни на что не жаловалась; все тревожные симптомы

совершенно исчезли. Мистер Ноэль думал, что получит выговор за то, что потревожил Бенджулиа попусту. Он начал было объясняться, но Бенджулиа не обратил на него ни малейшего внимания.

— Поднимите штору, — сказал он, — я хочу лучше рассмотреть больную.

Мистер Ноэль почтительно ждал. Молчание, однако же, длилось так долго, что он решился спросить:

— Вы ничего особенного не замечаете, сэр?

Бенджулиа видел, что сомнения его разъяснились: время (как он и предполагал) развило болезнь и дало ему возможность прийти к определенному заключению. Удар, поразивший Кармину и вызвавший истерические припадки, доводил ее теперь до параличного состояния. Пристальный и опытный взор Бенджулиа подметил некоторую неравномерность в движении век, в движении одной стороны лица, глаз, ноздрей и губ. Это было не простым расстройством мозга, и такую болезнь вряд ли мистер Ноэль мог понять. Присутствие при такой больной могло вполне вознаградить Бенджулиа за время, которое он отнимал от своих занятий в лаборатории. С этого дня Кармина в записках знаменитого врача заняла место в числе других животных, над которыми он производил опыты.

Он спокойно обернулся к мистеру Ноэлю, отвечая на его вопрос.

— Ничего! — сказал он просто.

— Вы предпишете что-нибудь, сэр? — спросил мистер Ноэль.

— Продолжайте лечение; спустите штору, если она будет жаловаться на свет. Прощайте.

— Уверены ли вы, что он хороший врач? — спросила Тереза, когда дверь за доктором затворилась.

— Самый знаменитый в Англии! — с энтузиазмом вскричал мистер Ноэль.

— А добрый ли он человек?

— Зачем вы это спрашиваете?

— Я хочу знать, можем ли мы рассчитывать, что он скажет нам всю правду.

— В этом и сомневаться нечего!

— Вы забыли одну вещь, — продолжала Тереза, — вы не спросили у него, когда можно будет перевезти Кармину.

— Добрая моя старушка, если бы я ему предложил такой вопрос, то он обозвал бы меня дураком. Кто же может знать, когда она настолько поправится, что ее можно будет перевезти?

Он взял шляпу.

— Вы идете теперь к мистрис Галилей, сэр? — спросила Тереза.

— Нет, сегодня я к ней не пойду.

— Ей лучше?

— Она почти поправилась.

## LI

Затворив дверь за доктором, Тереза прошла в гостиную. Она боялась показаться Кармине. Мистер Ноэль разбил единственную надежду, поддерживавшую ее, — надежду бежать с Карминой, прежде чем мистрис Галилей в состоянии будет принять какие-либо меры. Имея в виду это бегство, она заставила себя подчиниться совету стряпчего и написала покорное письмо к мистрис Галилей. Что же ей было делать теперь? Беспощадная рука судьбы тяжело опустилась на честную старуху и придавила ее. Она сидела у окна, машинально глядя на улицу.

К счастью для нее, она не могла удержаться от слез; они облегчили ее. Она подождала немного из боязни, что заплаканные глаза выдадут ее, когда она вернется к Кармине. В это время она услышала звук затворявшейся двери на верхней площадке.

«Учитель музыки!» — подумала она.

Она в один миг очутилась у дверей в гостиную и стала смотреть в замочную скважину. Это было единственным удобным способом наблюдать за ним.

Он остановился и начал прислушиваться. Заметно было, что он готовится посмотреть в замочную скважину. Тереза двинула стулом, и звук этот тотчас же заставил его отойти. Он спустился с лестницы.

Тереза раздумывала о намерениях этого человека, когда хозяйка вошла в комнату и вежливо спросила, что сказали доктора о положении больной. Выслушав ответ, надоедливая женщина завела разговор о мистере Ле-Френке.

— Вчера вечером я думала о том, что вы мне сказали, — начала она, — и никак не могла понять, отчего вам слышны его шаги сверху. Он ходит так тихо, что всегда пугает меня, когда входит ко мне в комнату. Теперь он недавно вышел со двора и я сделала ему одолжение, какое не всегда делаю своим жильцам: я дала ему свой дождевой зонтик, так как накрапывает дождь. Пока его нет дома, я попрошу вас послушать, будет ли слышно, как я пройду у него в комнате. Этим никак нельзя пренебрегать, когда в доме такая больная, как ваша барышня. Мне приходит в голову, не попортился ли там пол?.. Я вам надоедаю, может быть, своими хлопотами, но если бы плотник мог починить все это, не очень стуча, то чем скорее я за ним пошлю, тем будет лучше.

В продолжение этой речи Тереза ждала с терпением, далеко ей не свойственным, возможности сказать хоть слово.

— Напрасно вы так беспокоитесь, — сказала она наконец, — наверху просто скрипнула доска, потому я и узнала, что там кто-то есть.

— Ах, вы меня успокоили! Как бы прислуга моя ни была занята, но я тотчас же пошлю кого-нибудь за мастером. Я всей душой рада услужить милой барышне.

Тереза посмотрела на часы, прежде чем войти в спальню. Кармина проснулась и, как предполагал Бенджула, пожелала, чтобы спустили шторы. Через полчаса девушка уже снова спала, и няня на свободе могла подкарауливать мистера Ле-Френка.

Прежде всего она помочила перышко в прованское масло и помазала петли и замок в дверях спальни, выходивших на лестницу. Удостоверившись, что ключ вертится неслышно и дверь не скрипит, она направилась к дверям, соединявшим спальню с гостиной.

Эта дверь была обита зеленой байкой и в ней не было замка, а только одна ручка. Она отворялась в спальню, и потому дверца шкафа, находившегося в углу гостиной, могла свободно отворяться к спальне. Тереза помаслила петли и задвижку байковой двери и, кончив это, посмотрела на часы. Через пять минут Ле-Френк мог явиться.

Заперев зеленую дверь на задвижку, Тереза тихо вошла в спальню, поцеловала спящую Кармину и вышла из комнаты на площадку. Заперев дверь на ключ, она положила его в карман. Спустившись с лестницы, она остановилась и пошла назад. Незапертою оставалась только дверь из гостиной на лестницу. Она отворила ее и оставила непритворенной.

— Теперь, — прошептала она, — я поймаю его.



Часы били в прихожей в то время, как она входила в комнату хозяйки. Хозяйка была и довольна, и вместе с тем недовольна. Довольна тем, что дорогая больная наконец уснула и няня могла прийти посидеть к ней; недовольна тем, что плотник ушел куда-то на работу на целый день.

— Будь жив мой покойный муж, нам бы не надо было и плотника: он был мастер на все руки, — говорила она. — Но садитесь, я хочу угостить вас наливкой своего собственного приготовления.

В эту минуту вошел мистер Ле-Френк. После минутной нерешимости он обратился к Терезе.

— Кажется, я имею удовольствие знать вас, — сказал он.

Тереза низко поклонилась и напомнила ему, когда и при каких обстоятельствах они виделись. Гостеприимная хозяйка принесла свою наливку.

— Угощайтесь, пожалуйста, — сказала она, — прошу покорно садиться, сэр, и выпить с нами.

Мистер Ле-Френк извинился. Зонтик, так любезно предложенный ему, не спас его ног от сырости; а так как он подвержен простуде, то должен переменить обувь. Он раскланялся и, выйдя в коридор, встал на цыпочки, чтобы заглянуть в маленькое окошечко, которым освещалась хозяйкина комната. Обе женщины спокойно сидели с бутылкой наливки и тарелкой бисквитов перед ними.

«Ну, они тут долго проболтают, — подумал мистер Ле-Френк. — Надо воспользоваться этим».

Не прошло и пяти минут, как Тереза, извинившись, побежала наверх. Она сказала хозяйке, что забыла протянуть Кармине шнурок от сонетки, на случай если она проснется. Хозяйка вполне сочувствовала тревоге няньки.

— Идите, добрая душа, — сказала она, — и возвращайтесь скорее.

Оставшись одна, хозяйка налила себе еще рюмочку наливки и улыбнулась. Любители выпить всегда улыбаются, глядя на полную рюмку.

Подойдя к своим комнатам, Тереза прислушалась. Сквозь полуотворенную дверь в гостиной ничего не было слышно. Она потихоньку вошла в спальню и снова заперла дверь.

В эту минуту она услышала наверху скрип пола. Мистер Ле-Френк был у себя в комнате.

Неужели план ее, так хорошо составленный, не удастся? Или он действительно менял чулки и башмаки? Последнее предположение оказалось верным.

Несмотря на то что Ле-Френку предстояло серьезное дело, он не забыл о своем драгоценном здоровье. Соблазн при виде полуотворенной двери был велик, но не заставил его забыть промокшие ноги.

Пол снова скрипнул; дверь комнаты учителя тихо отворилась; затем снова наступила тишина. Тереза тихонько отодвинула задвижку и отворила дверь на волосок, чтобы слышать, что делается в гостиной. Ле-Френк был уже там. Он повернул ключ в шифоньерке, где лежали только счеты, расписки и несколько книг. Имея в виду шкаф, который он мог обыскать, он все-таки не мог отказаться от желания порыться в бумагах Кармины.

Бумаги в шифоньерке, видимо, разочаровали его. Вслед затем Тереза услышала, что в дверь, за которой она стояла, что-то стукнуло. Это Ле-Френк открыл дверь шкафа. Металлический звук жестянки дал знать Терезе, что он открыл жестянку. Решившись увидеть собственными глазами, что он делает, старуха отворила

обитую дверь — должно быть, как раз в ту минуту, как он удостоверился, что жестянка пуста. Легкий звук показал, что он уронил ее на пол.

Шкаф, открытый настежь, прикрывал дверь в спальню и совершенно скрывал их друг от друга. Она с минуту колебалась, не зная, показаться ей или нет. В эту минуту послышался его голос.

— Может быть, где-нибудь есть и другой, — проворчал он себе под нос. — Дрянная старуха, верно, спрятала...

Далее Тереза не могла слушать. «Дрянная старуха» — это было такое оскорбление, перед которым все намерения и соображения итальянки отступили на задний план. От негодования у нее потемнело в глазах. Протянув обе руки, она изо всей мочи захлопнула дверцу шкафа.

Раздался отчаянный крик. С силой захлопнутая дверь шкафа прищемила два пальца правой руки мистера Ле-Френка.

Не обращая больше на него внимания, Тереза бросилась к Кармине. Ей не стоило большого труда уверить больную, что ничего не случилось, что послышавшийся ей крик был игрой больного воображения. Она заключила Кармину в свои объятия и начала ее гладить и ласкать как ребенка.

— Полно, душечка, ведь я была тут, а ничего не слыхала, — говорила она. — Не дрожи так! Постой, я закутаю тебя в шаль и прочту тебе что-нибудь. Не хочешь? Ну, так поговорим об Овиде.

Попытки ее успокоить Кармину были прерваны мужскими шагами и женскими голосами в соседней комнате. Она поспешно отворила дверь и попросила говорить шепотом и не шуметь. Хотя дверь она тотчас же закрыла, но все-таки видела и слышала кое-что.

Ле-Френк лежал на полу в обмороке. Хозяйка стояла на коленях около него и осматривала его испорченную руку; столпившиеся вокруг жильцы советовали ей отправить его в госпиталь.

## ЛII

К утру понедельника терпение мистрис Галилей истощилось. С помощью мистера Ноэля сошла она вниз в библиотеку. Развернув книгу, она свободно прочла страницу; строчки уже более не сливались у нее в глазах. Во вторник ее без возражения пустили прокатиться. Мистер Ноэль оставил ее на пути к полному выздоровлению. Он спросил ее, не желает ли она взять кого-нибудь себе для компании, но она решительно отвечала:

— Ни в коем случае! Я предпочитаю быть одной.

Утром в субботу она получила отчет мистера Ле-Френка, но тогда была еще не в состоянии сразу прочесть его. Теперь она могла приняться за него.

Она с горечью упрекала себя в том, что могла довериться такому человеку. Теперь, чувствуя себя почти здоровой, она могла действовать сама, без его помощи. К счастью, она не дала ему в руки улики против себя и не писала ему. Между ними было условлено, что он будет продолжать давать уроки музыки девочкам, лишь только убедится, что жизнь его в меблированных комнатах не возбуждает подозрения. Тогда, думала мистрис Галилей, она может уплатить ему издержки и отпустить его.

Она прошла по комнате и подошла к окну.

Небо после двухдневного дождя снова разъяснилось. Солнце ярко светило и манило на воздух. В то время как она смотрела в окно, с крыльца сошел ее муж. Он шел куда-то, неся большой сверток, завернутый в бумагу.

У них было достаточно прислуги: зачем же нес он этот сверток сам? Будь это прежде, мистрис Галилей непременно заставила бы его вернуться и ответить ей на этот вопрос. Но со времени скандала в комнате Кармины отношения между мужем и женой совершенно изменились. Пока он не опомнится, не принесет повинной, мистрис Галилей не хотела его знать.

В это время лакей подал ей два письма: одно присланное по почте, а другое брошенное к ним в ящик. Последнего рода письма являлись обыкновенно от кредиторов. Мистрис Галилей распечатала сначала почтовое письмо.

Это было извещение от учительницы, приглашенной на то время, пока мисс Минерва не будет замещена кем-нибудь. Она извещала, что занятия свои начнет на следующее утро в десять часов. В другом письме сообщалось о несчастье, случившемся с мистером Ле-Френком.

Писал его мистер Ноэль. В качестве врача мисс Кармины он считал своим долгом уведомить ее опекуншу, что на здоровье больной неблагоприятно подействовало происшествие, случившееся в доме. Оканчивал он свое письмо так: «Надо опасаться, что вы лишитесь услуг вашего теперешнего учителя музыки. Сегодня утром я получил сведения, заставляющие опасаться серьезных результатов. Хирург не уверен, что ему удастся спасти раздробленные пальцы. Завтра я буду иметь честь явиться к вам лично перед вашей прогулкой в экипаже».

Письмо это произвело впечатление, совершенно обратное тому, какого ожидал мистер Ноэль. Мистрис Галилей вздохнула с облегчением и воскликнула: «Ну, слава богу!» Она была теперь освобождена от Ле-Френка на целые недели, а может быть, и на месяцы, если только опасения хирурга оправдаются.

Если бы в эту счастливую минуту к ней вошел муж, то он, может быть, был бы прощен. Но он явился уже далеко за полдень, прошел на свою половину и через пять минут опять ушел. Жозеф, отворявший ему дверь, был удивлен не менее своей госпожи: мистер Галилей нес в этот день второй большой сверток! Кроме того он смутился, что его провожал лакей. В этот вечер он возвратился из клуба очень поздно. Жозеф, дежуривший в этот раз, заметил, что он был не совсем тверд на ногах, и вывел из этого свое собственное заключение.

Новая учительница явилась аккуратно в назначенное время. Мистрис Галилей приняла ее и послала за детьми. Горничная воротилась с докладом, что барин взял их гулять. Ему говорили, что учительница будет в десять часов, но он только сказал: «Хорошо».

Пробило половину одиннадцатого, одиннадцать; ни отец, ни дети не возвращались. Наконец кто-то позвонил в передней. Дверь была тотчас же отворена, но на подъезде никого не оказалось. Жозеф заглянул в ящик для писем и нашел там записку, адресованную на имя барыни и написанную рукою мистера Галилея. Он тотчас же подал ее. Мистрис Галилей уже начинала беспокоиться. Жозеф, ожидавший результата полученного письма за дверью, услышал страшный звон и нашел барыню в совершенной ярости.

Способ мистера Галилея успокаивать жену был замечателен по своей краткости. С одной стороны, он уверял, что ей нечего тревожиться, а с другой — сообщал ей, что увез девочек ряди перемены воздуха.

Вся прислуга была призвана в библиотеку, как только мистрис Галилей пришла в себя.

Из слов горничной, присутствовавшей при отъезде барина с барышнями, было очевидно, что девочки ничего

не знали о предполагаемой поездке. Мария отправилась гулять, не совсем довольная такой ранней прогулкой. Эо, не любившая ни умственного, ни физического труда, прямо заявила, что она предпочитает остаться дома. На это барин сказал ей: «Ну, ладно; собирайся сейчас же!», и так сердито, что мисс Эо с удивлением посмотрела на него. Взяли ли они что-нибудь с собой?.. Они ничего не взяли, за исключением дождевого зонтика мистера Галилея. Кто последним видел мистера Галилея в прошлую ночь? Жозеф видел его после всех. Низший класс в Англии в одном, и только в одном, сочувствует высшему классу. Человек, стоящий выше их, становится для них понятнее и дороже, когда он не тверд на ногах. Жозеф с достоинством отвечал на допрос и сообщил свое замечание относительно свертка. Мистрис Галилей, припомнив то, что она видела в окно, сообразила совершенно верно, что в двух свертках, которые нес ее муж, были платья и белье, взятые для путешествия и оставленные у какого-нибудь сообщника. Не может быть, чтобы мистер Галилей сам собирал детские вещи и все, что нужно девочкам, без помощи какой-нибудь женщины. Горничные опять подверглись допросу. Каждая из них стояла за свою невинность. Мистрис Галилей грозила даже послать за полицией. Оскорбленная прислуга в один голос закричала: «Ну, что же! Обыскивайте наши сундуки!» Мистрис Галилей переменила тактику. Она послала за стряпчим, рекомендованным ей мистером Ноэлем.

Лишь только посланный ушел, как явился мистер Ноэль. Он тоже был взволнован. Неужели он уже знал, что случилось? Или он явился с дурными вестями? Сначала мистрис Галилей подумала о Кармине, а потом о мистере Ле-Френке.

— Готовьтесь к сюрпризу, — начал мистер Ноэль, — к приятному сюрпризу, мистрис Галилей! Я получил телеграмму от вашего сына.

И он подал ей телеграмму.

«6 сентября. Приехал в Квебек и получил известие о болезни Кармины. Завтра отправляюсь в Ливерпуль. Осторожно передайте известие это К. Ради бога, пошлите мне телеграмму в Кинстоун».

Телеграмма была получена 7 сентября. Если ничего особенного не случится, то в Лондоне Овид мог быть через десять дней.

### LIII

Мистрис Галилей прочла телеграмму, подумала и снова прочла... Когда она заговорила, то голос ее поразил мистера Ноэля. Громкий и резкий прежде, он сделался теперь глухим и слабым.

— Приходится просить вас быть ко мне снисходительнее, — проговорила мистрис Галилей, — я, право, не знаю, что и говорить. Этот сюрприз застает меня совершенно неподготовленной к нему. Мне, конечно, лучше; но как видите, я далеко не так крепка, как была до нападения на меня этой женщины. Муж мой уехал... неизвестно куда... и взял с собою детей... Прочтите эту записку и дайте мне успокоиться. Я ничего не могу сообразить.

Она подала записку мистеру Ноэлю. Он посмотрел на нее, прочел записку и опять посмотрел на нее. Кто бы мог предположить, что возвращение сына до такой степени поразит ее?

Мистрис Галилей тяжело перевела дух.



— Теперь я сообразила, — сказала она, обращаясь к мистеру Ноэлю. — Сын мой едет домой, очевидно, по случаю болезни Кармины. Разве Кармина писала ему?

— Не может быть, мистрис Галилей, при настоящем состоянии ее здоровья...

— При настоящем состоянии ее здоровья? Я забыла об этом. Я еще хотела сказать что-то... Ах, да: видела Кармина эту телеграмму?

Мистер Ноэль объяснил, что в качестве врача он хотел испробовать нравственное действие приятного известия на свою пациентку. Он решился только сказать, что банкиры мистера Овида в Канаде имеют основание предполагать, что он в скором времени вернется в Квебек. Это произвело на молодую особу...

Тут он остановился. Продолжать объяснение было бесполезно: мистрис Галилей, очевидно, совершенно не слушала его.

— Я хочу знать, кто написал моему сыну, — снова начала она. — Не няня ли?

Мистер Ноэль никак не думал этого. Няня выражала враждебные чувства к мистеру Оvidу вследствие его отъезда.

Мистрис Галилей опять замолчала.

— Мне можно оставить телеграмму у себя? — вдруг спросила она.

Осторожный мистер Ноэль предложил списать ее: оригинал он должен был сохранить у себя.

— Имеете вы еще сказать что-нибудь? — спросила она. — Время вам, конечно, дорого. Не смею вас задерживать.

— Позвольте мне сначала пощупать ваш пульс, — сказал мистер Ноэль.

Она молча протянула ему руку. В то время как он считал удары пульса, к крыльцу подъехала коляска. Она посмотрела в окошко и сказала:

— Велите отпрягать.

— Дорогая моя леди, воздух вам принесет пользу, — возразил мистер Ноэль.

Она равнодушно проговорила: «Нет» и снова задумалась. Она намеревалась отправиться на квартиру к Терезе и там показать свой авторитет. Но известие о приезде Овида заставило ее переменить намерение и взглянуть на вопрос с другой точки зрения. Теперь ей придется бороться не с одной Терезой, но и со своим сыном. Голова ее шла кругом.

Мистер Ноэль простился и вышел. В прихожей он остановился и спросил Жозефа:

— Вы знаете о барине и детях?

— Знаю, сэр.

— Жаль, что вы не сказали мне этого, когда я пришел.

— Разве вышло что-нибудь нехорошее?

— Теперь я еще не знаю. Если я буду нужен, то я буду дома к обеду в семь часов.

После доктора приехал стряпчий. Вследствие замечания мистера Ноэля Жозеф не решился провести прямо к барыне этого джентльмена. Он оставил стряпчего в зале и понес его карточку.

Мистрис Галилей находилась в прежнем состоянии. Она сидела, неподвижно глядя на переписанную телеграмму и на письмо мужа, лежавшие у нее на коленях. Жозефу пришлось два раза повторить свои слова, чтобы пробудить ее.

— Завтра, — сказала она.

— В какое время прикажете?

Она приложила руку к голове.

— Сами сообразите, бестолочь! — вскричала она с досадой.

Голова ее снова опустилась к бумагам. Жозеф вернулся к стряпчему.

— Барыня не совсем здорова, сэр. Она просит вас заехать завтра в какое время вам будет угодно.

Жозеф был такого мнения, что барыня слишком набивала себе голову, так что голова наконец не могла вынести. Нечего было посылать за мистером Нозлем, тем более что он сказал, что ранее семи часов его и дома не будет.

— Сбегайте за ближайшим доктором, да и пусть он отвечает, если что случится, — посоветовал Жозеф.

Прислуга толковала, что все это происшествие может дорого обойтись им. Мистрис Галилей непременно откажет им всем от места, если не удастся разыскать сообщницу побега девочек.

Джен, горничная мистрис Галилей, молча, не вмешиваясь, слушала все эти толки. Ее менее всех подозревали, а между тем она-то и была настоящей виновницей. Она застала своего барина стоявшим в недоумении перед открытым шкафом девочек. Мистер Галилей не сумел скрыть от нее своих намерений. Общая нелюбовь к барыне была так велика, что Джен тотчас же перешла на сторону мистера Галилея.

— Душа моя, — сказал он, — мне хочется увезти скорее девочек для перемены воздуха... У вас, верно, есть тоже кое-какие секреты, как и у меня? Не так ли?

Тут он остановился, сообразив, хотя и слишком поздно, что он обратился к горничной своей жены с просьбою помочь ему обмануть жену. Джен тотчас же поняла, в чем дело.

— Вы не желаете, сэр, чтобы барыня знала об этом? — спросила она.

Мистер Галилей вместо всякого ответа достал из кармана кошелек. Горничная оттолкнула деньги.

— Мистрис Галилей мне платит, сэр, а вам я готова служить так, — сказала она.

Теперь Джен решилась рассказать все это барыне. Она тихонько постучалась в дверь библиотеки и, не получив никакого ответа, отворила дверь.

Мистрис Галилей сидела на стуле, свесив руки по бокам, и бессмысленно смотрела на пол.

— Могу я поговорить с вами, мадам?

— Вы, кажется, моя горничная? — спросила она.

Усмотрев в этом полное презрение к себе, Джен приступила к делу круто.

— Я пришла просить расчета, — резко сказала она, — я не могу ужиться с вашей прислугой.

Мистрис Галилей тихо подняла голову и взглянула на горничную, но ничего не сказала.

— И так как мне у вас больше не жить, — продолжала еще более встревоженная Джен, — то я считаю нужным сказать вам всю правду. Вы подозреваете прислугу в том, что она помогала барину увезти барышень. Не обвиняйте тех, кто в этом не виноват. Это я помогла барину.

Мистрис Галилей закинула голову назад и разразилась хохотом.

Джен в совершенном недоумении посмотрела на свою барыню. Та продолжала бессмысленно хохотать. Испуганная горничная выбежала в прихожую и позвала Жозефа.

Он бросился в библиотеку. В ту минуту как он появился в открытых дверях, мистрис Галилей вскочила на ноги.

— Господин доктор, — с достоинством проговорила она, — я должна объясниться с вами. — Она протянула руку и начала считать пальцы другой рукой. — Во-первых, муж. Потом сын. Теперь горничная. Раз, два, три. Мистер Ноэль! Знаете ли вы, что чаша переполняется от одной лишней капли? — Она вдруг упала на колени. — Неужели никто не помолится за меня? — жалобно проговорила она.

Жозеф побежал за доктором, не захватив даже фуражки. Ближайший доктор жил по другую сторону сквера. Он, к счастью, оказался дома. Когда он явился к больной, то оказалось, что ее уже едва могли удержать силой.

#### LIV

На следующий день мистер Муль, приехав к себе в контору, застал у входа джентльмена, по виду как будто знакомого ему. Джентльмен ходил взад и вперед перед его подъездом и, очевидно, поджидал его.

— Кажется, мистер Ноэль? — спросил стряпчий.

Мистер Ноэль отвечал утвердительно и заявил, что ему необходимо поговорить с мистером Мулем.

— Я доктор мистрис Галилей. Мне необходимо сообщить кое-что ее мужу, — сказал он.

Мистер Муль тотчас же повел его в контору.

Главный клерк с недовольным видом подошел к патрону.

— Обе стороны, сэр, ждут вас уже с четверть часа.

Мистер Муль не обратил на это внимания; он думал о мистрис Галилей.

— Она больна? — спросил он.

— Она сошла с ума, — отвечал мистер Ноэль.

Мистер Муль вздрогнул и поспешно обернулся к клерку.

— Скажите, что меня задерживает одно весьма грустное обстоятельство; я заключу условие для обеих сторон потом; пусть сами назначат время.

После этого он торопливо провел мистера Ноэля наверх в особую комнату.

— Ну, рассказывайте, рассказывайте скорее. Впрочем, может быть, время не терпит? Что могу я сделать?

Мистер Ноэль спросил только теперь о том, о чем должен был спросить давно.

— Не можете ли вы мне сказать, куда уехал Галилей?

— Конечно! К лорду Норзлэку...

— Не будете ли вы так добры записать адрес в моей записной книжке. У меня столько хлопот, что я не надеюсь на свою память.

Такого сознания беспомощности было совершенно достаточно, чтобы приободрить мистера Муля. Он написал на телеграфном бланке: «Возвращайтесь сейчас же: ваша жена серьезно больна». Через пять минут телеграмма эта была послана в Шотландию. Теперь мистер Ноэль мог начать свой печальный рассказ.

— Сегодня утром, — закончил он, — я спрашивал мнения двух лучших врачей Лондона. Ввиду того, что наследственного помешательства нет, врачи подают надежду на выздоровление мистрис Галилей.

— У нее буйное помешательство? — спросил мистер Муль.

Мистер Ноэль заявил, что понадобились две сиделки.

— Врачи не считают дурным симптомом буйный характер ее помешательства, — сказал он. — Они

приписывают это силе ее организма. Я счел долгом высказать им (конечно, с должною осторожностью), что мистрис Галилей подвержена... я не хочу надоедать вам медицинскими терминами... как бы это сказать... подвергала себя сильному напряжению перед тем, как лишилась рассудка.

— И они согласились, что это и было причиною?..

Мистер Ноэль с чувством собственного достоинства отвечал:

— Ну да, врачи согласились со мною, что это и потрясло ее рассудок.

— Вы успокоили меня, мистер Ноэль!.. Очень успокоили меня! Если бы несчастье произошло вследствие отъезда детей, устроенного нами, то я никогда не простил бы себе этого.

Тут честный стряпчий покраснел и замолчал.

— Позвольте спросить вас, — продолжал он снова, — каким образом пришло вам в голову обратиться ко мне за адресом мистера Галилея? Вам самому пришла эта мысль?

— Один очень разумный человек напомнил мне, — отвечал мистер Ноэль, — что вы старинный друг мистера Галилея... Это Жозеф, лакей в Ферфильд-Гардене.

— Мне следует хорошенько объяснить вам причину отъезда детей, — продолжал стряпчий. — У моего доброго друга мистера Галилея был повод желать удалить их на некоторое время из дому, и с его желанием я был вполне согласен. Детей предполагалось отдать на попечение леди Норзлэк. К несчастью, леди Норзлэк не было дома: она путешествовала со своим супругом и не могла взять тотчас же Марию и Зо. А в это время — вы знаете характер нашего друга — мистер Галилей начал колебаться. К сожалению, я должен сказать, что я по-

советовал ему прибегнуть к бегству. Я тоже позволил... одним словом, я позволил принести вещи сюда и заехать за ними по дороге на станцию... Недостойно моей профессии, я с этим согласен. Но я допустил это из желания добра, ради дружбы. Чем могу еще служить вам? Мистеру Овиду по приезде домой придется услышать страшные вести. Нельзя ли нам как-нибудь подготовить его к ним?

— Он просит меня телеграфировать ему в Кинстун, — произнес мистер Ноэль.

— Нет ли у него какого-нибудь друга, который мог бы встретить его там? У меня есть служащие, на скромность которых я могу положиться. Или не поехать и мне самому? Я об этом подумаю.

## LV

Простившись с нотариусом, мистер Ноэль отправился навестить своих пациентов. Прежде всего он зашел к Кармине. После злосчастного переполоха в доме ее положение начало тревожить его. В гостиной он застал Терезу, совещающуюся с хозяйкой. По своему обыкновению, она прямо сообщила ему, о чем у них шла речь.

— У нас две заботы, — сказала она. — Но больше всего нас беспокоит учитель музыки. Говорят, что я намеренно прищемила ему пальцы. Это ложь! При открытых дверцах шкафа как могла я видеть его? Когда я захлопнула шкаф, я не могла знать, где его пальцы, как не могли бы знать вы. Вот наша хозяйка идет в госпиталь узнать о его здоровье и берет мое заявление для того, чтобы показать его докторам. Прочтите его и скажите, достаточно ли оно коротко, чтобы не скучно было его прочесть, и вместе с тем понятно ли.



Мистер Ноэль выказал полнейшее отсутствие критических способностей. Он не только прочел заявление с самого начала до конца, но даже сказал несколько любезностей авторам.

— Ну, а теперь о другой заботе, — продолжала Тереза. — Вы говорили мне, что я сама заболею, если не возьму кого-нибудь, чтобы ходить за Карминой. Ну, сиделка явилась к нам сама.

— Где она?

Тереза указала на спальню.

— Мною рекомендованная? — спросил мистер Ноэль.

— Она сама рекомендует себя, но нам она не нравится. Это вторая забота.

Мистер Ноэль с чувством собственного достоинства проговорил:

— Здесь не должно быть сиделки без моего согласия: я сейчас выпровожу ее.

Он отворил дверь. Около постели Кармины сидела дама. Несмотря на полумрак, было трудно ошибиться в этой личности. Мистер Ноэль узнал мисс Минерву.

Она встала и поклонилась ему. Глупые люди инстинктивно не любят людей умных. Мистер Ноэль никогда не любил мисс Минерву, но в то же время он побаивался ее. Такого рода сиделку выпроводить было нельзя.

— Я с нетерпением ждала вас, — сказала гувернантка, увлекая его в другой конец комнаты. — Кармина ужасает меня. Когда я вошла в комнату, лицо бедняжки как будто оживилось; она выразила даже удовольствие при виде меня. Отчего же она опять такая? Вы посмотрите на нее, посмотрите!

Печальный упадок сил после возбуждения был очевиден.

Кармина лежала неподвижно, как мертвая, бессмысленно глядя в пространство. Мистер Ноэль готов был рассердиться на вмешательство женщины в его дело. Он с досадой пощупал пульс Кармины. Глаза ее смотрели неподвижно, а рука точно не чувствовала его прикосновения.

Тереза отворила дверь. Ей хотелось посмотреть, как доктор будет выпроваживать незваную сиделку. Мисс Минерва подозвала ее и сказала, что место ее у постели больной свободно.

— Я буду заменять вас только тогда, когда вы захотите отдохнуть, — серьезно сказала она и тотчас же обратилась к мистеру Ноэлю. — Мне надо еще поговорить с вами; я буду ждать вас в гостиной.

Он покорно последовал за нею.

— Я не стану беспокоить вас собственными делами, — начала она. — Скажу только, что я получила место гораздо ранее, чем ожидала, и место такого рода, что мне надо ехать в Париж. Я обещала Кармине писать, но не хотела отправлять письма, не узнав, в Лондоне ли она или нет. Чтобы узнать это, я отправилась сегодня утром в дом ее тетки. Вы меня видите теперь здесь вследствие того, что я услышала там от прислуги. Я не делаю никаких комментариев и не прошу объяснений, но мне необходимо знать одно: лечит ли Кармину еще кто-нибудь?

Мистер Ноэль сердито отвечал:

— Я советуюсь с доктором Бенджулиа. Сегодня жду его.

— С доктором Бенджулиа? — повторила она.

— Знаменитейшим доктором, какой только у нас есть! — с уверенностью заявил мистер Ноэль.

Мисс Минерва задумалась.

— Какие известия получены о мистере Овиде? — спросила она после некоторого молчания.

Мистер Ноэль в самых кратких словах сообщил ей известия.

— Ах, мистер Ноэль, кто же приготовит его к тому, что он увидит в этой комнате? — вскричала гувернантка. — Кто расскажет ему то, что он должен узнать о своей матери?

— Дело это предоставлено мне, — с достоинством заявил мистер Ноэль. — Я телеграфирую ему в Кинстоун.

— В какой день приедет в Кинстоун корабль? — спросила она.

— Чтобы не действовать наобум, — сказал мистер Ноэль, — я пошлю телеграмму через неделю.

Он нарочно говорил с нею стоя; он хотел, чтобы она поняла этот намек и ушла. Теперь он подошел к окну и стал смотреть в него, а она продолжала сидеть на стуле в раздумье. Через несколько минут на лестнице послышались тяжелые шаги: приехал Бенджулия.

Он сердито посмотрел на мисс Минерву, не скрывая своего удивления, что она тут. Она встала и протянула ему руку.

— Мне очень бы хотелось, — сказала она, — услышать ваше мнение о Кармине. Я очень беспокоюсь.

— Я это и вижу по вашей руке, — отвечал он. — У вас руки холодные в такой жаркий день. Вы нервная женщина.

Он взглянул на мистера Нуля и прошел в спальню.

Оставшись одна, мисс Минерва села за стол и стала писать записку в дом, куда она должна была поступить гувернанткой:

«Одна очень близкая мне особа серьезно заболела, и мои услуги ей необходимы. Если вы освободите меня на некоторое время, то снисхождение ваше будет принято с глубокою благодарностью. Если же вы не можете сделать мне такого одолжения, то извините меня за беспокойство и пригласите на мое место кого-нибудь другого. Я теперь так встревожена, что не в состоянии исполнять своих обязанностей»

Написав это письмо, она стала дожидаться возвращения Бенджулия. Лицо у нее было теперь печально, но не взволновано. Она была твердо уверена в себе... Кармина могла довериться ей вполне.

Мистер Ноэль вернулся в гостиную один. Доктор Бенджулия ушел из спальни в другую дверь.

— Видя, как вы тревожитесь, я могу сказать вам, что мой коллега вполне одобрил все меры, принимаемые мною; мы видим новые симптомы, но нисколько не тревожимся.

Сказав это, мистер Ноэль сел писать рецепт. Когда он поднял голову, комната оказалась пустой. Ушла эта женщина из дома? Нет: ее шляпка и перчатки лежали тут, на столе. Неужели она решительно выгнала Терезу? Он понес рецепт в спальню. Гувернантка была там; там же была нянька, внимательно слушавшая ее. Что могло объединить двух таких разных женщин? Мистер Ноэль ушел из дома, не подозревая, о чем говорили они между собой.

— Можно попытаться пробудить ее? — спросила гувернантка.

Тереза отвечала тем, что молча уступила ей свое место у постели. Мисс Минерва дотронулась до руки Кармины и проговорила:

— Слышали вы хорошие вести, друг мой? Через какую-нибудь неделю Овид приедет.

Кармина взглянула на своего друга и с усилием говорила:

— Я рада.

— Вам будет сейчас же лучше, как только вы его увидите, — продолжала мисс Минерва.

Лицо больной оживилось.

— Мне можно будет проститься с ним, — отвечала она.

— Не проститься, милочка. Он возвращается к вам после далекого путешествия.

— Я тоже, Френсез, еду далеко.

Она закрыла глаза от утомления или от нежелания продолжать разговор. Мисс Минерва отошла, безуспешно стараясь удержать слезы, струившиеся по ее лицу. Старая няня тихо подошла к ней и поцеловала ее руку.

— Какой дурой я была! — проговорила старуха. — Вы любите ее так же, как и я.

Через неделю мисс Минерва выехала из Лондона навстречу Оvidу в Кинстоун.

## LVI

Мистер Муль ждал в Ферфильд-Гардене приезда своего старого друга из Шотландии, чтобы разъяснить ему, что означала посланная ему телеграмма. Мистера Галилея занимала только одна мысль о примирении. Он настаивал на том, чтобы ему позволили видеться с женой. Тщетно убеждали его, что она не только не могла говорить с ним, но даже не была способна понять его: он стоял на своем. Наконец ему решительно объявили, что видеть ее нельзя. Старик так горько заплакал, что тронул суровых врачей. «Пусть увидит!» — решили они. Один из них пошел наверх, чтобы предупредить сиделок.

Мистрис Галилей узнала мужа и пришла в совершенную ярость. Сиделки схватили ее, а мистер Муль вывел старика из комнаты и запер дверь. Цель врачей была достигнута: мистер Галилей собственными глазами убедился в необходимости поместить жену в дом умалишенных. С его согласия она была перевезена в частную больницу душевнобольных.

Мария и Зо остались в Шотландии. Они были счастливы, как только могут быть счастливы девочки в обществе кузенов и кузин, под кротким надзором любящей тетки. Мистер Галилей остался в Лондоне. У доброго стряпчего была лишняя комната, и мистрис Муль и дочери ее приняли мистера Галилея с самым задушевным радушием. Печальные домашние события укрепили его характер. Он был очень доволен, услышав о возвращении пасынка, и тронут великодушными мотивами, заставившими мисс Минерву поехать навстречу Овиду.

— Я никогда не соглашался, когда другие порицали нашу гувернантку, — говорил он. — Я смотрел на нее с другой точки зрения.

Ему дали позволение увидеться с Карминой в надежде, что появление его может оказать на нее благотворное влияние. Но девушка только слабо улыбнулась и протянула ему руку, увидав его у постели, — больше ничего.

Он так огорчился, что не хотел больше видеть ее. Ежедневно являлся он в квартиру узнать о ее здоровье и ежедневно получал одни и те же ответы.

Перед отъездом из Лондона мисс Минерва на свой страх наняла для Овида пустые комнаты в том же доме на первом этаже. Она знала его сердце, как знала свое. Попад раз под одну кровлю с Карминой, он, конечно,

не захочет более уйти из дому, пока не вернет ее к жизни или пока смерть не отнимет ее от него. Услыхав об этом распоряжении, мистер Галилей перевез из комнаты Овида письменный стол, любимые ноты Кармины и увядшие цветы, оставленные ею в Фервильд-Гардене.

«Все, что принадлежало ей, — думал он, — доставит удовольствие бедному молодому человеку, когда он вернется обратно».

Однажды, когда он только что явился справиться о здоровье Кармины, дверь в комнате нижнего этажа отворилась и к нему вышла мисс Минерва.

Лицо ее поразило мистера Галилея; он шепотом спросил, не вернулся ли Овид.

Она указала наверх и отвечала:

— Теперь он с нею.

— Какое впечатление произвело это на него?

— Не знаю. Мы с Терезой не решились войти с ним в комнату.

Говоря это, она повернулась к окну. Тереза сидела тут же. Мистер Галилей ласково заговорил с ней, но она не отвечала и не тронулась с места.

— Истомилась совсем! — шепнула ему мисс Минерва. — Думая теперь о Кармине, она уже ни на что не надеется.

Он вздрогнул. В этих словах он слышал свои собственные опасения. Мисс Минерва взяла его за руку и подвела к стулу.

— Овид знает больше других, — сказала она. — Подождем, что он скажет.

— Вы встретили его на пристани? — спросил мистер Галилей.

— Да.

— Каков он был на вид?

— Здоров и крепок так, что трудно было его узнать.

— Испугался он за Кармину?

— Не говорите об этом. У меня достало храбрости сказать ему всю правду, но не хватило сил взглянуть на него.

— Мне хотелось бы узнать еще об одном, — нерешительно произнес мистер Галилей. — Сказали вы ему, что случилось...

Он не в силах был договорить, но мисс Минерва поняла недосказанный вопрос.

— Да, — отвечала она. — Я прежде всего сообщила ему о его матери.

— Что же сказал Овид?

— Он сказал только: «Мне довольно знать, что она поступала дурно. Я догадался об этом еще раньше, чем прочел письмо Зо. Молчание матери можно было объяснить только одним». Знаете, мистер Галилей, ведь Овиду написала ваша девочка.

Удивление и восторг любящего отца, когда он услышал, кем было написано письмо, вызвали даже улыбку на лице мисс Минервы, хотя ей было не до смеха. Он заявил, что с первым же поездом поехал бы к дочери, если бы его не удерживали две причины. Во-первых, до поездки в Шотландию ему необходимо увидеться с пасынком, а во-вторых, ему нужно объездить все игрушечные магазины Лондона, чтобы выискать какой-нибудь особенный подарок для такого милого ребенка.

— Кланяйтесь Оvidу и скажите, что я зайду завтра, — сказал он, глядя на свои часы. — Теперь я только что успею написать Зо.

Он пошел в свой клуб в первый раз после того, как вернулся в Лондон. Мисс Минера вспомнила былые



времена и подумала, придется ли ему теперь шампанское так же по вкусу, как бывало прежде.

## LVII

Из многих тщетных надежд одна исполнилась: они снова увиделись.

В полутемной комнате утомленные глаза Кармины вряд ли могли рассмотреть, как он страдал. Она была довольна, что он сидел подле нее, что голова ее лежала у него на груди, а рука его обвивала ее стан.

— Как я рада, дорогой, — сказала она, — что дожидка до вашего приезда.

Это были ее первые слова. Она задрожала и тяжело вздохнула, когда он наклонился над нею: это было единственным выражением всей ее радости и любви.

— Я хочу немного отдохнуть, — сказала она через минуту. Он замолчал, подавленный отчаянием. В былое время, когда здоровье его было слабо, тени, падавшие на поля, пение жаворонка в поднебесье, отдаленные звуки музыки вызывали слезы на его глазах. Теперь же глаза его были сухи.

— Как вы думаете, Овид, пожалеет ли меня ваша мать, когда я умру? — вдруг спросила больная.

Он вздрогнул от этих тихо и кротко произнесенных слов.

— Вы будете жить, — сказал он. — Зачем же я здесь, как не за тем, чтобы возвратить вас к жизни?

Она не пыталась возражать ему. Спокойно и упорно вернулась она к своей мысли.

— Скажите вашей матери, что я прощаю ее, Овид, и за это прошу только об одном. Я прошу, чтобы она отдала меня вам, когда меня не станет. Не хороните

меня на большом кладбище, наполненном могилами! Я раз видела одну картину, — это было еще там, дома, в Италии, — английскую картину, на которой было нарисовано маленькое деревенское кладбище. Тень от деревьев падала на одинокие могилы. Обещайте мне, Овид, похоронить меня на таком кладбище.

Овид молча поцеловал ее руку.

— Я хотела еще что-то сказать, — проговорила она, помолчав. — Голова у меня так тяжела... Кажется, я совсем не могу думать.

Снова настало молчание.

— Я хочу на прощанье сделать вам подарок. Расстегните мою золотую цепочку. Не плачьте, Овид, не плачьте!

Он исполнил ее желание. На золотой цепочке висели два медальона с портретами отца и матери Кармины.

— Носите их в память обо мне, — прошептала она. — Приподнимите меня, я хочу сама надеть вам их на шею. — Она попробовала застегнуть цепочку, но не смогла. Голова ее тяжело упала к нему на грудь. — Я хочу спать, — сказала она, — теперь я постоянно хочу спать. Положите меня на подушку.

Глаза ее начали мало-помалу закрываться, потом тихо открылись опять.

— Не сидите в этой мрачной комнате, дорогой. Я пошлю за вами, когда проснусь, — проговорила она.

Это было ее единственным желанием, не исполненным им. Он щупал ее пульс, с ужасом чувствуя, как он слаб. Он прикладывал щеку свою к ее полуоткрытому рту, чтобы послушать, как она дышит. Наступили сумерки, потом ночь, а он, точно заколдованный, все сидел около нее.

LVIII

Тереза вошла в спальню и зажгла свечу. Взгляд его, брошенный на нее, заставил ее вздрогнуть.

— Я хочу быть один, — сказал он.

Тереза взяла его за руку как ребенка и свела вниз, в его комнаты. Он молча смотрел на нее, когда она зажигала свечи.

— Не надо ли вам еще чего-нибудь? — решила она спросить.

Он молча покачал головой. Старуха, понурясь, вышла из комнаты.

Овид, сам не сознавая, что делает, взял шляпу и вышел на улицу. Не думая, не глядя, он шел наугад. Мало-помалу дома стали редеть; потянулись пустыри. Из-за деревьев блеснул месяц и своим грустным светом осветил пустынную дорогу. Он пошел по этой дороге, потом повернул в сторону. В движении он нашел то успокоение, которого искал. Он мог теперь опять думать и твердо решил, во что бы то ни стало спасти свою дорогую девушку или умереть вместе с нею. Он встал прямо лицом к лицу со страшной необходимостью: с помощью науки и любви бороться против смерти.

Он дошел до каких-то ворот, за которыми опять шло поле. У ворот стоял мужчина и курил трубку. Лунный свет падал прямо на лицо Овида. Мужчина вдруг выпрямился, посмотрел на него и сказал:

— Вы ли это или ваша тень?

Лицо его было в тени, но по голосу немудрено было узнать его. Это был Бенджулия.

— Вы пришли повидаться со мной? — спросил он.

— Нет.

— Разве вы не хотите протянуть мне руки?

— Не хочу.

— Что-нибудь случилось?

Овид знал от мисс Минервы, что Тереза рассказывала ей о консультациях между Бенджулиа и мистером Нулем. Подавив вспышку гнева, он отвечал:

— Я видел Кармину.

Бенджулиа продолжал курить.

— Не правда ли, какой интересный случай? — сказал он.

— Мистер Ноэль приглашал вас на консилиум, — продолжал Овид, — и вы одобряли его неумелое лечение, вы, человек знающий! Вы довели бедную девушку до такого положения ради позорных, эгоистичных целей...

Бенджулиа хладнокровно заметил:

— Нет, не ради эгоистичных целей: ради науки.

— Если мне не удастся поправить зло, в котором виноваты вы, вы одни... — начал Овид, задыхаясь.

Бенджулиа вынул трубку изо рта.

— Какими средствами думаете вы ее вылечить? — живо спросил он. — Разве у вас явилась какая-нибудь новая мысль?

— Если мне не удастся ее вылечить, — продолжал Овид, — то смерть ее будет на вашей душе. И свидетель месяц, освещающий нас, что ваша жизнь ответит мне за ее жизнь.

Удивление, безграничное удивление сковало язык Бенджулиа. Он в совершенном недоумении посмотрел вслед удалявшемуся Оvidу. Единственное разумное объяснение таких речей в устах компетентного человека в медицине могло заключаться в следующем: «Или он пьян, или сошел с ума». Закуривая вновь трубку, он задавал себе этот вопрос и, направляясь домой, почувствовал прежнее недоверие к Оvidу. Через два дня он

решил зайти в квартиру Терезы и узнать от хозяйки или же от аптекаря, каким образом лечат Кармину.

На большой дороге Овида обогнал продавец, ехавший на тележке обратно в Лондон. Он вежливо предложил довезти Овида до первой извозничьей биржи.

Когда Овид приехал домой, ни хозяйка, ни Тереза не ложились еще спать. Из их рассказов о том, что делала в это время больная, нельзя было вывести ничего тревожного. Он простился с ними, желая поскорее остаться одному у себя в комнате.

Как в доме, так и на улице была теперь полнейшая тишина. Голова Овида была свежа, и его память работала, припоминая различные подходящие случаи из его прежней практики. Но, сознавая, что в руках у него жизнь Кармины, он не решился понадеяться на себя одного. Он достал из чемодана рукопись, подаренную ему несчастным, при последних минутах которого он присутствовал в Монреале.

Сочинение начиналось предисловием, придававшим ему особенное значение в глазах Овида.

«Если эти неполные записки, составленные по опыту, прочтутся когда-нибудь кем-либо посторонним, то я желаю прежде всего, чтобы ему была ясна моя точка зрения. Все сведения, помещенные тут, извлечены из практических наблюдений у постели больного, наблюдений, производимых, несмотря на препятствия и помехи, в продолжение многих лет. Если я, как человек, и ошибался, то как врач я неповинен в бесполезной и отвратительной жестокости, называемой вивисекцией. Не входя в разбирательство правоты той или другой стороны, я желаю высказать только свое убеждение, что никакая польза, могущая оказаться в результате, не может оправдать жестокости этих средств. Всякий

человек, утверждающий, что опыт не должен иметь ничего общего с нравственными принципами, есть человек, восстающий против Господа. Я отказываюсь выслушивать его оправдание в этом вопросе».

Овид отыскал отдел сочинения, озаглавленный «Болезни мозга». Автор начинал его такими словами:

«Один знаменитый физиолог, вполне сознавая все невежество врачей в вопросе о болезнях мозга и указывая на опыты над трупами, заключает свое признание такими словами: "Мы даже не можем быть уверенными, есть ли находимые нами изменения причина или результат болезни, или же и то и другое есть соединенный результат общей причины"». Позвольте теперь описать мой собственный опыт. Не зная, в какие руки попадет мой труд, я постараюсь не употреблять технических выражений.

В медицинских, как и во всяких других, опытах результаты нередко достигаются совершенно неожиданными случайностями. То, что я буду говорить здесь о болезнях мозга, сделалось мне известно по двум опытам, из которых, казалось бы, ничего нельзя извлечь. Оба случая были с молодыми женщинами, заболевшими вследствие сильного душевного потрясения, закончившегося параличом. Одну из этих больных я вылечил весьма удачно. В то время как я лечил и другую больную средствами, впоследствии оказавшимися совершенно верными, она умерла от несчастного случая, а не от болезни, и таким образом мне представилась возможность сделать вскрытие ее трупа. Различными путями, о которых будет сказано ниже, я дошел до выводов и открытий, бросивших новый свет на способ лечения болезней мозга».

Целые часы Овид читал последующие страницы, читал до тех пор, пока умственно не слился воедино

с автором. Затем он вернулся к описанию способа лечения двух девушек, в высшей степени для него важного, в виду болезни Кармины. Рассвет застал его готовым во всех пунктах и ожидающим дня, для того чтобы начать действовать.

Но прежде чем лечь отдохнуть, ему хотелось несколько успокоиться.

Он снял сапоги и тихонько пробрался к дверям Кармины. Около нее была верная Тереза и уговаривала ее съесть что-нибудь. Слабый звук голоса, отвечавший няне, болезненно отозвался у него в сердце — так он был слаб и жалобен. Но все-таки говорить она могла, и ему пришло в голову старое правило, многих утешающее и многих обманывающее: пока человек жив, надежда не умерла.

## LIX

После краткого свидания с пасынком мистер Галилей вернулся к своим дочерям в Шотландию.

Тронутый его отеческим участием к Кармине, Овид обещал сообщить ему о ходе ее болезни. Если же писем от него не будет, прибавил он, то это будет значить, что надежда спасти девушку оказалась тщетной.

Через десять дней сомнения пришли к счастливому концу. Кармина начала поправляться, хотя и очень медленно. Овид был почти уверен, что жизнь ее спасена.

Освободившись от страшной тревоги, мучившей его, он через несколько дней мог уже написать мистеру Галилею веселое письмо с подтруниваниями насчет мистера Ноэля.

«Ваш старый врач совершенно верно сообщил вам, что я избавил его от дальнейшего лечения Кармины, —

писал он, — но вследствие его живого воображения или сознания собственного значения он совершенно ошибочно воображает, что я умышленно оскорбил его. Я тщательно старался как-нибудь не задеть его. Но тем не менее он ушел от меня взбешенным.

Через день или через два я получил от него записку, которую он начинает словом «сэр» и иронически просит у меня позволения взглянуть у аптекаря на мои рецепты. Хотя по годам, продолжает он, я мог бы быть вашим отцом, но, как видно, опыт в настоящее время никакого значения не имеет; оказывается, что мне даже нужно поучиться кое-чему от младшего, — и так далее.

В то тяжелое время сомнений и тревог я мог послать ему только словесный ответ, предоставив делать что ему угодно. Прежде чем я расскажу вам, как он воспользовался моим позволением, я должен признаться, каким образом писал я рецепты. Не бойтесь, что я начну мучить вас учеными терминами, из которых вы ничего не поймете.

Заметкой в рукописи, — благодаря которой я надеюсь спасти жизнь Кармины, — автор предостерегает, что аптекари на его родине иногда отказывались составлять некоторые из предписанных им лекарств или же просто по своему усмотрению изменяли дозы, предписанные в рецепте. То же самое случилось здесь со мною. Поэтому я посылал в аптеку самые обыкновенные рецепты и уже у себя дома прибавлял что нужно. Совершенно неожиданно для меня этот способ избавил меня от назойливости доктора Бенджулия. Этот несчастный завистник давно подозревает меня в каком-то тайном профессиональном соперничестве; это подозрение снова ясно выразилось в тот вечер, когда я вернулся в Лондон. Мистер Нозль, списывая в аптеке мои рецепты, сообщал



их ему; увидев, что в них ничего нового нет, он прекратил свои посещения к нашей квартирной хозяйке, которую постоянно осаждал вопросами, касавшимися способа моего лечения.

Но вернемся к предмету более интересному. Наша дорогая Кармина настолько поправилась, что вспомнила о вас и просила поклониться вам и девочкам. Впрочем, даже такое незначительное усилие вызвало в ней утомление. Я говорю не только об утомлении физическом (это лишь дело времени и ухода), но об утомлении мозговом, проявляющемся в недостатке памяти.

В то утро, когда произошла первая положительная перемена к лучшему, я сидел у постели Кармины, когда она проснулась. Она с удивлением посмотрела на меня.

«Почему вы не предупредили меня о своем внезапном возвращении? — спросила она. — Я только сегодня написала вам, к вашему банкиру в Квебек. Что это значит?»

Я постарался успокоить ее, и мне это удалось. В ее памяти есть пробел — теперь я в этом вполне убедился. Она ни о чем не помнит с тех пор, как написала мне двадцать четвертого августа свое последнее письмо — письмо, которое я должен был бы получить перед выездом из Квебека. Такой пробел сам по себе должен был бы радовать нас, но в то же самое время это меня тревожит; я боюсь, не служит ли он указанием более серьезной болезни, чем та, которую я до сих пор нашел в ней».

В конце октября лорд и леди Норзлэк вернулись в Лондон на свою городскую квартиру и взяли с собой Марию и Зо. Мистеру Галилею показалось невыносимым жить в Ферфильд-Гардене, да еще и без детей. Дом Овида, совершенно готовый к приезду доктора,

был предложен им отчиму. Бедняга был очень рад, как сам он выражался, «сохранить в гнездышке теплоту для пасынка».

Последние сведения, полученные из сумасшедшего дома, были благоприятны. Меры, принятые для восстановления здоровья мистрис Галилей, оказались успешными свыше всякого ожидания. Но оставался еще один весьма подозрительный симптом: она постоянно молчала, когда же начинала говорить, то мысль ее была занята только научными предметами; она никогда не упоминала о своем муже или о ком-нибудь из семейства.

Зайдя раз в Ферфильд-Гарден за письмами, мистер Галилей получил литографированное письмо со свертком, завернутым в белую бумагу. Внизу письма стояла знакомая фамилия мистера Ле-Френка.

В письме говорилось сначала, что нижеподписавшийся приобрел известность и небольшие средства как пианист и учитель музыки. «Но страшная случайность, леди и джентльмены, лишила меня правой руки, от которой врачи нашли необходимость отнять два пальца. Лишенный возможности добывать средства существования прежним ремеслом, я вынужден собирать по подписке деньги на романс моего сочинения. Несчастный музыкант предоставляет на благоусмотрение любителей музыки условия, на которых желал бы отдать ноты, и завтра будет иметь честь явиться сам».

Мистер Галилей оставил сверток для передачи жертве несчастных обстоятельств и затем отправился в дом лорда Норзэка. Они с Овидом уговорились привезти в этот день Зо к Кармине. Дорогой он встретился с мистером Мулем. Стряпчий заметил сверток у него под мышкой.

— Что это вы так осторожно несете? — спросил он. — Кажется, ноты? Верно, какая-нибудь пьеса для барышень?

Мистер Галилей начал объяснять. Мистер Муль в негодовании стукнул палкой по тротуару.

— Никогда более не давайте этому мошеннику ни гроша! — вскричал он. — Если бедная старая итальянка не попала в полицию, то помешал этому уж никак не он.

Затем мистер Муль рассказал, при каких обстоятельствах с мистером Ле-Френком случилось несчастье.

— Первым делом, лишь только его выпустили из госпиталя, — продолжал он, — этот негодяй привлек Терезу к суду. Она сообщила мне об этом. Я явился ее поверенным, и она была оправдала. Я знаю за ним кое-что и не выпускаю его из виду; я уверен, что мне удастся поймать его на месте преступления.

## LX

Время, заботы и лечение сделали свое дело: Кармина уже настолько поправилась, что могла проводить по несколько часов в день в гостиной. При виде Зо, загоревшей и поправившейся за время, счастливо проведенное в Шотландии, — лицо ее сильно вспыхнуло и пульс забился сильнее, как заметил Овид. Эти признаки нервного напряжения послужили ему указанием, что Зо нельзя долго оставлять при больной. В комнате не было ни мисс Минервы, ни Терезы. Кармина могла без помехи заниматься девочкой.

— Ну, душа моя, — сказала она, целуя ее, — рассказывай мне о Шотландии.

— Шотландия, — с достоинством отвечала Зо, — принадлежит дяде Норзлэку. Он платит за все, и там я миссиз.

— Это правда, — с гордостью подтвердил мистер Галилей. — Милорд говорит, что нельзя не исполнить какого-либо желания Зо. Когда он рекомендовал ее кому-нибудь, то говорил: «А вот и миссиз».

— Думала ли ты обо мне, милочка, когда была там? — спросила Кармина.

— Думала ли о тебе? — повторила Зо. — Ты будешь спать у меня в спальне, когда мы вернемся в Шотландию. Знаешь, что тебе подадут там обедать? В Шотландии ты прежде всего увидишь на блюде огромный дымящийся мешок; если этот мешок разрезать, то из него потечет горячий жир. Это шотландское кушанье. Ах! — вдруг вскричала она, точно что-то припомнив. — Ах, Кармина, помнишь маленького итальянского мальчика и его песню?

К невыразимому удовольствию Овида, Кармина засмеялась.

— Конечно, помню, — сказала она. — Можно ли забыть мальчика, который поет, гримасничает и говорит: «Дайте мне полпенни»!

— Да, да, да! — вскричала Зо. — Но я в Шотландии выучила песню еще лучше. Слышала ты о Дональде?

— Нет.

— Помнишь ты тот день, — сказала Зо, — когда Жозеф пошел в лавку, и я убежала с ним, и мисс Минерва сказала, что я неприличный ребенок?

Кармина без малейшего труда припомнила и это обстоятельство.

— Помню, — сказала она, — и ты еще сообщила мне, что Жозеф и лавочник взвесили тебя на больших весах.

— Ну да, — продолжала Зо. — Ну, так этот Дональд вчетверо тяжелее меня. Это самый большой шотландский гвардеец в доме милорда.

— Ну, расскажи нам что-нибудь о твоих кузинах, — сказал Овид, желая переменить тему разговора.

— О больших? — спросила Зо.

— Нет, о маленьких, таких, как ты.

— Премилые девочки, играют во все, что я им ни скажу. Мальчики тоже милые: если собьют девочку с ног, то поднимут ее и очистят. Но постойте, я должна же спеть песню Дональда.

Зо надела набекрень свою шляпку и уперлась руками в бока.

— Я Дональд, — заявила она и, схватив пузырек с лекарством, стала размахивать им над головой, напевая: — «Наливай-ка, Темми! Наливай редшенксу...»

— Что это за редшенкс? — спросил чей-то голос в дверях.

Зо обернулась и в один миг преобразилась. Перед нею стояла фигура, напоминавшая ей уроки и наказания.

— Редшенксами называют горцев, мисс Минерва.

В скромном ответе не было и следа залихватской певицы шотландских песен. Вся веселость Зо сразу пропала, и она скоро стала проситься домой. Овид был рад этому, так как было очевидно, что шумная веселость девочки уже дурно действует на Кармину. Уходя, Зо обратила внимание на большую альпийскую палку Овида, стоявшую в углу.

— Вот какая палка! — произнесла она задумчиво. — Больше палки доктора Бенджулиа.

Овид быстро обернулся к мистеру Галилею.

— Уведите ее, — прошептал он, — и никогда не позволяйте видеться с этим человеком.

LXI

В последние недели доктор Бенджулиа почти не выходил из своей таинственной лаборатории. В редких случаях, когда он входил в дом, то всегда бывал в дурном расположении духа. В обычное время лакей брал со стола прихожей кучку газет и тщательно пересчитывал ее, прежде чем нести наверх. Это были медицинские газеты. Доктор Бенджулиа подписывался на все медицинские издания Лондона, но никогда не читал их. Лакей разрезал листы, а барин в это время, проводя пальцем по странице, только пробегал их глазами, очевидно отыскивая что-то. Потом он с досадой бросал все эти газеты в большую корзину, как ненужную бумагу.

Однажды вся прислуга была встревожена страшным звоном у подъезда. Лакей побежал наверх. Столовая была пуста; на крючке не висело шляпы доктора; на полу были разбросаны газеты. У самой каминной решетки лежал скомканный лист, очевидно брошенный в камин, но не долетевший туда. Лакей расправил его и стал читать.

На одной стороне был помещен отчет о лекции. Лакей повернул лист и увидел там объявление о новой медицинской книге.

Объявление, конечно, не могло заинтересовать его, но там была интересная выписка из предисловия, в которой говорилось о болезнях мозга. Лакею показался особенно интересным рассказ о смерти какого-то человека в Монреале. Но что же могло заставить барина выбежать в такой спешке из дому, точно за ним гнался кто-нибудь?

Ближайшим соседом доктора Бенджулиа был небогатый фермер по фамилии Грегг. Он прилег отдохнуть, когда к нему в комнату вошла жена со словами:

— Должно быть, высокий доктор помешался; вот он! Вслед за нею вошел Бенджулиа и стал требовать, чтобы скорее заложили лошадь, так как ему необходимо тотчас же ехать в Лондон.

— Возьмите за это что хотите, — сказал он, доставая туго набитый бумажник.

Дорогой в Лондон он не говорил ни слова с фермером, только бормотал что-то про себя. Судя по словам, срывавшимся у него с языка, его беспокоили какой-то человек и письмо. Человека этого он всегда подозревал, но тем не менее дал ему письмо, а теперь вследствие этого письма обстоятельства повернулись против него, доктора Бенджулиа. Мистер Грегг не мог узнать, куда он отправился в Лондоне: как только они въехали в город, доктор нанял кэб.

Приказчик мистера Берребля, знаменитого издателя медицинских сочинений, только что закрыл ставни и спустился вниз пить чай, как услышал стук в дверь. Стучался очень высокий мужчина, непременно желавший купить новую книгу доктора Овида Вера. Он, как бы в свое оправдание, сказал, что он сам медик и что фамилия его Бенджулиа. Приказчик знал его по слухам и продал ему книгу. Доктор так спешил прочесть книгу, что раскрыл ее еще в магазине. Ему пришлось сказать, что магазин пора запирать. Услышав это, доктор выбежал на улицу и приказал везти себя в Парфенонский клуб.

Клубный библиотекарь застал доктора в библиотеке за чтением книги. Он был совершенно один: члены клуба в такой час бывали обыкновенно или на обеде, или в курительной комнате. Человек, на обязанности которого лежало тушение свечей, заходил несколько раз в библиотеку и постоянно находил доктора в том же

самом углу. Уже очень поздно кончил он свое чтение, но все-таки не ушел, а продолжал сидеть на прежнем месте, широко раскрыв глаза. Это продолжалось до времени закрытия клуба. Прислуге пришлось побеспокоить его. Он ни слова не сказал и тихо сошел в прихожую, оставив книгу в библиотеке. Ночь была отвратительная, шел дождь со снегом; но доктор не обращал на это внимания. Ему привели кэб; извозчик спросил, куда ехать. Доктор только сказал:

— Все равно, везите меня в ближайший отель.

Дежурный лакей в отеле провел доктора в одну из спален, приготовляемых для поздних приезжающих. Как приезжий без вещей, он заплатил за ночлег вперед. Около восьми часов утра он позвонил, и вошедший лакей тотчас же заметил, что постель не смята. На завтрак он спросил себе самого крепкого кофе. Потом он расплатился, дал человеку щедро на водку и ушел.

Дежурный полицейский в местности около Ферфильд-Гардена заметил на одной из улиц высокого джентльмена, которых ходил взад и вперед и временами смотрел на один дом. Проходя позднее по этой же улице, полицейский увидал того же самого высокого джентльмена, точно так же прохаживающегося и посматривающего на тот же самый дом. Он остановился и стал наблюдать за ним. Дом, на который смотрел высокий джентльмен, был хорошим меблированным домом, а незнакомец был, конечно, джентльмен, хотя весьма странный. Полицейский не был обязан высказывать своих подозрений, если в подозреваемом лице не усматривал мошенника. Поэтому он только подумал, что поведение этого джентльмена странно, и ушел.

В первом часу дня Овид вышел из дому и направился на извозничью биржу, чтобы выбрать там хорошую



открытую коляску. Солнце ярко светило; воздух был свежий, но сухой после отвратительной ночи. Это был именно такой день, в какой Овиду хотелось прокатить Кармину.

Идя вдоль улицы, он услышал за собою шаги и почувствовал, что кто-то дотронулся до его плеча. Он обернулся и увидел доктора Бенджулиа. Сначала у него явилось побуждение сказать что-нибудь резкое, но Овид удержался. В лице несчастного было нечто, поразившее его.

Бенджулиа сказал ему:

— Я долго не задержу вас; я желаю знать только одно: умрет она или будет жива?

— Вы говорите о Кармине? Жизнь ее вне опасности.

— Вследствие вашего нового метода лечения?

Глаза его и голос были выразительнее слов. Овид тотчас же догадался, что Бенджулиа видел его книгу и что в ней он нашел то самое открытие, которому он посвятил всю свою жизнь. Овид не решился отвечать.

Бенджулиа снова заговорил.

— Когда мы встретились с вами в ту ночь у ворот моего сада, — сказал он, — вы грозили мне, что за ее жизнь я отвечу своей жизнью. Вы говорите, что она будет жива, но я все-таки не избавился от наказания, мистер Овид Вер. Вы отняли у меня кое-что более для меня дорогое, чем сама жизнь. Я желал сказать вам это... Больше мне нечего сказать.

Овид молча протянул ему руку.

— Нет! — сказал Бенджулиа и отошел от Овида.

Он направился в Ферфильд-Гарден и позвонил у подъезда мистера Галилея. Дверь ему отворила старуха, совершенно ему незнакомая.

— Дома Зо? — спросил он.

— Никого нет дома, сэр. Дом будет отдаваться в наем, лишь только увезут мебель.

— Не знаете ли вы, где Зо? Я говорю о младшей дочери мистера Галилея.

— К сожалению, должна сказать, сэр, что я совсем не знаю этих господ.

Он стоял у дверей, очевидно, не зная, на что ему решиться.

— Я пойду наверх, — вдруг сказал он, — мне хочется осмотреть дом. Вам незачем идти со мною; я знаю этот дом.

— Очень хорошо, сэр.

Он прошел прямо в классную комнату. Комната уже приняла характер нежилого помещения. В ней оставались только два простых стола, на которых писали девочки. Один из них был весь залит чернилами, а в чистых местах были нарисованы разные лица, глаза и носы. Он знал, чей это стол, и открыл его. В столе лежали изорванные картины и старые тетради. На одной из них крупными буквами было написано: тетрадь Зо. Он сорвал эту обертку, положил ее себе в карман и спустился вниз.

Старуха отворила ему дверь и низко присела. Он дал ей монетку.

— Господь вас наградит, сэр! — сказала она.

Он остановился на ступеньках и с любопытством посмотрел на нее.

— А вы верите в Бога? — спросил он.

Старуха изумилась, но вежливо ответила:

— Да, сэр, если позволите.

«А может быть, она и права, — подумал Бенджу-лиа. — Впрочем, я скоро все сам узнаю».

Прислуга обрадовалась, когда он вернулся домой. Люди по очереди просидели всю ночь в ожидании его;

зная его аккуратность, они думали, что с ним случилось какое-нибудь несчастье. Прежде они никогда не видели, чтобы он так утомлялся. Он тяжело опустился на стул; гигантское тело его дрожало. Лакей предложил ему принести чего-нибудь закусить.

— Водки и яиц всмятку, — сказал он.

Когда закуска была ему подана, доктор выслал лакея, сказав, что позвонит, и запер дверь на ключ.

Вечером лакей решился постучать к нему и спросить, не надо ли подать огня. Хозяин отвечал, что зажжет свечи сам. Из комнаты не шел запах табачного дыма, и в этот день доктор не заглянул в лабораторию.

В девять часов вечера послышался звонок. Вслед за этим Бенджулиа крикнул из прихожей:

— Идите сюда, все трое.

Доктор совершенно спокойно ходил взад и вперед по комнате; на столе, покрытом рукописями, стояла чернильница с пером. Он заговорил с прислугой своим обыкновенным тоном, в котором не было заметно ни малейшего волнения.

— Я думаю уехать отсюда, — начал он, — и только поэтому отказываю вам. Вот возьмите со стола аттестаты, прочтите их и скажите, не надо ли что-нибудь добавить.

Прибавлять было нечего. На другом конце стола лежали три кучки денег.

— Это месячное жалованье каждому из вас, — объяснил доктор, — так как я не предупредил вас за месяц. Желаю вам счастья.

Одна из женщин начала плакать. Доктор, не обращая на нее внимания, продолжал:

— Двоих из вас я буду просить об одном одолжении: подпишитесь свидетелями под моим завещанием.

Чувствительная кухарка отступила на шаг.

— Нет! — сказала она. — Я не подпишу!

Два других подписали завещание. Они заметили, что завещание было очень коротенькое; не прочесть его было трудно, потому что написано оно было крупно и четко и занимало всего две строчки над подписями: «Завещаю Зо, младшей дочери мистера Джона Галилея из Ферфилд-Гардена, в Лондоне, все, что после меня останется». Несколько формальных фраз, предшествовавших этим строкам, очевидно, были выписаны из небольшой книжки законов, лежавшей тут же на столе.

Женской прислуге позволено было идти вниз с тем, чтобы она уехала на следующий день. Лакей был остановлен в столовой.

— Я иду в лабораторию, — сказал ему доктор, — и мне надо перенести кое-что туда.

Барин вместе с лакеем снесли в лабораторию большую корзину, доверху наполненную письмами и рукописями, книги, ящик с лекарствами и каменный кувшин с молоком из кухни; все это было поставлено к дверям. Была холодная, звездная ночь. Свисток, раздавшийся с ближайшей железной дороги, был единственным звуком, нарушившим ночную тишину.

— Спокойной ночи! — сказал доктор.

Лакей поклонился, пошел обратно к дому и запер парадный подъезд. Теперь он более прежнего был убежден, что с барином неладно. В сенях его ждали женщины.

— Что все это значит? — спросили они.

— Будьте спокойны, — сказал он. — Я буду наблюдать.

Вслед за этим он вышел с заднего крыльца и встал за стеной. Отсюда он видел свет, падавший из дверей

лаборатории, и темную фигуру доктора, ходившего взад и вперед. Затем дверь затворилась и ничего более не было видно, кроме полосы света, выходявшей из верхнего окна.

Он прошел пустой двор и встал около задней стены, прислушиваясь к тому, что делалось в лаборатории.

Временами до слуха его долетали слабые крики животных. Потом послышалась какая-то возня. Дверь отворилась и в ней показались маленькие темные фигуры, быстро промелькнувшие, — кошки или кролики. Громадная фигура доктора показалась вслед за животными. Через минуту появилось последнее из освобожденных животных — большая собака, хромавшая, так как у нее была испорчена одна лапа. Проходя, она остановилась, чтобы прикоснуться к хозяину. Он поднял на нее руку. Собака тихо вышла из двери и скрылась во мраке.

Доктор продолжал стоять в дверях, высокий и темный, с лицом, обращенным к звездному небу. У Бенджулина была привычка, хорошо известная его домашним: он часто говорил сам с собою; но теперь он не произнес ни единого слова и не шевелился, точно звездное небо околдовало его.

Ночное безмолвие было нарушено свистком локомотива. Доктор вздрогнул, как человек, внезапно пробужденный от сна, и ушел обратно в лабораторию; послышался стук запираемой на крючок двери. Когда лакей, прождав еще некоторое время, пошел запереть калитку, звездное небо над лабораторией слегка покраснело. В верхнем окне виднелись огненные языки, и на ферме раздались крики: «Пожар! Пожар!»

Следствие показало, что совершен был поджог и самоубийство. Бумаги, книги и масло послужили горючим материалом, нарочно принесенным в лабораторию.

LXII

Вскоре после нового года праздновалась скромная свадьба — без толпы в церкви и без свадебного пиршества.

Мистер Галилей, провожавший в церковь невесту, отвел перед венчанием Овида в сторону.

— Она, бедняжка, кажется еще такой слабенькой, — сказал он. — Уверены ли вы, что она здорова?

— Здорова настолько, насколько может быть здоров человек с ее организмом, — отвечал Овид. — Времени потеряно много и никакому лечению, никакому уходу не вернуть его. Я сделал и сделаю все, что могу.

Свидетелями были Тереза и мистер Муль; Мария и Зо были подружками. Все спрашивали, где же мисс Минерва? Кармина удивила всех, заявив, что некоторые обстоятельства не позволяют ее лучшему и дорогому другу присутствовать на свадьбе. Тут она, улыбаясь и краснея, шепнула Оvidу:

— Когда мы сделаемся мужем и женою и я буду совершенно в тебе уверена, я расскажу тебе то, что никому другому знать не следует.

За корсажем у нее была спрятана маленькая записочка от мисс Минервы, написанная утром в день свадьбы. «Когда вы вернетесь после вашего медового месяца, Кармина, — писала гувернантка, — я встречу вас, как друг, и прижму к своему сердцу. Простите, что сегодня я не могу быть с вами. Все люди имеют свои слабости. Не говорите вашему мужу».

Когда молодые уехали, мистер Галилей обратился к мистеру Мулю.

— Передали ли вы мое поручение жене? — спросил он.

Мистер Муль вздохнул и покачал головой.

— Она не принимает никаких поручений от вас, точно она еще в сумасшедшем доме, — отвечал он. — Советую вам согласиться на развод, а я возьмусь устроить его.

— Видели вы ее?

— Я настаивал на этом до свидания с ее стряпчим. Она считает себя страшно обиженной. «Муж мой во время моей болезни ни разу не навестил меня и потихоньку увез от меня детей, — говорит она. — Дети мои были так рады уехать от меня, что ни одна из них даже из приличия не написала мне. Племянница моя совершенно бессовестно навязалась на шею моему сыну и перед тем написала ему письмо, в котором в самых отвратительных выражениях поносила меня, его мать. Наконец, Овид совершил неслыханную неблагодарность, женившись на девушке, поступившей таким образом». Вот каким образом объясняет она свое положение. «Разве меня можно обвинять, — говорит она, — за то, что я верю в историю матери этой девушки? Известно, что человек этот ухаживал за ней, а все остальное — дело личного взгляда. Я, может быть, была виновата в том, что вышла из себя и наговорила этой девушке резкостей. Но разве меня не вызвали на это? Разве я не страдала? Я знать более не хочу свою бессердечную семью. Всю остальную жизнь свою я посвящу науке. Избавьте меня, сэр, от себя и от своих клиентов». Она встала и движением головы указала мне на дверь.

— Если я разойдусь с нею теперь, — сказал мистер Галилей, — то буду у нее в долгу.

— Дайте мне честное слово, что никогда никому не передадите того, что я вам расскажу теперь, — сказал

мистер Муль. — Если ей будут нужны деньги, то добрейшим Овидом Вером мне даны для нее чеки.

В Лондоне в один и тот же день давалось два вечера.

Мистер и мистрис Овид Вер давали обед в честь своего возвращения. Тереза, произведенная в экономки, непременно захотела своими собственными руками приготовить картофель и сварить макароны. Гостями были лорд и леди Норзлэк, Мария и Зо, мисс Минерва и мистер Муль. Мистер Галилей был в числе хозяев. В Лондоне он жил с дочерьми в доме у Овида. Когда же они ездили в Шотландию, мистер Галилей жил в своем собственном коттедже, купленном им в парке лорда Норзлэка. За обедом он сказал речь, а Зо пропела шотландскую песню.

В другой части Лондона был тоже вечер; улица была полна карет и об этом вечере было написано в газетах.

Мистрис Галилей давала ученый вечер. К ней собрались профессора и люди науки. Ученые споры дошли до того, что в гостиную были принесены лягушки. Ученых представителей было до трехсот, и все они разъехались домой, плотно поужинав. В два часа мистрис Галилей, оставшись в пустых комнатах, сказала ученому другу, жившему с нею:

— Наконец-то я могу назвать себя счастливой женщиной!



Уилки Коллинз  
**РАЗУМ И ЧУВСТВА**

*Перевод с английского*

Корректор *Н. Виноградова*  
Верстка *Н. Байдаковой*

Подписано в печать 22.05.2014.  
Формат 84×108 <sup>1</sup>/<sub>32</sub> Гарнитура Академическая.  
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,5. Уч.-изд. л. 12,7.  
Тираж 2030 экз. Заказ № 2279

Издательство «ТДЛ»  
193036, г. Санкт-Петербург,  
ул. Садовая, д. 28/30, корпус 7, пом. 3Н  
Тел.: (812) 714-44-70, факс: (812) 571-26-25

Отпечатано с готовых файлов заказчика  
в ОАО «Рыбинский Дом печати»  
152901, Рыбинск, ул. Чкалова, д. 8.  
e-mail: [printing@r-d-p.ru](mailto:printing@r-d-p.ru) [www.r-d-p.ru](http://www.r-d-p.ru)





